

Часть I. ЕГИПЕТ И ПЕРВИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ.

1. МЕТАМОРФОЗЫ ГЕРМЕСА.

Метаморфозы Гермеса

Часто возникает вопрос об истоках розенкрейцерства. Хотя большинство исследователей согласно относят его исторические корни к XVII веку, тем не менее, начало этого движения можно обнаружить в гораздо более далёком прошлом. Таково мнение Михаэля Майера. В своём труде "Silentium post clamores" (1617) он представляет истоки розенкрейцерства как египетские, брахманические, вышедшие также из Элевсинских и Самофракийских мистерий, включающие знания магов Персии, пифагорейцев и арабов.

Через несколько лет после выхода "Fama Fraternalitatis" (1614) и "Confessio Fraternalitatis" (1615) Иренэус Агностус в труде "Щит истины" (1618) без колебаний представляет Адама как первого представителя Ордена.

Розенкрейцерские манифесты не появляются без ссылки на их источник: "Наша философия не представляет собой ничего нового, она соответствует тому, что Адам унаследовал после Падения, и тому, что использовали Моисей и Соломон".

Первичная традиция

Адам, Египет, Персия, мудрецы Греции, арабы напрямую связаны с корнями розенкрейцерства. Эти корни соотносятся с концепцией, которая была широко распространена ещё до её признания под именем "Первичной Традиции". Данное понятие появилось в период Ренессанса. Именно тогда был вновь открыт "Corpus Hermeticum", собрание мистических текстов, приписываемых египетскому жрецу Гермесу Трисмегисту. С этого времени понятие исконного откровения, чьей колыбелью стал Египет, получило значительный резонанс.

В мои намерения вовсе не входит рисовать общую картину египетского эзотеризма, скорее, задача состоит в том, чтобы показать, каким образом было передано это наследие. Дорога, связывающая Египет с Западом, длинна, и пейзаж её изменчив. Мы не можем здесь описать все её изгибы, поскольку это заняло бы целый том. Тем не менее, несколько промежуточных остановок позволяют понять истоки Розы и Креста. Для такого путешествия необходим проводник, и наиболее подходящим для этой цели мне представляется Гермес. Действительно, история и мифы, имеющие отношение к этой личности, особенно изобилуют сведениями об интересующем нас предмете.

Ещё с античных времён египетская цивилизация вызывала восхищение. Её Школы Мистерий, одновременно университеты и монастыри, служили хранилищем её знаний. Эти школы познали особенный расцвет под эгидой Эхнатона (примерно 1353 - 1336 годы до нашей эры), когда им было введено понятие монотеизма. Благодаря своим таинственным культам египетская религия возбуждала любопытство.

В пантеоне египетских богов Тот, бог с головой ибиса, играл особую роль. Писец на Божественном суде, он считается создателем письма и олицетворяет медицину, астрономию и магию. Он является светом Ра в его ночном аспекте, что делает его посвящающим в тайны. Тот также и супруг Маат, богини Правосудия и Истины. Такие качества позволили ему стать эмблемой египетских мистерий, и, возможно, благодаря этому Тот вскоре познает удивительные метаморфозы.

Греки и Египет

По Геродоту, Мистерии Греции многим обязаны Египту. Великие учёные античной Греции искали истинные знания у египетских мудрецов. Многие из них были посвящены в Мистерии и таким образом осуществили передачу знаний египтян в мир эллинизма. Первым из семи мудрецов, Фалес из Милета (624 - 548 годы до нашей эры), посещает жрецов Египта и вместе с Солоном вымеряет пирамиды. Плутарх заявляет, что именно Фалес принёс в Грецию египетскую геометрию. Солон (640 - 558 годы до нашей эры) был в Египте несколько раз и обсуждал со

жрецами вопросы философии. Именно он принёс в Грецию рассказы об Атлантиде, которые Платон вскоре использует в "Тимее" и "Критии". Фалес призывает Пифагора отправиться в Египет. По Ямвлиху, Пифагор обучался в египетских храмах двадцать два года. После возвращения он поселился в Кротоне, в Италии, и создал школу, основанную на принципах египетских Школ Мистерий. По Аполлону Родосскому, Гермес через своего сына Аитаида является прямым предком Пифагора.

Диодор Сицилийский отмечает, что Орфей путешествовал в Египет и был посвящён в Мистерии Осириса. По возвращении в страну он учреждает новые ритуалы, орфические Мистерии (около VI века до нашей эры). Плутарх оценивает орфические и вакхические мистерии как, в действительности, египетские и пифагорейские, а Диодор Сицилийский добавляет, что афиняне наблюдают в Элевсине ритуалы, похожие на египетские. В V веке до нашей эры Геродот посещает Египет. Он присутствует на ритуалах и беседует со жрецами. В своих рассказах он описывает Мистерии Осириса, которые праздновались в Сансе. Греческий философ Демокрит из Абдеры (460 - 370 годы до нашей эры), открыватель атома, был также посвящён в египетских храмах и проходил обучение у геометра фараона. Платон (427 - 347 годы до нашей эры) оставался в Египте три года и был посвящён жрецами. Один из его учеников, Евдокс Книдский (405 - 355 годы до нашей эры), математик и геометр, также предпринял путешествие к берегам Нила. Он был посвящён как в научном плане, так и в духовном. Страбон также посещал жрецов Гелиополиса в течение тринадцати лет.

Тот-Гермес

Мало-помалу греки переняли самых известных богов и героев Египта. Начиная со второго века до нашей эры, Гермес, сын Зевса и нимфы Майи, рассматривается как потомок Тота. Египетский бог Тот имел сына Агатодаймона, который в свою очередь породил сына названного Гермесом. Последний, который считается вторым Гермесом, именуется как Трисмегист, что означает "трижды великий". Гермес провожает путников в иной мир. Зевс подарил ему крылатые сандалии, которые позволяют передвигаться со скоростью ветра. Вскоре Тот и Гермес стали восприниматься как одно и то же лицо.

Александрия

С завоеванием Египта Александром Великим (333 год до н.э.) ассимиляция египетской культуры в греческом мире усиливается. В 331 году до н.э. там, где воды Нила сливаются с волнами Средиземного моря, появляется город Александрия. Перекрёсток культур - египетской, еврейской, греческой и христианской - она становится интеллектуальным центром Востока. Учения терапевтов, гностиков и многие другие мистические течения будут развиваться вокруг этого города. Его богатейшая библиотека, насчитывающая более 50 000 томов, содержит все знания эпохи. К тому же Александрия становится тем тиглем, где расцветает греко-египетская алхимия.

Александрия, действительно, видит зарождение алхимии, которая появляется как продолжение, наследство древней египетской практики, переформулированной и принятой греческой мыслью. Её оригинальность состоит в предложении конкретной и универсальной науки, освобождённой от влияния религии. Гермес Трисмегист будет представлен александрийскими алхимиками как основатель этого искусства, которое становится новым направлением античной Традиции. Вместе с тем отметим, что она существовала ранее в Китае и Индии. Среди алхимиков Александрии Болос де Мендос (100 год до н.э.) является особой фигурой. Его часто представляют основателем греко-египетской алхимии.(1).

В 30 году до н.э. Александрия становится столицей римской империи провинции Египет. Римляне, в свою очередь, ассимилируют греко-египетского Гермеса со своим Меркурием, богом торговли и путешествий. Меркурий-Гермес - это вестник богов, проводник душ. Рим принимает Египет и его культуры с лёгкостью. Плутарх, друг императора Траяна, член священнической коллегии храма Аполлона в Дельфах, где он был великим жрецом, также отправляется в поисках знаний на берега Нила. Там он получает посвящение от Клеа, жрицы Исида и Осириса. В своей книге "Исида и Осирис" Плутарх упоминает "труды, именуемые как Книги Гермеса" и подчёркивает важное значение египетской астрологии. Он также приводит авторитетные мнения о происхождении Исида как дочери Гермеса.

Герметический свод

За три века до христианской эры началась работа над тем, что называют "Герметики", то есть тексты, приписываемые Гермесу Трисмегисту. Эта литература в изобилии распространялась, начиная с первого века до н.э. Создание "Герметик" продолжалось до III века нашей эры в районе дельты Нила. Написанные по-гречески, они служили распространению египетского эзотеризма. Клемент Александрийский говорит о сорока двух книгах Гермеса, которые египтяне переносили во время церемоний. Ямвлих приписывает Гермесу 20 000 трудов, в то время как Селециус и Манетон доводят их число до 36 525. Наиболее известными, написанными между I и III веками, являются семнадцать трактатов, объединённых под названием "Герметический свод" (Corpus Hermeticum). В основном они состоят из диалогов между Гермесом, его сыном Татом и Асклепием. Первый из этих трактатов, "Пойманд", даёт представление о создании мира.(2)

"Асклепий" - также очень важный текст. Он описывает религию египтян и магические ритуалы, которые они использовали для привлечения космических сил с целью оживления статуй богов. Наконец, "Фрагменты Стобеи" составляют третью группу "Герметик". Они состоят из тридцати девяти текстов и представляют собой диалоги Исиды и Гора о сотворении мира и о происхождении душ. Эти тексты, в основе своей приписываемые Гермесу Трисмегисту, кажутся переведёнными с египетского. Однако в действительности они содержат мало подлинно египетских элементов. Большею частью они несут печать греческой философии, а также иудаизма и религии персов. Между многими из них отсутствует связь, и очевидны доктринальные противоречия. Немного позже мы вернёмся к этим текстам.

Pax Romana

Во втором веке нашей эры "Pax Romana" (Римский мир) установил мир в Средиземноморье. В эту эпоху проявляется страстный интерес ко всем ушедшим цивилизациям: индусам, персам, халдеям, и особенно к египтянам, из-за очарования их ещё действующих храмов. Богатые римляне приходят в страну фараонов. Апулей, латинский писатель, интересующийся всяческими тайнами, также был там и описал в собственной манере египетские мистерии в "Золотом Осле".

Вместе с алхимией магия и астрология занимают важное место. Клавдий Птолемей, грек, живший в Александрии, пишет "Тетрабиблос", трактат, который систематизирует все основы греческой астрологии (с влиянием египетской и халдейской): знаки, дома, аспекты, четыре стихии. Птолемей был не только астрологом, но и астрономом, которому мы обязаны теориями геоцентризма и эпициклов, властвовавшими над умами вплоть до 17 века. Именно он принёс на Запад греческие познания в астрономии. Клемент Александрийский (150 - 213), один из отцов греческой церкви, создаёт в своих "Строматах" портрет египетских астрологов своего времени, которые должны были быть всегда готовы читать наизусть все четыре астрологические книги Гермеса.

Олимпиодор (V или VI век) представляет алхимию как некое священное искусство практикуемое египтянами. Папирусы, находящиеся сегодня в музеях Лондона и Стокгольма, ясно показывают металлургические процессы, связанные с магическими формулами. В III веке Зосима из Панаполиса приезжает в Александрию чтобы посвятить себя алхимии. Алхимические труды Зосимы повествуют не только о лабораторной работе, но и о трансформации души и мистических поисках. Зосима - первый известный алхимический автор, создавший концепцию и символику этой науки. В третьем веке алхимия приняла такой размах, что император Диоклетиан, обеспокоенный возможным обесцениванием драгоценных металлов, выпускает эдикт, запрещающий занятия ею, и предаёт огню алхимические трактаты.

Неоплатонизм

Неоплатоников очень интересовал Египет. Ямвлих (240 - 325), посвящённый в халдейские, египетские и сирийские ритуалы, является крайне загадочной фигурой. "Божественному Ямвлиху", главе неоплатонической школы, приписывали необыкновенные способности. Во время молитвы его тело поднималось больше, чем на десять локтей над землёй, а кожа и одежды сияли чудесным золотым светом. Египет занимает в его трактатах высочайшее место. В "Египетских мистериях", в образе Абаммона, он представляет себя как Мастера египетской священной иерархии и как проводника мудрости Гермеса.(3). Благодаря Ямвлиху получили распространение теургия и египетские гадательные практики.

Позже другой неоплатоник Проклус (412 - 485), также значительно проявивший себя в теургии, заявляет о своей принадлежности к "цепочке Гермеса". В будущем он окажет огромное влияние на суфизм и таких христианских мыслителей как Скот Эриген, Мейстер Экхарт и многих других.

Тем не менее, эта эпоха уже видит, что Египет уступает дорогу зарождающемуся христианству. Александрия играет важную роль в различных дискуссиях, отмечающих первые шаги этой религии, установленной Константином. В III веке египтяне отказываются от иероглифического письма и принимают коптское. Копты приспособливают тайные науки фараонов к христианству. Вскоре император Феодосий издаст эдикт, запрещающий нехристианские культы. Это ознаменует конец египетского духовенства и его церемоний.

Христиане и Гермес.

В общем аспекте отцы Церкви любили использовать мифологию, чтобы обнаружить в ней предпосылки Евангелия. Гермес Трисмегист неизменно вызывает у них уважение. Лактанций (350 - 425) в своих "Божественных установлениях" видит в "Герметическом своде" христианскую истину, сформулированную ещё до христианства. Святой Августин (354 - 430), отец Церкви, в "Городе Бога" делает Гермеса потомком Моисея. Он читал "Асклепия" в переводе Апулея Мадорского. Правда, восхищаясь Гермесом Трисмегистом, он отрицает магию, изложенную в "Асклепии". Клемент Александрийский любил сравнивать Гермеса-Логоса и Христа-Логоса.

Во время правления императора Юлиана Отступника (361 - 363) происходит короткое возвращение к культам Мистерий. Юлиан узаконил меры против христиан и восстановил язычество. Находясь под влиянием неоплатонизма, он проповедует античную теургию. Этот возврат был коротким, и в 387 году христианский патриарх Теофил преступает к разрушению египетских храмов с тем, чтобы превратить их в места христианского культа. Несмотря ни на что, египетский центр ещё долго будет существовать на острове Фила. Его закроют только в 551 году по приказу императора Юстиниана. Можно констатировать, что египетские храмы действовали ещё между I и IV веками, то есть в период, к которому относится и составление Герметик. Замечено, что эти тексты достаточно пессимистичны в отношении будущего египетской религии. Это наводит на мысль о принадлежности автора к египетским кругам, точнее к их священническому классу, который ещё владел фрагментами египетской мудрости, но уже был подвержен эллинизации и был вынужден изъясняться в иноязычной форме.

Александрия была точкой перехода от египетской науки к греческому и римскому миру. Она стала очагом переосмысления античной Традиции через алхимию, астрологию и магию. В VI веке, после того, как свет этого очага освещал большую часть Востока, он исчезнет, а факел перейдёт в руки арабов.

Сабиняне

В 642 году арабы захватили Александрию. Эта дата отмечает конец её славы. Но момент открытия её эзотеризма арабами ещё не наступил. Действительно, их встреча с Гермесом произошла задолго до этого времени. Сабиняне этому примером. Мифическое царство, в котором многие видели рай земной, ранее назывался "Счастливая Аравия". Там же якобы находилась страна Феникса. Позже её посетит Кристиан Розенкрейц, чтобы получить чудесное знание. Библия рассказывает, что царица этой страны, царица Савская, встречалась с царём Соломоном. В Библии не указывается точное расположение её страны, однако Коран отмечает, что речь идёт о Южной Аравии (Йемене).

Сабиняне были признанными астрологами, и Маймонид отмечает, что эта наука играла у них важнейшую роль. Традиция свидетельствует о том, что маги, пришедшие поклониться младенцу Христу, были именно из этой легендарной страны. Сабиняне обладали трактатами Гермеса об алхимии и "Герметическим сводом". Необычайно учёные, именно они сделали научный вклад в ислам, хотя и оставались вне этой религии. Сабиняне считали, что их происхождение восходит к Гермесу, перед которым они особенно преклонялись. Они писали книги, содержание которых, как утверждали, было откровением Гермеса, - такие как "Письмо о душе" и "Литургические установления Гермеса" Табит ибн Корра, выдающейся фигуры сабеизма в Багдаде (IX век).

Идрис-Гермес

VII век отмечен зарождением ислама. Хотя Коран не делает ссылок на Гермеса, агиографы первых веков ислама идентифицируют пророка Идриса, упоминаемого в Коране, с Гермесом и Енохом. Это сочетание позволяет исламу протянуть нить к эллино-египетской традиции. В исламе Идрис-Гермес представлен одновременно как пророк и как вневременная личность. Иногда его ассимилируют с Аль-Хезром, таинственным посредником, мудрецом, давшим посвящение Моисею, который играет основополагающую роль в суфизме, являясь проявлением личного наставника.(4) Абу Масар, персидский астролог VIII века, известный в Европе под именем Альбумазара, написал трактат, описывающий генеалогию Гермеса. Этот текст, распространённый в арабском мире, различает трёх последовательно действовавших Гермесов. Первый, Гермес Старший, жил ещё до потопа. Он идентифицирован с Тотом и представлен также тем, кто дал человеку знание, кто возвёл египетские пирамиды и нанёс на них священные иероглифы Египта для будущих поколений. Второй жил в Вавилоне после потопа. Он был мастером в медицине, философии и математике. От этого Гермеса принял посвящение Пифагор. Наконец, третий Гермес представлен как продолжатель дела своих предшественников в качестве учителя человечества. Он был мастером в оккультных науках, и именно он познакомил человечество с алхимией.

Изумрудная Скрижаль

В тот же период появляется "Изумрудная Скрижаль" - текст, имеющий для Традиции очень большое значение. Его наиболее древняя версия написана на арабском языке и датируется VI веком. Её авторство приписывается Аполлонию Тианскому, философу и чудотворцу I века. Нам этот текст стал известен благодаря переводу с арабского, сделанному Сагиусом, христианским священником из Набулуса. Он приведён в "Тайной книге сотворения" Аполлония Тианского. В этой книге Аполлоний Тианский рассказывает, как он нашёл могилу Гермеса. В некоем склепе он обнаружил старца, восседающего на троне и держащего в руках табличку из изумруда, на которой был текст удивительной "Изумрудной Скрижали". Перед ним лежала книга, объясняющая тайны сотворения сущего и науки о причине всех вещей.(5) Этот рассказ позднее нашёл отклик в "Fama Fraternitatis".

Арабская алхимия

Роль арабов в знакомстве средневекового Запада с алхимией широко известна. Они же оставили нам словарь этого искусства. Ислам не ограничился ролью посредника. Как подчёркивает Пьер Лори в книге "Алхимия и мистика на земле ислама", арабы создали концепцию алхимии, которая позже утвердилась повсеместно.(6) Их алхимия - это не только лабораторное искусство, она также предполагает открыть сокрытые законы Творения и обладает мистическим и философским измерением. Если арабская алхимия и претендует на египетские истоки, то её применение началось ещё до завоевания Египта арабами в 639 году. Арабы получили греческую алхимию через сирийцев, однако их первыми учителями в этом искусстве были иранцы, унаследовавшие эзотерические традиции Месопотамии.

Первым известным арабским алхимиком был омейядский князь Халид ибн Язид (? - 704), принявший посвящение от александрийского христианина Моринуса. Алхимия имела быстрый успех в исламском мире, и вскоре были переведены многие греческие трактаты. Самой яркой фигурой арабской алхимии стал Джабир ибн Хайян (? - 815), известный на Западе под именем Гебера. Он выявил базовые понятия Великого Деяния. Его размышления подводят к духовной алхимии крупного масштаба. Ему мы обязаны также многочисленным открытиям в химии. "Свод Джабира" содержит более трёх тысяч трактатов, большинство из которых являются апокрифами. Вероятно, они представляют собой плод трудов школы, сформировавшейся вокруг его учений. Всего же арабская алхимия насчитывает многочисленных мастеров, из которых мы назовём лишь нескольких: Абу Бахр Мохаммед ибн Захария, называемый аль-Рази или Разес (X век), Сениор Задит (Мохаммед ибн Умайль аль-Тамими) ибн Умайль (X век), Абд Алла аль-Джалдаки (XVI век). Их труды быстро распространятся по Европе через Испанию и оставят глубокий отпечаток на латинском Западе.

Магия и астрология

Магия также является центральным аспектом арабской духовной науки. Ислам поставил во главу угла магию букв, похожую на древнееврейскую каббалу, чтобы раскрыть тайны Корана. К тому же арабская магия, о которой Кристиан Розенкрейц сказал нам позже, что она не очень чиста, охватывает широкие области: это медицина, астрология, талисманы: Астрология широко представлена в исламском мире. Хотя предполагают её языческое происхождение, активнее всего она стала развиваться с VIII века, когда "Тетрабиблос" Птолемея был переведён на арабский. Астрология в эпоху Аль-Мансура, второго аббасидского халифа (754 - 775), обязана не только грекам. Она испытала влияние индусов, сирийских христиан, иудео-арамейцев и, без всякого сомнения, ессеев. В целом, многие эзотерические науки сыграли свою роль в исламе, в частности, в шиитской среде, как это показал Анри Корбен. Поэтому можно понять, почему Кристиан Розенкрейц отправился в арабские страны, где он нашёл основные элементы, заложенные в фундамент Ордена Розы и Креста.

Восточная теософия

В IX веке Ибн Вахсия в своём трактате "Сведения о раскрытых оккультных алфавитах" представляет многие оккультные алфавиты, приписываемые Гермесу.(7). Он также даёт описание четырёх классов египетских жрецов, берущих начало от Гермеса. Он называет "Ishraqiyun (с Востока)" тех, кто принадлежит третьему классу, то есть детей сестры Гермеса Трисмегиста. Вскоре Сохраварди (? - 1191), один из великих мистиков иранского ислама, вновь использует это выражение "Ishraqiyun" в смысле "Восточные Теософы", говоря об учителях, получивших Просветление. Для него философия и мистический опыт неразрывны, и в своей "Книге восточной мудрости" он представляет цепь Посвящённых прошлого, восточных теософов. Для него этот опыт берёт начало от Гермеса, которого он делает предком, Отцом мудрецов. Эти философы-экстатика, которых он называет "столпами Мудрости", - Платон, Эмпедокл, Пифагор, Зороастр, Мохаммед: Что особенно интересно, так это то, что в противоположность авторам, которых мы встречали до сих пор, Сохраварди пытается установить не историческое, человеческое родство между Гермесом и учёными различных традиций, но родство посвященческое, небесное, основанное на внутреннем опыте.(8)

Наследство Гермеса огромно и разнообразно. Его сокровища (алхимия, магия и астрология) составляют основные элементы традиционного Эзотеризма. Они пронизывают цивилизации, среди которых Матерью традиций повсеместно признан Египет. В Средние века это наследие античности проникло на Запад. В период Возрождения оно приняло новый облик, чтобы создать то, что известно под названием "Западный эзотеризм". Он будет развиваться особым образом до достижения критического порога накануне появления "Розенкрейцеровских манифестов".

Часть I. ЕГИПЕТ И ПЕРВИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ.

2. PHILOSOPHIA PERENNIS.

В первой части данного исследования мы видели, как Тот перешёл из Египта в эллинизированный мир. Науки Гермеса - магия, алхимия и астрология - расцветают в это время в садах Александрии. В VI веке арабы обогатили это наследие собственными идеями, и теперь Гермес Трисмегист отправится в путешествие на христианский Запад. Испания, а затем Италия примут и, в свою очередь, разовьют эти науки. Этот новый этап в истории эзотеризма принесёт нам элементы, необходимые для толкования паломничества Христиана Розенкрейца и содержания розенкрейцерских Манифестов.

Ислам в Испании

В 711 году арабы завоёвывают Испанию. Кордова вскоре становится сердцем мусульманской Испании, находящейся под управлением омейядского халифа Абд аль-Рахмана. Христиане, как и евреи, которых в Испании немало, всё это время сохраняют свободу отправления культа. Сложившаяся ситуация имеет свои положительные последствия, поскольку делает возможным обмен между данными культурами. Испания, таким образом, будет способствовать распространению на Западе всего культурного наследия арабской цивилизации, которая во многих областях в эту эпоху более продвинута, чем Европа. Латинские переводы испанцев отныне делают доступной значительную часть греческих текстов, сохранных арабами и ещё не известных в Европе.

Через Испанию проникают на Запад и эзотерические науки. В Толедо делаются переводы многих трактатов по алхимии, магии, астрологии, и вскоре этот город завоёвывает репутацию "кафедры оккультных наук"(1). Открытие мощей святого Якова в Компостелле в начале XI века даёт новый импульс "реконкисте" - отвоеванию Испании христианами. Реконкиста заканчивается только в XIII веке. Однако ранее, в XI и XII веках, паломничество в Компостеллу приобрело большой размах, что связало Испанию с европейским христианством и содействовало распространению свода эзотерических знаний.

Алхимия в Испании

Как подчёркивает Робер Аллэ (Robert Halleux) в своей работе "Обретение арабской алхимии Западом"(2), именно перевод текстов по арабской алхимии открыл дорогу для её развития на Западе. Испания явилась тем путём, по которому алхимия проникла в Европу. Общепринято считать началом истории европейской алхимии 1144 год. Это дата перевода труда под названием "Morienuis", сделанного в Памплоне архидиаконом Робером Честерским (Robert de Chester). В предисловии этого текста приводится легенда о трёх Гермесах. Кроме того, в Испании в 1140-1150 годах Хьюго де Санталла (Hugo de Santalla) переводит с арабского "Книгу о тайне творения". В этом сочинении Балинус, он же Аполлоний Тианский, рассказывает о своём открытии места захоронения Гермеса Трисмегиста, где и была найдена "Изумрудная Скрижаль". В Толедо Жерар Кремонский (Gérard de Crimone) (1114-1187) переводит тексты огромного свода Жебера (Geber) и Разеса (Rhazes), в то время как Хуан Толедский (Juan de Toledo), обращённый еврей, переводит "Сифр-аль-асрар (Тайная тайных)" Псевдо-Аристотеля, фундаментальный текст по алхимии.

Пикатрикс

Параллельно с развитием алхимии в X__ веке происходит возрождение магии. В Средние века она была, главным образом, связана с остатками язычества и не имела какого-либо прямого источника. Её "вulgатой" служил, в основном, текст, который Изодор Севильский (Isodore de Seville) (ок. 560-636 г.г.) посвятил данной теме в своих "Этимологиях". Начиная с X__ века, и ещё более в X__ веке, фундаментальные тексты появляются на Западе в виде арабских и еврейских трактатов. С этих пор утверждается учёная магия, пользующаяся спросом у князей и королей, что позволяет ей избежать осуждения церковью. По приказу Альфонса Мудрого был переведён "Сефер Рациэль", трактат по еврейской магии, а в 1256 году он же стал инициатором перевода знаменитого "Пикатрикса". Этот арабский трактат, приписываемый Масламе аль-Магрити (Maslama al-Magriti), был, по-видимому, написан в Египте между 1047 и 1051 г.г. "Пикатрикс" окажет огромное влияние на Пьера д'Абано (Pierre d'Abano), Марсилио Фичино (Marsile Ficino) и Генриха Корнелия Агриппу (Henri Cornelle Agrippa). В нём трактуются связи, существующие между растениями, камнями, животными, планетами: и рассматриваются способы их использования в магических целях. "Пикатрикс" раскрывает также силу магических изображений, автором которых

представляет Гермеса Трисмегиста. Кроме того, последний предстаёт как основатель идеального города Адосентина, существовавшего в Египте до Потопа. Этот город, посвящённый культу Солнца, имел в качестве жреца самого Гермеса. Именно в этом трактате Томазо Кампанелла вскоре почерпнёт основные идеи своего "Города Солнца"(3).

Каббала

Присутствие евреев в Испании сыграло важную роль в распространении каббалы. Тем не менее, в XII веке она развивается, прежде всего, на юге Франции, в Лангедоке, вокруг "Сефер ха-Бахир (Книга Света)". В этом регионе живёт немало каббалистов, таких как Р. Абрахам бен Исаак (скончался в 1180 г.), главный судья в Нарбонне, или Исаак Слепой (1165-1235). Немного позднее каббала распространяется и в Испании, главным образом, в Жероне, в Кастилии, и в Толедо. Там созерцательный аспект каббалы Лангедока оплодотворяется еврейской мыслью, вышедшей из греко-арабской традиции, а также из учения Плотина. В Сарагосе Абрахам Абулафия, первостепенная фигура экстатической каббалы, разработал технику медитаций на буквах древнееврейского алфавита, связанную с дыханием. Вскоре, в XIII веке появляется "Зогар", объёмный труд, которого ждёт огромный успех в мире эзотеризма. Свидетельствуют, что в 1305 году в Вальядолиде в Испании Моисей де Леон хранил оригинал этого трактата.

Астрология

Начиная с XII века, как следствие переводов на латынь арабских текстов, в Европе расцветает астрология. Несмотря на присутствие астрологии на Западе с VI века, она до этой поры была наукой, относительно мало развитой. Перевод таких текстов, как "Kitabal-Uluf (Китабал-Улуф)" Альбумазара (он же Джафар ибн Мохаммад), должно было стать импульсом к развитию астрологии. Эта книга, воспроизводящая легенду о трёх Гермесах, является кратким изложением персидской, индийской и греческой астрологии. Доступ к фундаментальным текстам античной астрологии вызовет значительное развитие этой науки. В это время становятся необыкновенно популярными календари, альманахи, предсказания, а также картинки, в которых используется символика, связанная с планетами. Однако, несмотря на всё это, надо будет дождаться XIV века, чтобы стать свидетелем появления латинского перевода главного текста астрологии - "Тетрабиблоса" Птолемея.

Изгнание евреев

После нового завоевания христианами в XIII веке Испания утрачивает веротерпимость, установленную мусульманами. Теперь евреев ждут трудные времена. Им предлагается выбор между ссылкой, смертью или обращением в христианство. В 1391 году многие из них просят окрестить их, дабы избежать уничтожения. Некоторые из них, "марраны", примут обращение для видимости и будут продолжать исповедовать свою религию тайно. Вскоре начнутся изгнания, сначала в 1483 году в Андалузии, затем в 1492 происходит полное изгнание евреев. Некоторых из них приютит Италия. Они принесут сюда тайные знания, которые в результате узнают новый расцвет. Это достояние добавится к тому, которое Италия уже получила. Действительно, в 1439 восточные христиане под угрозой экспансии ислама ищут путей сближения со своими братьями на Западе. Для этой цели многие учёные Востока, например, такие как неоплатоник Жемист Плетон (Gemiste Pleton), приезжают во Флоренцию для участия в соборе примирения. Они привозят в Италию тексты греческих философов. Усилия по сближению, предпринятые слишком поздно, не смогли помешать тому, что станет катастрофой для Византийской церкви, так как в 1453 году турки завоевывают Константинополь. Как мы увидим в дальнейшем, вовсе не случайно автор "Химической свадьбы" называет 1453 год тем годом, когда Христиан Розенкрейц получает через видение сообщение о грядущей свадьбе.

Флорентийская Академия

Взятие Константинополя в 1453 году позволило греческой культуре, в частности, произведениям Платона, до сих пор известным только по отрывкам, проникнуть в Италию. Козимо де Медичи, понимая всю важность этого явления, создаёт во Флоренции платоновскую Академию и просит Марсилио Фичино (1433-1499) заняться переводом Платона. Неутомимый труженик, Марсилио Фичино даст Западу первые переводы Платона, равно как и Плотина, Прокла, Ямвлиха, Дионисия Ареопагита и многих других. Но вскоре произойдёт нечто чрезвычайно важное. "Герметический

Свод", столь часто цитируемый в Средние века, исчез, из него осталась известной только одна часть - "Асклепий". Однако в 1460 году один монах, служащий у Медичи, приносит манускрипт "Герметического Свода". Козимо Старший настолько хорошо осознаёт значение свершившегося, что просит Марсилио Фичино прервать работу над переводами трудов Платона и приступить к переводу Гермеса Трисмегиста. В 1471 году Марсилио Фичино издаёт первый перевод "Герметического Свода". Это издание получило огромную популярность и в результате только до XVI века переиздавалось шестнадцать раз.

Philosophia Perennis

Марсилио Фичино был убеждён, что оригинал "Герметического Свода" был написан по-египетски. Таким образом, в Гермесе Трисмегисте видят египетского жреца, стоявшего у истоков всех тайных наук, от кого эти науки и начали передаваться. Марсилио Фичино в своей "Платоновской Теологии", опубликованной в 1474 году, приводит генеалогию философов, через которых после Гермеса передавались эти науки: Зороастр, Орфей, Аглаофем, Пифагор, Платон...(4) Из такого видения предмета родилось новое понятие - Первичная Традиция, то есть первое откровение, которое передаётся непрерывно из века в век от посвящённых к посвящённым. Эта мысль, высказанная ранее святым Августином, вновь возродилась благодаря М. Фичино. Она будет оформлена позднее Агостино Стеко в 1540 году в виде концепции "Philosophia Perennis", то есть вечной философии.

Арамеи

Можно понять, почему во Флоренции, то есть в Тоскане, эта идея получила благоприятный отклик. Ведь удивительно, что в издание "Герметического Свода" 1548 года включено посвящение Козимо Старшему, составленное "арамеем" Карлосом Ленцони. Чтобы понять этот факт, вспомним, что Гермес Трисмегист считался современником Ноя. Утверждалось также, что после Потопа Ной основал двенадцать городов в Этрурии и что его тело покоится в окрестностях Рима. Добавляли к этому, что Геркулес Ливийский был основателем Флоренции. Отсюда родилась идея о превосходстве тосканского языка как произошедшего от арамейского через этрусский. Поскольку в египтянах видели потомков Ноя, то не составило большого труда связать Флоренцию напрямую с истоками цивилизации. Эти идеи, дорогие сердцу Козимо де Медичи, были чрезвычайно популярны во флорентийской Академии.

Натуральная магия

"Герметический Свод", повествующий о тайных знаниях египтян, вместе с тем, мало конкретен в области их применения. В XIII трактате Свода Гермес Трисмегист обучает своего сына Тата принципам мистического обновления, достичь которого возможно, заставив умолкнуть свои чувства, защитив себя от рокового влияния звёзд и позволив родиться в себе Божеству(6). Марсилио Фичино - священнослужитель, но он одновременно и врач, и у него есть чувство конкретного. Поэтому он будет искать пути применения этих теорий у неоплатоников, но особенно в "Пикатрикс", у Альбумазара и в трактатах своего соотечественника Пьера д'Абано, который раньше него заинтересовался арабской магией. Фичино разрабатывает "натуральную магию", связующую эти теории с идеей о творящем Глаголе, выраженной в христианстве. Его "натуральная магия" отличается большой утончённостью. Она использует симпатические связи как, например, свойства планет, проявляющиеся во всех стихиях, минералах, растениях: а также благоволия, вина, поэзию и музыку (орфические гимны) для того, чтобы уловить тонкие энергии Творения, "spiritus mundi"(7). Марсилио Фичино является важнейшей индивидуальностью в истории западного эзотеризма не только вследствие своей роли переводчика и комментатора древних текстов, но также благодаря своим трудам, таким как, например, "Triplīci Vita (Триединая Жизнь)", оказавшим на многих значительное влияние. Как подчёркивает Антуан Февр, именно благодаря Фичино "эзотеризм вскоре станет философией и, как следствие, неотъемлемой частью идей Возрождения"(8).

Ангельская магия

Самый известный ученик М. Фичино Пико дель Мирандола (1463-1494), будучи исключительно одарённой личностью, в двадцать три года изучил уже всё, что было в его время известно о различных религиях, философиях и эзотерических науках. Если Фичино относился к каббале

снисходительно, то Пико дель Мирандола нашёл в этой традиции дополнение к магии своего учителя. Он считал полезным усилить натуральную магию магией каббалистической, основывающейся на энергиях эмпирии. Эта наука, которая призывает ангелов и архангелов через их имена на древнееврейском языке (представленном как язык Бога), обладает для Мирандолы чрезвычайной эффективностью. Обратившись к теориям св. Иеронима и Николая Кузанского относительно имени Иисуса, он показывает, что каббала позволяет доказать божественность Христа. Он также закладывает основы "христианской каббалы"(9). Обладая энциклопедическими знаниями, Мирандола хотел доказать общность всех философских систем. С этой целью он опубликовал в 1486 году свои "Девятьсот тезисов". Среди его аргументов сошлёмся на один, в котором он заявляет, что магия и каббала являются дополняющими частями христианства (7-й тезис); он также ратует и за использование каббалистической магии (11-й тезис). Эти тезисы должны были стать объектом дискуссии, которую Мирандола предполагал провести. Представим себе реакцию на это намерение... Он будет вынужден бежать из Италии, чтобы спастись. Однако в июне 1493 года Мирандола будет реабилитирован папой Александром VI, весьма благосклонно относящимся к магии и астрологии.

Voarchadumia

В этот период Италия становится активным центром эзотеризма. Венеция играет важную роль в распространении каббалы, астрологии, нумерологии и алхимии(10). В XIII веке алхимический свод, принесённый арабами, был полностью переведён и явился источником появления многочисленных трактатов (Альберт Великий, Фома Аквинский, Роджер Бэкон, Арно де Вильнёв, Раймунд Луллий, Никола Фламель...). В XIV и XV веках мы присутствуем при возрождении алхимии, которая принимает христианскую аллегорическую и вместе с ней обретает дополнительное мистическое значение, на предмет которых у многих возникает вопрос: "Это алхимическая практика, выраженная в религиозных терминах, или же это мистический опыт, находящий своё выражение в терминах алхимических"?(11) Эта тенденция определяет течение, начавшееся во второй половине XIII века вместе с появлением "Auroga consurgens (Аврора восходящая)", трактата, приписываемого святому Фоме Аквинскому, который представляет алхимический процесс как внутренний опыт духовного перерождения. В 1478 году в Венеции Мишель Пантеус (Michel Pantheus) публикует "Voarchadumia", объёмный труд, в котором подчёркивается этот трансцендентный аспект алхимии. Согласно легенде, "Voarchadumia" - это также название некоего венецианского тайного общества. Как бы то ни было, Италия притягивает многих исследователей оккультных наук, таких как Иоганн Рейхлин или Генрих Корнелий Агриппа, которые будут содействовать дальнейшему распространению эзотеризма в Европе.

De Verbo mirifico

Среди евреев, которые покинули Испанию в 1492 году, чтобы найти убежище в Италии, был и Иуда Леон Абарбанель или же Леон Еврей (1437-1508), медик и каббалист. Обратившись в католичество, он увлёкся идеями неоплатонизма. Вскоре он публикует "Диалоги любви" - синтез неоплатонизма и каббалы, который расширил поле, открытое Пико дель Мирандола и Марсилио Фичино. И, наконец, существует четвёртая личность, которой принадлежит заслуга создания единого целого из идей её трёх предшественников - это житель Бадена Иоганн Рейхлин (1455-1522). Он прибывает в Рим в 1482 году с целью изучения иврита, а затем отправляется во Флоренцию к Пико дель Мирандола. По возвращении в Германию он становится инициатором распространения христианской каббалы. В 1494 году выходит в свет его "De Verbo mirifico (Об изумительном Глаголе)", в котором он углубляет мысли Пико дель Мирандола о Глаголе (Иешуа). Эта книга получит широкую известность, так как станет первым европейским произведением, целиком посвящённым каббале. В 1517 году она будет дополнена "De Arte cabalistica (О каббалистическом искусстве)", одним из фундаментальных текстов по христианской каббале. Существенные дополнения Рейхлина к ангелологии, приведённые в этой книге, снимают с магии подозрения в демонизме, которые затрагивали натуральную магию М. Фичино.

Мировая гармония

Натуральная магия настаивала на симпатических оккультных связях, существующих между всеми составляющими Творения. Эта идея получает новое развитие благодаря францисканцу Франсуа Жоржу из Венеции (Franzosis Georges de Venise) (1450-1540). Он публикует в 1522 году "De Harmonia Mundi (О Мировой Гармонии)", фундаментальный текст христианской каббалы. Его

оригинальность состоит в том, что он сумел добавить к каббале Пико дель Мирандола и неоплатонизму М. Фичино нумерологическую пифагорейскую традицию, алхимию и архитектуру Витрувия (I век до н.э.). Это произведение будет иметь огромное влияние на английских розенкрейцеров, особенно на Роберта Флудда, и во Франции на группу Плеяды, благодаря переводу Ле Февра де Лабодри (Le Fivre de la Boderie).

Оккультная философия

Ангелическая магия получила усилиями Рейхлина более точное содержание, однако она всё ещё оставалась достаточно теоретической. Генрих Корнелий Агриппа (1486-1534), благодаря своему образованию врача и более практическому уму, придаст магии более конкретный характер, опубликовав настоящий учебник практической магии "De Occulta Philosophia (Об Оккультной Философии)". В первой версии 1510 года эта книга целиком отмечена влиянием "Пикатрикса", "Герметического Свода" и произведений Фичино. В следующем издании 1533 года, большое место занимает каббала. В то время как для Рейхлина магия является средством единения с Божественным, у Агриппы она направлена на другие области, дабы решить многочисленные проблемы человеческого существования. Вместе с тем, его магия, будь то "естественная", "небесная" или "церемониальная", теряет утонченность, которую ей придал Марсилио Фичино. Агриппа соединяет ангелологию и нумерологию арабской магии, чтобы составить магические квадраты, планетарные печати и таблицы связей между растениями, минералами, числами, ангелами... Книга Агриппы, несмотря на её запрещение папой Пием VI, познала успех, который длится и по сегодняшний день.

Джордано Бруно

Доминиканский монах Джордано Бруно (1548-1600) много путешествовал и был одним из тех, кто более других содействовал распространению эзотеризма в Европе. Находясь под сильным влиянием произведений своих соотечественников - Фичино, Пико дель Мирандола, а также Генриха Корнелия Агриппы, он является усердным читателем "Герметического Свода". В своей книге "Изгнание торжествующего зверя" (1584) он доходит до утверждения, что египетский герметизм превосходит христианство. В начале своей книги он изображает богов, собравшихся для всеобщей реформы человечества, которая включает и возвращение к религии египтян(12). Эта тема необходимости глобальной реформы будет иметь огромное влияние, в частности на "Новости Парнаса" Траяно Боккалини. Одна из глав этой книги вскоре будет использована как предисловие к "Fama Fraternitatis". Бруно более близок к Фичино, нежели христианские каббалисты; он недолюбливает евреев и, как следствие, отвергает каббалу. Вместе с ним совершенно исчезает фигура христианского мага. Он отдаёт предпочтение египетской магии "Асклепия". Он заявляет, что христиане украли символ креста у египтян и предрекает возвращение к египетской религии. Вскоре он отправится проповедовать свои теории в Германию ко двору Рудольфа II и в Англию. Будучи яркой личностью, Джордано Бруно является, вместе с этим, автором многочисленных книг на самые разнообразные темы. Его теологические и научные концепции (например, представление о бесконечности вселенной, заимствованное у Николая Кузанского) станут причиной преследований со стороны инквизиции, и он закончит свою жизнь на костре.

Алхимия и Природа

Герметизм поначалу почти не имеет распространения в Германии. Однако он проникает во двор Рудольфа, называемого "немецким Гермесом", вместе с появлением алхимика Микаэля Майера и астронома Кеплера, которые также были читателями "Герметического свода". История европейской алхимии делится на два больших периода: вначале XII век, отмеченный её возникновением, а затем Ренессанс, когда она получает значительное развитие, особенно в Германии, которая в XVI веке познала настоящее "спагирическое цунами"(13). Именно в это время появляются большие антологии алхимических текстов, такие как знаменитый "Theatrum chemicum (Химический театр)" и первые алхимические словари, вызванные проявившейся тогда необходимостью углубления и синтеза знаний. Важным представляется тот факт, что алхимия в XVI веке обогатилась новыми характерными чертами. Теперь она почти не интересуется изготовлением золота, но развивает мощную духовную составляющую, включает в себя медицинское применение и стремится стать всеобъемлющей наукой. Она также заявляет о себе в области постижения истории Творения, трагической космогонии, приведшей к грехопадению не

только человека, но и Природы. Таким образом, алхимик является целителем человека, помогая ему обновиться, возродиться для духовной жизни; но он также и целитель Природы, заботящийся о ней и совершенствующий её. Познание, рассматриваемое как "со-рождение", "воз-рождение" и Природа теснейшим образом связаны в этой алхимии (термин "природа, натура" происходит от латинского "natura" - причастие будущего времени от "nascor" - "рождаться").

Парацельс

Парацельса (1493-1541) можно с уверенностью назвать самой яркой личностью этой эволюции. Его труд представляет собой колоссальную, по приложенным усилиям, попытку использования всех знаний своей эпохи. Он смог более глубоко проникнуть в самую сущность астрологии, алхимии, магии и народных традиций(14). Как врач он выступает против идей Галена, царящих в малоэффективной медицине. В своём трактате "Volumen medicinae paramirum", а также "Opus paramirum" он излагает основы новой медицины. Теория о Человеке как микрокосме, уже популяризированная Эригеном, теперь обретает новый смысл. По Парацельсу, философия есть открытие "невидимой Природы". Для него Природа имеет важнейшую функцию, поскольку, как ранее Господь говорил с человеком через Писания, так сейчас Он говорит с нами через Природу. Поэтому следует так внимательно созерцать Книгу Природы. Согласно Парацельсу, человек должен раскрыть "Природу в её свете". Действительно, Природа остаётся незавершённой, непознанной, в то же время она может найти своё откровение в человеке, рождённом, чтобы вести её к её совершенству. Алхимик, стремясь понять её законы, ведёт диалог с Творением. Через этот обмен свет, сокрытый в Природе, открывается и просветляет человека. Но тот не может достичь этого результата без подготовки, без духовного перерождения. Как отмечает Ролан Эдиггоффер, Парацельс раскрывает эту трансформацию в своей "Liber de resurrectione et corporum glorificatione (Книга о воскресении и теле славы)" (1533) в особенной манере. Он настойчиво комбинирует (семнадцать раз на десяти страницах) символы Розы и Креста, связывая их с алхимической трансмутацией и воскресением. Он пишет: "Истинное золото есть то, что выходит очищенным из огня (...). Таким образом, во время воскрешения, когда нечистое будет отделено от чистого, родится новое тело, которое, будучи более светозарным, чем солнце, будет названо телом славы". Воскресение Христа - это образ нашего воскресения: : от него и в нём мы воскреснем, как роза возрождается из подобного ей семени"(15). Парацельс - это индивидуальность огромного размаха, и если мы здесь подчёркиваем какие-то аспекты его мысли, то только потому, что они найдут очевидный отзвук в "Fama Fraternitatis" и "Confessio Fraternitatis".

Смерть Гермеса

Вклад многих традиций в гуманизм Ренессанса дал жизнь идее терпимости между всеми религиями, философиями и традициями. Николай Кузанский сформулировал подобные мысли на Флорентийском соборе в 1439 году. Следом за ним Пико дель Мирандола искал соответствия между различными традициями. Другие пойдут ещё дальше. Так, Франческо Патрици, который будет говорить о всеобщей философии, "Пансофии", в своей книге "Nova de Universis Philosophia" (1591) обратится к папе Грегорию XIV с просьбой ввести преподавание герметизма в христианских школах с целью учреждения настоящей религии. Увы, эти прогрессивные идеи имели мало веса перед доминирующими политико-религиозными интересами, и уже в этот период мы присутствуем при росте религиозной нетерпимости. Религиозные войны, начавшиеся в XVI веке, вскоре задержат распространение герметизма.

Другой элемент, который прошёл, тем не менее, незамеченным, вскоре остро поставит под вопрос "египетское наследие". В 1614 году Исаак Казобон (Isaac Casaubon) издаёт "De rebus sacris et ecclesiasticis exercitationes XVI" - текст, в котором он доказывает, что "Герметический Свод" вовсе не имеет египетского происхождения и что его авторство принадлежит не Гермесу Трисмегисту, но христианам, жившим примерно во II веке. Это открытие замедляет развитие герметизма Ренессанса. Однако, даже если оно и наносит ощутимый ущерб эзотерической традиции Ренессанса, оно не отрицает того факта, что на Запад, действительно, были переданы знания из далёкого прошлого, с "Востока Света", полюсом которого может считаться Египет. В любом случае можно сказать, что в эту эпоху были заложены основы того, что составит комплекс западного эзотеризма (алхимия, астрология, магия, каббала, нумерология, предсказания...). В то же время можно с удивлением отметить, что открытие Казобона совпадает во времени с реорганизацией и новым этапом истории западного эзотеризма, обозначенным публикацией "Розенкрейцерских манифестов" в 1614 году. Христиан Розенкрейц придёт на смену Гермесу Трисмегисту, и Египту

вскоре предстоит покинуть авансцену (но, как мы увидим, он вскоре вернётся).

Это обновление Традиции, это вновь-рождение, произойдёт в атмосфере кризиса, предречение которого можно было прочесть в "Тригоне Огня", начерченном на небесах.

Часть II. ТРОЙНОЙ ОГОНЬ

Чтобы осветить тему происхождения розенкрейцерства, нам пришлось задаться вопросом об истоках и корнях западного эзотеризма. Теперь настал момент рассмотреть почву, благодаря которой роза расцвела на кресте. Представляется необходимым нарисовать общую картину эпохи, увидевшей возникновение розенкрейцерства, чтобы понять то необычайное значение, которое имели в это время публикации розенкрейцерских Манифестов. Действительно, на заре XVII века вся Европа переживает период изменений. В связи с этим впоследствии часто говорилось о "кризисе европейского сознания". Как отмечает А.Койре, в этот период "европейское сознание испытало - или осуществило - очень глубокую духовную революцию, революцию, которая изменила основы и сами рамки нашего мышления" (1). Раскрыть эти моменты необходимо прежде всего для того, чтобы подчеркнуть, что розенкрейцерство идеально вписывается в европейскую историю, а труды розенкрейцеров представляются возможным ответом на кризис этой эпохи (2).

Бесконечная вселенная

Развитие новой космологии внесло свою лепту в тревоги, переживаемые XVII веком. Действительно, с открытиями Николая Коперника (1473-1543) астрономия отказалась от системы Птолемея, господствовавшей на протяжении многих веков. Был сделан переход от картины замкнутого мира к бесконечной вселенной, где Земля и, следовательно, человек больше не являлись центром Творения. От того же удара рухнула теория эпициклов, с помощью которой Птолемей объяснял движение планет. В XIII главе "Confessio Fraternalitatis" эта теория уже подвергается осмеянию.

Это новое видение мира порождает три противостоящие позиции. Прежде всего, Галилеем (1564-1642) была установлена новая научная высота и был открыт путь рациональному видению вселенной - мира, сведённого к геометрическим размерам. Используя недавнее открытие телескопа голландцами, Галилей создаёт подзорную трубу, позволяющую ему сочетать математические вычисления и наблюдение. Легко можно представить отношение церкви к подобному видению мира, которое находится в полном противоречии со Священным Писанием. Она осудит систему Коперника, и Галилей вскоре будет вынужден отречься от своих теорий. Это событие обозначит разрыв между католической церковью и наукой и положит начало долгому периоду, во время которого догматический фанатизм попытается уничтожить научное исследование. Джордано Бруно и Галилей примут на себя мучительные издержки этого процесса.

Иоганн Кеплер (1571-1630) открывает третий путь. Современник Галилея, он был помощником Тихо Браге при дворе Родольфа II, "немецкого Гермеса". Кеплер приносит новый взгляд на вселенную, сочетая гелиоцентризм с герметизмом Возрождения. В своём "Mysterium cosmographicum" (1609) он делает Солнце центром души мира, источником, придающим движение душам планет (3).

Этот новый взгляд на космос вновь поднимает вопрос, поставленный Демокритом, - вопрос о пустоте, в которой движется вселенная. Начиная с Аристотеля, проблема считалась никчёмной, однако в XVI веке этот вопрос вновь становится актуальным. Теория, затрагивающая проблему всемогущества Бога, становится предметом полемики (4). Вероятно, по этой причине мы находим в "Fama Fraternalitatis" формулу "пустоты не существует". Сочетание этих моментов меняет отношения человека и вселенной. Она перестаёт быть мифологизированной и рассматривается уже как огромный механизм, шестерни которого можно изучать рациональным способом.

Каталоги мира

Нечто подобное происходит и с земным миром, границы которого раздвинулись с открытием

Америки в 1492 году и морских путей в Индию в 1498. Эти путешествия способствовали появлению таких больших карт мира, как "Космография" Себастьяна Мюнстера, изданная в 1544 году, публикация которой имела колоссальный успех, или не менее знаменитый "Атлас" Кремера Герхарда Меркатора. Прогресс типографского дела в издании гравюр способствовал небывалому размаху печатания научных книг. В XVI веке появляются первые издания "каталогов" природы, дающих представление о богатствах земного мира. Конрад Геснер в Швейцарии, Улисс Альдрованди в Болонье, Гийом Ронделе в Монпелье, Пьер Белон во Франции, огромные гербарии Отто Брюнфельса из Страсбурга и Леонхарта Фюшса из Тюбингена ярко представляют это движение. В это время становится модным собирать чудеса природы в так называемых "кабинетах диковин", где представляются редкости, собранные со всего света. Родольф II в этом отношении особенно интересен, поскольку для него обладание такими диковинами было непосредственно связано с присвоением их магических свойств (5).

Анатомия человека

Если видение макрокосма меняется, то и представление о микрокосме также эволюционирует. В том же году, когда появляется труд Коперника о гелиоцентризме (1543), Андре Везаль (1514-1564) публикует основополагающую в истории медицины книгу "De humani corporis fabrica". Этот труд, стоящий у истоков человеческой анатомии, критикует взгляды Галена, признанного в ту пору князя медицины. Начиная с 1560 года, Иоганн Хузер предпринимает усилия по сбору рукописей Парацельса. Эта работа вскоре завершается изданием полного собрания сочинений Парацельса в десяти томах (с 1589 по 1591 г.г.). Эти книги окажут огромное воздействие на развитие медицины. Изобретение микроскопа Захариасом Янсеном, мастером по изготовлению очков из Мидделбурга (иногда его изобретение приписывают Корнелису Дреббелу или другим мастерам), также способствовало продвижению медицины. Вскоре Вильям Харвей (1578-1657), "Коперник медицины", опубликует "Exercitatio anatomica de motu cordis et sanguinis", в котором представит своё открытие кровообращения.

Всё это вместе взятое способствовало изменению взгляда человека на вселенную. Человек уже не созерцает пассивно тайны Творения, в которое он был сослан волей мстительного Бога, и ему больше не нужна теология для того, чтобы понять мир. Он наблюдает, рассчитывает и понимает силы, управляющие Творением. Он присваивает себе роль распорядителя и владельца природы.

Реформация

Если наука находится в состоянии мутации, то религия - в полном кризисе. Уже в 1378 году как следствие политических амбиций некоторых кардиналов возникла "Западная схизма" - драма которая разделила христианство. У церкви появляются два папы: один в Авиньоне - Клемент VII, и другой в Риме - Урбан VI (каждый отлучил от церкви своего конкурента). Такая ситуация продлится до 1417 года. С развитием книгопечатания распространение идей стало более лёгким, и гуманизм Возрождения открыл Западу разнообразные источники духовности. Это не могло не повлиять на многих мыслителей, размышлявших о своей собственной религии. Многие стали задаваться вопросами о том, как церковь выполняет свою миссию, об излишествах её земных устремлений.

И в это время единство западной церкви вновь даёт трещину вследствие Реформации, которая требует возвращения к духу Евангелия. В 1517 году Лютер провозглашает свои девятнадцать тезисов: Реформация осуждает торговлю индульгенциями и реликвиями, узаконенную Римом. Сторонники Реформации настаивают на том, что спасение - это милость, идущая от веры, а не от рукотворных вещей, и поднимают авторитет Библии выше догм, установленных людьми. Кроме того, Лютер обвиняет церковь в поддержке суеверий среди народа. Вскоре Англия, которой правит Генрих VIII, также отделится от Рима (1532).

Восстания

Увы, Реформация сопровождается многочисленными эксцессами. Вскоре начинаются разногласия по поводу путей реформы. В 1522 году немецкие дворяне, приверженцы протестантизма, попытаются установить "истинную веру" с помощью оружия. Происходит восстание немецких рыцарей (1522-1523). Немного позже оружие берут крестьяне. Они считают, что князья и великие мира сего преграждают дорогу Евангелию. Уверовав в свою миссию по установлению истинной веры, они истребляют тех, кто не согласен с их планами. Эта крестьянская война охватывает

Германию с 1524 по 1526 год. Реформа порождает также политические проблемы, угрожающие равновесию Священной Римской империи германской нации. Императоры, которые наследуют Карлу V после 1556 года, колеблются между религиозной терпимостью (Родольф II) и католической непримиримостью (Фердинанд II). Ситуация взорвется в 1618 году, когда из окон королевского дворца в Праге будут выброшены три приближенных короля (Пражская дефенестрация). Это подведет Германию к Тридцатилетней войне, во время которой погибнет около половины её населения.

Контрреформация

Церковь отвечает на критику протестантов провозглашением Контрреформации и созывом Собора Тридцати (с 1545 по 1563 год). Этот собор призывает к ужесточению дисциплины. Инквизиция возвращается к своей работе, создаётся "Индекс запрещённых книг" (он был отменен совсем недавно, в 1966 году). Эзотерические произведения времён Возрождения, так же как и научные труды запрещаются. Эти события, без сомнения, подтолкнули приверженцев эзотеризма объединяться в закрытые группы, в тайные общества.

Религиозные войны

В тот период, когда Германия обретает хрупкий мир, заключив Соглашение 1554 г. и Аугсбургский мир 1555 г., начинает полыхать Франция. В 1562 г. резня в Васси кладёт начало религиозным войнам. За ней следует Варфоломеевская ночь (1572), знаменующая решительный поворот в конфликте между католиками и протестантами. Каждый из лагерей занимает оборонительную позицию: католики создают Святую Лигу, чтобы бороться против кальвинистов, и со своей стороны предпринимают попытки объединиться европейские государи-протестанты. Франция обретает покой в правление Генриха IV. Восхождение на престол короля Наваррского в феврале 1594 г. пробуждает в Европе великие ожидания. Многие видят в нём того, кто примирит христиан между собой. Джордано Бруно, исколесивший Европу со своими проповедями генеральной реформы, поначалу возлагает надежды на Генриха III, а затем - на Генриха IV, в котором он видит человека, подходящего для данной ситуации. В свою очередь, Томмазо Кампанелла также многого ждёт от этого государя, считая его способным успешно провести эту реформу (6).

Указанные мнения нашли своё отражение в одном из сочинений, имевших в ту пору хождение в Европе. В нём Генрих IV описывается как "новый Давид", царь "из древних пророчеств", тот, кто восстановит единство христианского мира в преддверии второго пришествия Христа (7). И действительно, в это время Генрих IV стремится создать союз государей-протестантов. Для этого он посылает в 1597 г. в Германию своего эмиссара, Гийома Ансея. Не исключено, что в этом начинании сыграл некоторую роль и Джордано Бруно. Симон Студион в своём сочинении "Наометрия" (1604) упоминает в этой связи тайное совещание, состоявшееся в 1586 г. в Люнебурге, где Генрих Наваррский (будущий Генрих IV), Яков I Английский и Фридрих Вюртембергский объединились в евангелическую оборонительную лигу *Militia Crucifera Evangelica*, противостоящую католическому союзу (8). В 1610 г. с убийством Генриха IV рухнут многие связываемые с ним надежды. Горечь, вызванная в Европе этой утратой, звучит в книге Трайно Боккалини "Новости Парнаса", опубликованной в 1612 г. В этом сочинении осуждается католическое засилье, опорой которого выступают Габсбурги, а Генрих IV предстаёт подлинным героем. Очевидно, что он не питает иллюзий по поводу перспектив всеобщей реформы, способной установить мир в Европе. Неслучайно в самом начале "Fama Fraternalitatis" помещена глава из упомянутого сочинения Боккалини, озаглавленная "Всеобщая вселенская реформа".

Подражание Иисусу Христу

Одновременно Европа пожинала плоды движений, которые с начала XII века искали новые формы духовности - например, Братьев Свободного Духа, Друзей Бога, Бегинок и Беггардов. Духовными учителями этой поры были Экхардт, Таулер, Сузо или Рюисбрук, применявшие философский подход к внутренним исканиям. *Devotio moderna* - движение, зародившееся в Нидерландах в конце XIV века и делавшее упор на благочестие и внутреннюю аскезу, - распространилось и в Германии. Жемчужиной этого духовного движения является "Подражание Иисусу Христу" - сочинение, которое очень высоко ценилось розенкрейцерами XVII века.

Мистическая свадьба

Среди провозвестников этой новой духовности, вписывающейся в сферу протестантизма, упомянем лишь троих. Первый из них - Валентин Вейгель (1533-1588) весьма примечателен тем, что пытается связать воедино различные течения своего времени, а именно: последователей учения Экхардта, магико-алхимическое течение Парацельса и движение спиритуалистов Швенкфельда и Себастьяна Франка. Вейгель проповедует внутреннюю направленность религиозной жизни, нацеленной на внутреннее преобразование и обновление. Он развивает теорию познания, опирающуюся на провозглашённый древними тезис "Познай самого себя" (9). Вторым из них - Филипп Николаи (1556-1608) - первопроходец "нового благочестия". По примеру первого, он ставит во главу угла процесс обновления, мистической свадьбы. В своём сочинении "Зерцало радостей вечной жизни" (1599) он перечисляет семь фаз этого обновления. Данный автор оказал большое влияние на Йоханна Валентина Андреа. Третий из упоминаемых нами персонажей - Йоханн Арндт, считающийся предтечей немецкого пиетизма. Его книга "Подлинное христианство" впоследствии имела оглушительный успех, выдержав более 300 изданий. Этому богослову и алхимику мы обязаны комментарием к сочинению Г.Кунрата "L'Amphitheatrum Sapientiae Aeternae". В розенкрейцерских Манифестах почти дословно воспроизводятся отрывки из его сочинений, касающихся "Книги Природы". Как и оба его предшественника, он подчёркивает необходимость нового рождения. Йоханн Валентин Андреа считал Й.Арндта своим духовным отцом.

Очевидно, что в XVI веке религиозная ситуация грозила взрывом. С приходом третьего поколения протестантов в обществе появляется сомнение. Протестантизм, пытаясь оправдать свои позиции, погружается в богословские мудрствования, в которых он сам же прежде обвинял католиков. Реформаты уже задаются вопросом о необходимости новой Реформации. Однако одновременно христианская мистика обогащается эзотеризмом эпохи Возрождения.

Эра Святого Духа

В это время в Германии свирепствуют чума и голод, вызванный крайне неблагоприятными погодными условиями. В 1604-1605 гг. появление кометы возбуждает воображение людей и развивает в обществе апокалиптические настроения. Обсуждается множество пророчеств, возвещающих о конце света. Особенно популярно пророчество Иоакима де Флоре. Этот монах XII века выдвинул теорию, согласно которой история мира развивается, проходя поэтапно через три эры. Первая - эра Отца, начавшаяся с Адама, затем эра Сына, которую открывает Иисус Христос, и, наконец, эра Святого Духа, знаменующая конец времён. По утверждению Иоакима де Флоре, эта заключительная эра должна будет начаться в 1260 г. с появлением новой Церкви, приходящей на смену Церкви св. Петра. Иоаким заявляет, что новая религия будет монашеской, а её носителем выступит Орден Добрых Отшельников (Boni Eremitae). В 1215 г. во время четвертого церковного собора в Латране папа Иннокентий III осудил идеи Иоакима де Флоре, но несмотря на это, теория трёх эр по-прежнему пользовалась успехом. В XVI веке она оставалась весьма популярной, и многие полагали, что эра Святого Духа близка. Об этой теории позднее будет рассказано в розенкрейцерских Манифестах.

Наометрия

В 1604 г. Симон Студион завершил написание своей "Наометрии" (Искусство измерения Храма). Это сочинение, посвящённое Генриху IV, Якову I и Фридриху Вюртембергскому, состоит из более чем двух тысяч страниц. Оно украшено гравюрами Якоба Ледерлейна, одна из которых воспроизводит иллюстрацию, находящуюся в "Vaticinia sev praedictiones:" Иоакима де Флоре (ср. стр.1 обложки). В "Наометрии" Симон Студион пророчествует о датах будущих событий. Он вдохновляется Апокалипсисом апостола Иоанна и Иоакима де Флоре, предвидя конец света и новое пришествие Христа, которому должен предшествовать Илия. С.Студион изучал мистическую арифметику у Самуэля Хейланда, математика и астронома, близкого к М.Мэслину, наставнику Кеплера. Возвращаясь к мысли Иоакима де Флоре о сорока двух периодах, Студион полагает, что последний из них лежит в промежутке между 1560 и 1590 гг. Этот период открывает третью эру мировой истории - эру Святого Духа. Студион заявлял, что реформа должна вершиться силами просвещённых - Отмеченных Крестом (Cruce Signati). Он упоминает трёх свидетелей (не называя их имён), предшествующих тысячелетней эре Святого Духа. Первый родился в 1483 г. (речь идёт о Лютере), второй - в 1543 г. (это сам Студион). О пришествии третьего он говорит лишь в будущем времени. В книге Студиона предлагается созвать новую ассамблею Militia Crucifera Evangelica, в продолжение Люнебургской ассамблеи 1586 г. Организованное в Констанце, это

собрание должно было играть роль реформационного церковного собора, и на нём предполагалось договориться о подготовительных мерах в преддверии второго пришествия Христа и Страшного Суда, ожидаемого в 1621 г.

А.Э.Уэйт в своей книге "Подлинная история розенкрейцеров" (1887) усматривал в розенкрейцестве продолжение *Militia Crucifera Evangelica*. Позже он откажется от этой гипотезы. Другие усматривали в рисунке на стр.271 "Наометрии" Розу и Крест, и потому полагали, что Студион - предтеча розенкрейцества. Изучение этого рисунка не позволяет делать далеко идущих заключений: это серия концентрических кругов и скобок, относящихся к датам, в центральном же круге начертан маленький крест. Следует сказать, тем не менее, что "Наометрия" оказала значительное воздействие на розенкрейцеровскую среду в Тюбингене (10).

В ту же эпоху получает хождение манускрипт Юлиуса Шпербера "De Magia" (О магии). В 1596 г. у автора был сон, где на него возлагалась миссия провозвещать пришествие новых времён. В Парацельсе, Лютере, Рамусе и Гийоме Постеле он видит признаки скорого обновления. Возвращаясь к теории трёх эр Иоакима де Флоре, он утверждает, что грядет эра Святого Духа и что Илия скоро вернётся, дабы установить Золотой Век. Он считает также, что обнаружил архетип всех языков и овладел тайнами устройства нового мира, и призывает всех, кто видит в том своё призвание, присоединиться к нему. Отзвуки этих теорий также прослеживаются в Манифестах розенкрейцеров.

Пророчество Илии

Протестантская среда особенно чувствительна к этой атмосфере конца времён. Сам Лютер в своём сочинении "Supputatio annorum mundi" (Исчисление лет мира) (1540) возвращается к пророчеству Илии, истоки которого находятся в Талмуде и которое было вновь поднято на щит каббалистами в эпоху Возрождения. Это пророчество провозглашает, что вселенная просуществует 6000 лет и что затем наступит тысячелетие конца света. Для Лютера 1532 год является 5640 годом от Сотворения мира. Это даёт ему основания считать, что конец света близок. В главе IV "Confessio Fraternitatis" также говорится об этом пророчестве и упоминается "скорое возжжение шестого светильника", то есть тот факт, что 6000 год вскоре наступит. Мельхио Хоффман, анабаптист, в свою очередь также предвидел начало в 1533 году тысячелетней эры, знаменующей собой конец света. Веком раньше Гийом Постель утверждал, что с 1543 года неизбежно начнётся отсчёт последних времён мира, а Пико де ла Мирандола, также ссылаясь на пророчество Илии, объявил, что 1583 год станет Пантократическим Годом.

Лев севера

В издании "Fama Fraternitatis", датированном 1614 годом, воспроизведено письмо, написанное Адамом Хазельмейером авторам данного сочинения. Этот последователь Парацельса был убеждён, что год 1613 знаменовал конец времён и что служители Страшного Суда, ожидаемого в 1614 г., скоро появятся. Примечательно, что данный автор неоднократно ссылается на одно весьма распространённое в Европе в то время пророчество - Пророчество Льва севера. Его ошибочно приписывают Парацельсу - несомненно, таковое случилось из-за имени *Elias Artista*, также обнаруживаемого в сочинении последнего "De Mineralibus". На самом деле, возникновение этого пророчества можно датировать примерно 1605 годом (11). Это пророчество возвещает о неминуемых потрясениях, и политических и религиозных, которые спровоцирует обнаружение трёх великих сокровищ - в Италии, Баварии и на границе Испании и Франции. Обнаруживший эти сокровища воспользуется ими в гуманистических целях. Среди прочего, в числе этих сокровищ находится книга, где рассказывается о тайнах Великого Делания, согласно приёмам Парацельса. В пророчестве говорится о борьбе против Антихриста и содержатся нападки на софистов, а также на Аристотеля и Галена - двух деятелей, подвергнутых критике с самых первых страниц "Fama Fraternitatis". Кроме того, в данном сочинении есть и пророчество о новом пришествии Илии, *Elias Artista*, магистра *Ars Magna* (Царского Искусства).

Успех книги предопределило то, что в ней объявлено о наступлении эпохи, когда жёлтый лев явится с севера и вступит в противоборство с орлом, а затем провозвестит эру счастья. Это пророчество позднее будут читать то как алхимический текст (лев и орёл в алхимической иконографии олицетворяют процесс соединения серы и ртути), то как политический (борьба между габсбургским орлом и львом Фридриха II) (12). Упоминание об этом пророчестве будет приведено

и в главе VI "Confessio Fraternitatis".

Розовая кровь

Заслуживает упоминания последнее пророчество, объявленное Парацельсом в его "Auroga Philosophorum". В этой книге он указывает, что, подобно Христу, пришедшему во искупление людей, в момент конца времён явится совершенный человек, призванный очистить и освободить Творение, пролив капли розовой крови, ценой которых человечество обретёт искупление Грехопадения (13).

Тройной огонь

В 1603 году Юпитер и Сатурн находятся в тригоне (в астрологии очень позитивный аспект в 120° между двумя планетами) и расположены в тройном огне (Овен, Лев, Стрелец). Многие усматривают в этом провозвестие более благоприятных времён. Годом позже в той же троичности появляется новая звезда. Иоханн Кеплер в своём сочинении "De Stella nova et coincidente principio Trigoni ignei" (О новой звезде и совпадении с явлением Тройного огня) (Прага, 1606 г.) связывает подобное явление с предстоящими в самом ближайшем будущем политическими и религиозными переменами. Он проводит параллель между появлением этой новой звезды и рождением создателя нового религиозного движения, цель которого - примирить враждующих братьев христиан и осуществить "разумную реформу". "Confessio Fraternitatis" упоминает это событие, указывая, что Господь Бог дал свидетельства, которые можно читать на небосводе в созвездиях Змеи и Лебеда. Не будем забывать, что именно в 1604 г. была обнаружена могила Кристиана Розенкрейца.

Этот краткий обзор показывает, насколько сложной была обстановка во времена зарождения розенкрейцерства. Причиной тому, с одной стороны, новые данные науки, а с другой - религиозный взрыв. Эти обстоятельства, вкупе с господствовавшими в то время эсхатологическими настроениями, позволяют понять, чего боялись люди, жившие в конце XVI века. Каким путём могли они выйти из этого тупика? И, как мы убедимся в следующей главе, именно в это время прозвучало "Эхо Розы и Креста".

Часть III. Эхо Розы и Креста

В период, предшествующий появлению розенкрейцерских манифестов, нравственный кризис порождает в Европе беспокойство и смуту. Все грезят о "новой Реформе". В этой ситуации розенкрейцерство возвышает свой голос, предлагая нечто новое, что может восстановить утраченную гармонию. Фактически Орден Розы и Креста провозглашает герметизм средством против царящих в мире бедствий. Именно поэтому он публикует в 1614 году в типографии Вильгельма Весселя в Касселе анонимный Манифест, обычно вкратце именуемый "Fama Fraternitatis". Его полное название - "Всеобщая и повсеместная реформа всего мира; Fama Fraternitatis Братства Высокопочтимого Ордена Розенкрейцеров, сочинённая для всех учёных и государей Европы, а также краткий ответ господина Хазельмайера, за который он был арестован, закован в кандалы и сослан на галеры. Ныне печатается и адресуется всем искренним сердцам". Текст, легший в основу этой книги, - "Fama Fraternitatis" - в рукописной форме уже имел хождение в Германии начиная с 1610 г. Кстати сказать, это единственный раздел книги, сохранившийся в современных изданиях данного Манифеста.

Новости Парнаса

Предварённый кратким предисловием первый розенкрейцерский Манифест состоит из трёх отдельных частей. В первой из них речь идёт о необходимости новой всемирной Реформы. Хотя ничто на это не указывает, данный раздел является переводом семьдесят седьмого Уведомления из книги Траяно Боккалини "Ragguagli di Parnasso" ("Новости Парнаса"). Для большинства эта книга малоизвестна. Однако она достойна внимания, ибо помещает розенкрейцерский проект в соответствующий контекст, связанный с необходимостью переустройства расколотой Европы.

Именно поэтому интересно остановиться на её содержании. Её автор, друг Галилея, был последователем венецианского антипапистского движения, руководимого Паоло Сарпи. Это сатирическое сочинение, опубликованное в 1612 году, усматривает корень зла в посягательствах Габсбургов на гегемонию в христианской Европе. Подобно книге Джордано Бруно "Spaccio", данное сочинение написано в форме мифологического диалога.

Реформа Аполлона

В "Новостях Парнаса" повествуется, что Аполлон узнаёт от императора Юстиниана о том, что жители Земли страдают от непрерывных междоусобиц. Аполлон, и прежде неустанно посылавший людям многих и многих вождей и философов, призванных научить их добронравию, выдвигает проект всеобщей Реформы, которая должна вернуть человечеству его природную чистоту. Для осуществления своего плана он призывает на Парнас семь Мудрецов Греции, а также Катона, Сенеку и других. Каждый вносит свои предложения. Фалес, полагающий, что лицемерие и скрытность - главные причины всех бед человечества, предлагает сделать в сердце людей окошко, чтобы привнести в их отношения чистосердечие и ясность. Но ему сразу возражают: если каждый сможет читать в сердцах князей мира сего, управлять миром будет невозможно! Предложение Фалеса отвергается.

Солон полагает, что нестроения порождаются ненавистью и завистью, царящими среди людей. Поэтому он советует творить добрые дела, учить людей любви и терпимости. Он добавляет, что если бы блага распределялись более справедливым образом, всё обстояло бы значительно лучше. Но и тут звучат возражения, а Мудрецы Парнаса заявляют, что всё это утопия. Катон предлагает крайнее решение: новый Потоп, который должен разом уничтожить всех "плохих". Наконец, когда мнение каждого высказано, проект всеобщей Реформы Аполлона выливается в решение по упорядочению цен на овощи и анчоусы... Посредством этой сатиры Траяно Боккалини показывает неспособность общественных установлений - религиозных, политических или философских - содействовать общественному развитию.

Fama Fraternitatis

За этим первым текстом следует собственно "Fama Fraternitatis" - довольно краткий, тридцатистраничный труд, взятый из книги, насчитывающей 147 страниц. Несмотря на свой незначительный объём, этот текст составляет сердцевину первого Манифеста розенкрейцеров. В нём члены Братства Розы и Креста обращаются к европейским правителям, деятелям церкви и учёным. Воздав должное славной эпохе, когда просвещёнными умами было совершено множество открытий, они подчёркивают, что, к сожалению, эти открытия не принесли человечеству того света и покоя, к которым оно стремилось. Они порицают деятелей науки, более озабоченных своими личными достижениями, нежели тем, чтобы послужить своими знаниями человечеству. Равным же образом, они подвергают осмеянию тех, кто цепляется за устаревшие доктрины, сторонников папы (1), философии Аристотеля, медицины Галена, тех, кто отказывается усомниться в правоте своих взглядов. Братья Розы и Креста указывают на существующие противоречия между богословием, физикой и математикой. Это точка зрения напоминает отношение Генриха Корнелиуса Агриппы к магии, которую он считал подлинной наукой. В начале первого тома своего сочинения "Об оккультной философии" он представляет последнюю венцом всех наук, ибо любая философия делится на три взаимодополняющих области знания: физику, математику и богословие (2). Представив обстоятельства своего времени, братья Розы и Креста предлагают своим современникам знание, способное принести обновление. Это знание с присущими ему незыблемыми аксиомами пришло к ним от основателя их Братства, отца К.Р., который некогда заложил основы "Вселенской Реформы".

Кем же был этот странный персонаж? Об этом повествуется в следующем разделе "Fama Fraternitatis". Речь идёт о молодом немце Кристиане Розенкрейце (в "Confessio Fraternitatis" указывается, что он родился в 1378 г.). В шестнадцатилетнем возрасте он вместе со своим наставником-монахом отправляется в паломничество к Гробу Господню в Иерусалим. Странствие на Восток станет для него подлинным посвящением. Его спутник умирает на Кипре. По преданию, этот остров видел рождение Афродиты (Венеры), а плодом её союза с Гермесом стал Гермафродит - двуполое дитя. Упоминание Кипра в биографии Кристиана Розенкрейца имеет смысловую связь с алхимией. Здесь заявлены те мотивы, которые обретут своё дальнейшее развитие в "Химической свадьбе Кристиана Розенкрейца".

Счастливая Аравия

Несмотря на кончину своего спутника, Кристиан Розенкрейц решает продолжить своё путешествие. Однако он движется в новом направлении и достигает Дамкара. Этот город, вопреки утверждениям, отнюдь не Дамаск, а Дамкар и, согласно Атласу Меркатора (1585), расположен на юго-западе Аравийского полуострова. Абрахам Ортелиус в своём сочинении "Theatrum Orbis Terrarum" также упоминает Дамкар как один из городов "Счастливой Аравии". Этот край был известен тем, что в нём сохранился "Corpus Hermeticum"(3). В Дамкаре был университет, где обучалось не менее пятисот студентов(4). Эта область Йемена, знаменитая своими благовонными курениями, была очагом исмаилизма. По инициативе Братьев из Басры здесь была создана фундаментальная энциклопедия, сосредоточившая в себе всевозможные знания - как научные, так и эзотерические. Анри Корбен, уделявший пристальное внимание этой отмеченной эзотеризмом ветви ислама, сочинил воображаемый диалог между братьями Розы и Креста и "Братьями чистого сердца" из Басры. Он считал, что тех и других объединяет приверженность к общим идеалам (5). Несколько ранее аналогичное мнение высказывал Эмиль Дантин (6). В Дамкаре Кристиан Розенкрейц встречается магов, открывших ему весьма важные знания, особенно в области физики и математики, так что он оказывается способным переложить на латынь "Книгу М.", то есть "Книгу Мира". После трёх лет обучения он вновь отправляется в путь и после непродолжительного пребывания в Египте приезжает в Фес.

Фес, золотой город

По словам географа Льва Африканца (XVI в.), этот марокканский город был местом, куда многие интеллектуалы съезжались для общения. Студенты устремлялись в этот богатый библиотеками город. Начиная с омейядской эпохи (661), там преподавали алхимию Абу Абдаллаха, имама Джа?фара ал-Садыка и Джабира ибн Хайяна (Джебера), а также магию и астрологию Али аш-Шабрамаллиши (7). Лев Африканец отмечает, что в Фесе практиковалась своеобразная теургическая магия, когда посредством круга со вписанной в него пятиконечной звездой, начертанного на земле, можно было приблизиться к невидимым мирам. В "Fama Fraternalitatis" объясняется, что "магия жителей Феса не вполне чиста". Наибольшее впечатление на Кристиана Розенкрейца производит присущая людям науки готовность делиться своими знаниями с другими, в отличие от Германии, где каждый стремится "оберегать свою кормушку от других" (8). В этом городе Кристиан Розенкрейц совершенствует свои знания относительно гармонии исторических циклов. Он также приходит к пониманию, что, подобно семечку, содержащему в зародыше целое дерево, микрокосм-человек содержит в себе макрокосм со всеми его составляющими (природа, язык, религия, медицина). Создатели "Fama Fraternalitatis" заимствуют подобное представление у Парацельса, утверждавшего в своей "Philosophia sagax": "в этом смысле человек - это тоже семечко, а мир - его яблоко, и то, чем для семечка является яблоко, тем для человека является окружающий мир" (9).

В Фесе Кристиан Розенкрейц понимает, что все законы, действующие в различных областях знания, находятся в гармонии с Божественным. Умножив свои познания в математике, физике и магии, он завязывает отношения с "простыми существами, открывающими ему свои тайны". По-видимому, речь идёт о тех, кого Парацельс упоминает в своём "Трактате о нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и других существах". Эти существа, которых Парацельс, по его словам, видел собственными глазами, хотя и выглядят людьми, но не восходят к Адаму, а имеют иное происхождение. Соприкоснувшись с ними, люди могут узнать тайны Природы.

Обитель Святого Духа

Совершив это посвященческое путешествие, Кристиан Розенкрейц возвращается в Европу. Он останавливается в Испании и предлагает учёным мужам рассказать им о том, что ему удалось узнать самому. Однако ему быстро становится ясно, что они не готовы поставить под сомнение уже имеющиеся у них знания. Авторы "Fama Fraternalitatis" представляют Испанию символом тех людей, которые страшатся усомниться в своих убеждениях, ибо усматривают в этом посягательство на свой авторитет.

Разочарованный холодным приёмом, оказанным ему испанскими учёными, и став объектом критики ещё в нескольких странах, Кристиан Розенкрейц возвращается в Германию. Там он

принимает решение письменно увековечить все знания, полученные им на Востоке. Его задачей является создание сообщества, призванного воспитывать в европейских государях качества просвещённых руководителей своих народов. За пять лет работы у Кристиана Розенкрейца появились три ученика, готовых поддержать его в его начинаниях. Так рождается Братство Розы и Креста. Учитель и его ученики вместе сочиняют первую часть "Книги М.". Затем к Братству примыкают ещё четыре новых ученика. Местопребыванием Братства становится тогда новый дом, названный "обителью Святого Духа". Братство по-прежнему остаётся тайным, а Кристиан Розенкрейц умирает в возрасте ста шести лет в 1484 году. В 1604 году, когда никого из членов первого содружества розенкрейцеров давно уже не было в живых, во время строительных работ в одном из принадлежащих им зданий братья случайно обнаруживают усыпальницу Кристиана Розенкрейца. На её дверях они прочитали надпись: "Я откроюсь через сто двадцать лет". В усыпальнице, представляющей собой своеобразную "вселенную в миниатюре", они обнаруживают немало ранее неизвестных им предметов, предназначенных для научных изысканий, а также рукописи, в которых было запечатлено всё знание, собранное некогда их Учителем.

Усыпальница Кристиана Розенкрейца

Открытие таинственного погребения - хранилища рукописей - распространённый в алхимической литературе мотив. В этой связи случай Василия Валентина, рукопись которого была обнаружена в церковном алтаре в Эрфурте, напоминает аналогичный эпизод, связанный с именем Болоса Демокриана. Ещё более известен случай обнаружения усыпальницы Гермеса Трисмегиста Аполлоном Тианским. Последний рассказывает, что в этом захоронении он обнаружил старика, сидящего на троне и держащего в руках табличку из изумруда, на которой был начертан текст знаменитой "Изумрудной Скрижали". Перед ним также лежала книга, объясняющая тайны сотворения живых существ и науку о причинах всех вещей. Эта символика подводит к мысли о том, что следует "посетить чрево Земли, чтобы найти Философский Камень" (10). Герхардт Дорн в своём сочинении "*Congeries Paracelsicae Chemiae*" (1581) придаёт это содержание слову "*Vitriol*" (11); кстати, указанный термин тесно связан с именем Гермеса Трисмегиста посредством алхимического рисунка, именуемого "Изумрудной Скрижалёю" (12). Отметим, что Изумрудная Скрижалё в руках Гермеса некоторым образом превосходит книгу "Т" Кристиана Розенкрейца.

Зал, где находится гробница Кристиана Розенкрейца, имеет форму семигранного купола. По наблюдению Фрэнсис А.Иейтс, расположение гробницы вызывает в памяти "Врата" "Амфитеатра Вечной Мудрости" Генриха Кунрата (1603 год) (13). Установленная в центре склепа гробница с нетленными останками Кристиана Розенкрейца имеет округлую форму. Она покрыта пластиной из жёлтой меди, на которой начертаны загадочные изречения. Одно из них гласит: "Пустоты не существует". Данное изречение не только намекает на уже описанную нами полемику, но и отсылает нас к диалогу между Гермесом и Асклепием, приведённому в "*Corpus Hermeticum*" (трактат II). Как мы убедимся ниже, третий розенкрейцерский Манифест также содержит множество намёков на тексты, приписываемые Гермесу Трисмегисту.

Парацельс и Розенкрейц

В числе многих сочинений, обнаруженных в усыпальнице Кристиана Розенкрейца, особого упоминания заслуживает книга "Т", которую он держит в руках, а также сочинение, известное под наименованием "Словарь Теоф. П. Го.". Упомянутый текст, по всей вероятности, это один из словарей языка Парацельса, - возможно, "*Dictionarium Theophrasti Paracelsi continens obscuriorum vocabularum...*", опубликованный в 1584 г. учеником Парацельса Герхардтом Дорном. Следует кстати отметить, что Парацельс - единственный автор, упоминаемый в тексте "*Fama Fraternitatis*". Впрочем, темы, развиваемые в этом Манифесте, в значительной своей части восходят к сочинениям этого автора или его учеников. В уже упомянутой выше "Книге М." содержатся непосредственные отсылки к его мыслям. Мы не станем развивать эту тему подробно - такой случай нам ещё представится, когда разговор пойдёт о "*Confessio Fraternitatis*". Здесь же уместно подчеркнуть, что алхимическая концепция Парацельса отражена в первом Манифесте, в особенности в данном там определении Великого Делания как "предварительной и маловажной работы" по сравнению с духовной целью розенкрейцеров. Подобным заявлением розенкрейцеры дистанцируются от алхимического поветрия, охватившего Германию в эту эпоху и нередко доходившего до крайностей.

Собрав драгоценные средоточия знания, обнаруженные в усыпальнице Кристиана Розенкрейца,

братья Розы и Креста закрывают гробницу. Вооружившись этим наследием, опирающимся на непреложные аксиомы, они понимают, что смогут осуществить "Всеобщую божественную и человеческую реформу", задуманную некогда их Учителем. В "Fama Fraternitatis" отмечается, что, подобно тому, как братья обнаружили сокровища знаний, сломав стену, скрывающую вход в усыпальницу, так и сокрушение прежних верований, препятствующих развитию, и принятие новых знаний откроет перед Европой новую эру. Однако, как указывается в "Fama Fraternitatis", предлагаемое розенкрейцерами знание не есть что-то новое: "оно созвучно знанию, унаследованному Адамом после Грехопадения". Таким образом, речь идёт о восстановлении утраченного знания, которое некие люди решили сохранить. Кстати, в первом Манифесте приводятся имена нескольких хранителей Первичной Традиции. Эти имена вызывают в памяти имена тех, о ком говорил Марсилио Фичино в аналогичном контексте.

Хазельмайер

"Fama Fraternitatis" завершается обращением к учёным и государям Европы, приглашающим их присоединиться к Братству розенкрейцеров, дабы получить доступ к его преобразующему Знанию. Этот призыв звучит весьма странно, ибо в нём подчёркивается, что "хотя мы не указываем здесь ни своего имени, ни места, где мы собираемся, мнения всех, кем бы они ни были посланы, на каком бы языке ни были написаны, непременно дойдут до нас". В тексте обращения указывается, что местопребывание розенкрейцеров должно "навечно оставаться девственно неприкосновенным, неведомым, тщательно скрытым от глаз нечестивого мира". Это послание будет услышано, и в различных странах Европы будут напечатаны открытые письма к розенкрейцерам, подобные тому, которое приведено в конце первого розенкрейцерского Манифеста. Его текст был опубликован в 1612 году Адамом Хазельмайером под заголовком "Ответ достопочтенному Братству теософов-розенкрейцеров" после прочтения им Манифеста, имевшего хождение в Тироле в 1610 году. Многие исследователи считали, что это некое условное лицо. На самом деле это не так, и Карлос Жилли в результате скрупулёзных изысканий смог воссоздать биографию этого последователя Парацельса (14), известного собирателя алхимических рукописей.

Прочитав "Fama Fraternitatis", Адам Хазельмайер был столь воодушевлён, что обратился к эрцгерцогу Максимилиану с просьбой выплатить ему пособие, чтобы он мог отправиться на поиски розенкрейцеров. На текст его "Ответа" на розенкрейцерский Манифест существенно повлияло пророчество "Льва Севера". Ожидая близкого конца времён, Хазельмайер считает, что розенкрейцеры - это те, "кого Бог избрал, чтобы распространять вечную теофрастическую и божественную истину". Посему он полагает, что посещать церковь уже не нужно. Подобной позицией он зарабатывает себе репутацию еретика. За отказ отречься от своих слов в 1612 г. он приговаривается к галерам, где проводит четыре с половиной года. Представляется, впрочем, что там ему были обеспечены особые условия, потому что на протяжении всего этого времени он продолжает состоять в переписке со многими лицами из числа увлекающихся алхимией. По словам Карлоса Жилли, в своём воодушевлении Адам Хазельмайер явно выходит за общепринятые рамки, а его воззрения не в полной мере соотносятся с розенкрейцерской философией.

Гермес и Розенкрейц

Как можно заметить, именно атмосфера нравственного кризиса вызывает к жизни предложенный в первом Манифесте проект Реформы, в котором эзотеризм призван занять особое место. Розенкрейцерство сохраняет преемственность с эзотерическими течениями Возрождения, привнося в них специфически христианские мистические ноты. Можно также отметить, что первый Манифест открыто дистанцируется и от псевдо-эзотериков и от закосневшей религии. Розенкрейцеры стремятся сблизить между собой науку, эзотеризм и мистику в едином жизнеутверждающем проекте Реформы, который несёт на себе явный отпечаток учения Парацельса. Если розенкрейцерство и следует путём Первичной Традиции в её ренессансном понимании, тем не менее, на второй план оно ставит Египет. Загадочный Гермес Трисмегист, приоритет которого был поставлен под сомнение Исааком Казобоном в 1614 году, уступает место более человеческому персонажу, Кристиану Розенкрейцу. Существовал ли последний на самом деле или же он - просто символ? И кто сочинил первый Манифест? Мы подойдём к этим вопросам немного ниже, а до этого рассмотрим второй розенкрейцерский Манифест - "Confessio Fraternitatis". Об этом и пойдём речь в следующей главе.

Часть IV. CONFESSIO FRATERNITATIS

На следующий год после публикации "Fama Fraternitatis", то есть в 1615 г., издатель Вильгельм Вессель выпускает в Касселе второй розенкрейцерский Манифест. Как и предшествующий, появившийся в качестве приложения к "Новостям Парнаса", новый Манифест появляется вместе с другим текстом: "Secretioris Philosophiae Consideratio Brevis a Philippo a Gabella.", то есть "Краткий очерк самой тайной философии, написанный а Филиппо а Габелла" (1). Автор этого текста, тем не менее, остаётся неизвестным. Во введении он уточняет, что речь идёт о философском трактате, и замечает, что "он украшен деяниями, исследованиями и знанием Братства Р. К.". Краткое предисловие подписано "Frater R.C.", в нём автор указывает, что он полностью позаимствовал содержание этого "Очерка" у Гермеса, Платона, Сенеки и других философов. Сам текст заканчивается молитвой, подписанной "Филемон Р.К."

Монада

В действительности этот "Краткий очерк" не связан ни с Гермесом, ни с названными философами. Он представляет собой переработку труда Джона Ди (1527-1608) "Иероглифическая Монада" (1564). В этой книге вождь движения ренессанса времён Елизаветы I пытался объяснить в двадцати четырёх теоремах иероглиф - "Монаду". Как и Генрих Корнелий Агриппа, усердным читателем которого он был, Джон Ди создал этот магический знак, опираясь на геометрию. По мнению Пьера Бреара, Монада, помимо своего магического аспекта, представляет алхимический символ, обозначающий Камень алхимиков, Ртуть Мудрых.(2). Впрочем, в надписях на фронтисписе книги Джона Ди упоминаются ртуть и роса, (3) в которой Василий Валентин видел зародыш Камня, изумруд философов.

Фулканелли также подчёркивал связь между Розой и Крестом, с одной стороны, и росой. По этому поводу он уточняет, что, согласно "Словарю искусств и наук" (1731) Фомы Корнеля, "великих магистров Розы и Креста называли Братьями Кипячёной Росы (Freres de la Rosee Cuite) - это то значение, которое они сами придавали инициалам их Ордена FRC" (4). Символ, составленный Джоном Ди, будет воспринят многими авторами, среди которых находятся Генрих Кунрат (в его "Амфитеатре Вечной Мудрости"), Иоганн Валентин Андреа (в "Химической свадьбе Кристиана Розенкрейца") и Роберт Фладд (в "Utriusque cosmi historia").

Confessio Fraternitatis

Первый Манифест извещал о скором появлении "Confessio Fraternitatis", в котором будут названы тридцать семь причин, по которым Орден объявляет о своём существовании. Второй не приводит эти причины, но заявляет о себе как о дополнении, более понятном, объясняющем "несколько неясные части Эхо". "Confessio Fraternitatis, или Исповедание досточтимого братства Р.К., составленное для уведомления всех учёных мужей Европы", включает четырнадцать глав. Эта структура не всегда будет сохраняться в последующих изданиях. В этом тексте розенкрейцеры заявляют о том, что они обладают средством от болезни, пожирающей науку и философию, поскольку у них есть ключ ко всем знаниям из области искусств, философии, теологии и медицины. Они более подробно говорят об источнике их знания, указывая, что оно исходит не только из собранного в путешествиях Кристианом Розенкрейцем, но и из откровений, полученных им через божественное просветление с помощью ангелов.

Милленаризм

В тексте первого Манифеста, за исключением письма Хазельмайера, не упоминалось пророчество Северного Льва, но в "Confessio Fraternitatis" о нём говорится и объявляется, что "сокровища останутся неприкосновенными, пока не придёт Лев" (гл.6) (5); рычание же Льва будет сопровождать падение папы (гл.5). В целом можно сказать, что новый Манифест несёт в себе идею милленаризма. После оптимизма Манифеста "Fama Fraternitatis", в котором предвосхищалось наступление новой эры, обогащённой новым знанием, "Confessio Fraternitatis" представляется более пессимистичным. В нём объявляется, что мир "близок к точке покоя (:) после окончания своего периода и своего цикла" (гл.1). Этот конец времён относится к Миллениуму - тысячелетнему периоду, следующему за периодом в шесть тысяч лет, который завершился (пророчество Илии), и розенкрейцеры получили миссию зажечь "шестой светильник" (гл.4). Этот период совпадает с третьей эрой Иоахима де Флоре (Флорского), эрой Святого Духа,

когда завершается снятие шестой печати. Розенкрейцеры представляют их откровение как последнюю милость Бога "миру, конец которого близок" (гл.7). Эта милость позволит человечеству в течение какого-то времени наслаждаться "жизнью и великолепием, подобными тем, которые бездумно утратил в Раю Адам" (гл.7). "Confessio Fraternitatis" возвращается здесь к мотиву, прозвучавшему в первом Манифесте - "первичному откровению", полученному Адамом после Грехопадения.

Можно задаться вопросом, действительно ли авторы этого Манифеста считали, что наступает конец времён. Эта эпоха может рассматриваться зависящей не только от линейной истории, но и, как говорил Анри Корбен, от "метаистории" (6). Конец времён относится не ко времени человека, а ко времени духа, переживаемого в душе, обновлённой просветлением. Впрочем, в "Confessio Fraternitatis" говорится о розенкрейцерах как о людях, обладающих способностью переноситься в прошлое и будущее, так же, как и в дальние страны (гл.4).

Liber Mundi

В "Confessio Fraternitatis" вновь возникает тема, затронутая в первом Манифесте, - тема "Liber Mundi" или "Книги Мира" и упоминаются "великие буквы и знаки, которые Господь Бог начертал на здании неба и земли" (гл.6). Здесь мы встречаемся с основополагающей идеей Парацельса. Для него единственной и главной книгой, помимо Библии, является Книга Природы. Действительно, по Парацельсу, "буквы, которые Бог вписал в Святую Библию, Он также чётко отпечатал и на своём чудесном творении: на небе, земле и на всех животных" (гл.9). Мысль, согласно которой Природа является ключом ко всему сущему, что она есть не механическая система законов, но живая реальность, с которой человек должен вступить в диалог во имя "со-знания", заимствована у Парацельса.

Библия

Хотя во втором Манифесте выделяется значение Книги Природы, но в нём, прежде всего, подчёркивается важность Слова откровения и содержится побуждение к его "усердному и постоянному чтению". Манифест заявляет, что "с начала мира не было книги, превосходящей Библию" (гл.10). Как и "Fama", "Confessio" поносит папу, осуждая его в тирании. "Гадюка перестанет шипеть" (гл.11), и "наши когти разорвут его в клочья", - можно прочесть в Манифесте, предвещающем скорое падение понтифика. Данная тема часто повторяется в "Pronosticationes" и "Practica" Парацельса. Эта позиция, весьма понятная в протестантских кругах, где папу почитают за Антихриста, ляжет в основу враждебного отношения католицизма к розенкрейцерству. Без сомнения, для того, чтобы нюансировать восхваление арабской цивилизации, которое часто выражалось ранее, второй Манифест обрушивается и на Магомета. Во всяком случае, упоминание о нём могло быть заимствовано из "Наометрии", в которой осуждался "папа и его пропавший сын Магомет".

Алхимия, реформы

В "Confessio Fraternitatis" снова высказывается критика в отношении псевдо-алхимиков, сформулированная в первом Манифесте. Для розенкрейцеров настоящая алхимия должна приводить к "познанию Природы", но это познание вторично, так как главное состоит в том, "чтобы прилагать усилия для овладения умом и наукой философии" (гл.11). Поэтому Орден призывает к осмотрительности ввиду широкого распространения алхимических книг, изобилующих в это время. XVII век, действительно, является эпохой самого масштабного издания книг о Великом Делании (7).

Крепость истины

В "Confessio Fraternitatis" объявляется, что по примеру мудрецов Дамкара, розенкрейцеры "имеют миссию организовать правительство Европы". Они заявляют также о некоем плане, разработанном для этой цели Кристианом Розенкрейцем. Как и в первом Манифесте, розенкрейцеры приглашают своих современников вступать в их Братство и предлагают ищущим людям присоединиться к ним, дабы построить "новую крепость истины". Они обещают всем тем, кто хочет быть посвящённым, наследие всех богатств Природы, здоровье, обширные знания и внутренний покой. Однако они предупреждают других, кого "ослепляет блеск золота" и кто хочет

вступить в Братство, дабы извлечь из этого материальную выгоду, что они никогда не будут избраны для этого.

В заключение можно сказать, что в "Confessio Fraternitatis" более, чем в "Fama Fraternitatis" выделяется роль религии. Библия подкрепляет Книгу Природы. В "Confessio" заметно стремление использовать наследие Ренессанса в пользу христианского миллениаризма (без упоминания о втором пришествии Христа), в нём предсказывается неминуемость конечного откровения под покровительством Розы и Креста.

Истоки

Многие исследователи задавались вопросом об авторстве двух первых розенкрейцерских Манифестов. На самом деле этот вопрос непосредственно связан с вопросом об источниках, из которых черпались идеи, выраженные в этих текстах. Здесь можно отметить влияние эпохи средневековья: непогрешимая аксиоматика, на которую ссылаются Манифесты, - это "Ars Magna" Рамона Луллия (1235-1315), произведения которого вновь увидели свет (1598) благодаря крупному издателю из Страсбурга Лазарю Зецнеру (8). Рейнская мистика также оказала большое влияние на авторов первых розенкрейцерских трудов, в частности через Иоганна Арндта (1555-1621), о котором мы будем говорить позже. Однако в основном "Fama" и "Confessio" черпают из трёх течений Традиции: учения Парацельса, обновлённого учения Иоахима Флорского и герметизма Возрождения (9).

Не случайно Парацельс является единственным автором, который заслуживает похвалы в Манифестах. В действительности он представляет собой основной источник выраженных в них идей. Необходимость собрания воедино знаний, накопленных в разных частях света, признание человека микрокосмом, сноска на "Liber Mundi" и обитателей элементарных миров или метафора семени розы - все эти темы Манифестов заимствованы из учения Парацельса. Добавим, что в усыпальнице Кристиана Розенкрейца находилась среди других и книга под названием "Словарь Теоф.П. фон Го.", идентифицированная как один из словарей парацельсовских терминов, изданный в XVII веке (напомним, что более полное имя Парацельса - Теофраст Бомбаст Парацельс фон Гогенгейм). Эти заимствования логичны в той мере, что во времена появления Манифестов тексты Парацельса были очень популярны. Иоганн Гузер в результате долгих поисков манускриптов Парацельса опубликовал между 1589 и 1591 годом его "Полное собрание сочинений". Он выпустил его второе издание в десяти томах между 1603 и 1605 годом у Лазаря Зецнера, будущего издателя произведений Иоганна Валентина Андреа.

Нео-иоахимизм

Наличие идей нео-иоахимизма в Манифестах также очевидно. Как мы говорили ранее, теории Иоахима Флорского вновь вызвали интерес в XVI веке, также как и пророчества Илии и Льва Севера, извещающие о приближении новых времён. Герметизм Возрождения также присутствует в розенкрейцерских текстах, в частности в форме алхимии и нумерологии. Можно заметить, однако, что каббала, еврейская или христианская, занимает в них весьма незначительное место. Просматриваются также и другие влияния, например, понимание цикличности времени. Эти тексты могли иметь связь с исмаилизмом, одним из очагов которого был Дамкар.

Тюбингенский Кружок

Изучение идей, звучащих в Манифестах, позволяет нам выдвинуть гипотезы об авторстве этих текстов. Большинство современных специалистов едины во мнении, что Манифесты написаны не одним человеком, а небольшой группой из нескольких студентов и учёных в Тюбингене, городке графства Вюртемберг. Их называют "Группой" или "Тюбингенским Кружком". Этот кружок сформировался около 1608 г. и объединял около тридцати человек, страстно увлечённых алхимией, каббалой, астрологией и христианской мистикой. В него входили Иоганн Арндт, Иоганн Валентин Андреа, Тобиас Гесс, Абрахам Хольцель, пастор Вишер, Кристоф Безольд и Вильгельм фон Венс, если назвать только самых значительных лиц. Они составили проект новой реформы, дополняющей реформы Лютера и Кальвина, которые они считали недостаточными. Двое из этого кружка, Тобиас Гесс и Абрахам Хольцель, участвовали до этого в движении, распространявшем на факультете эзотерические и мистические труды.

Иоганн Арндт

Иоганн Арндт (1555-1621), которого Иоганн Валентин Андреа считал своим духовным отцом (10), мог быть ментором группы. Пастор, теолог, врач, алхимик, увлечённый Таулером и Валентином Вейгелем, Арндт был также пропагандистом книги "Подражание Христу". Как видно из его письма от 29 января 1621 г. герцогу Брауншвейгскому, он хотел отвлечь студентов и учёных от полемической теологии и привести их к живой вере и практической набожности. Его мистические склонности заметны в его проповедях о Евангелиях или "Малом катехизисе" Лютера, в сборнике его молитв "Paradies Gartlein Aller Christichen Tugenden" (1612). Он написал один из самых читаемых до XIX века религиозных текстов "Четыре книги настоящего христианства" (1605-1610). Будучи мистиком и алхимиком, он пытался соединить наследие Парацельса и средневековую теологию. В своих книгах он развивает идею внутренней алхимии и духовного возрождения. Он является также автором комментария к гравюрам "Амфитеатр Вечной Мудрости" Г.Кунрата.

Ролан Эдиггоффер показал, что целый отрывок "Confessio Fraternitatis", в котором говорится о Книге Природы, почти дословно заимствован из "Четырёх книг настоящего христианства" Иоганна Арндта (11). В своём труде "De Antiqua Philosophia" (1595) последний подчёркивает, что мудрость проявляется не в умозрительных рассуждениях, а в практике - мысль, которую мы также встречаем в Манифестах. Арндт считается одним из вдохновителей пиетизма. В 1691 г. И.Кельпиус со своими учениками привезёт его труды в Новый Свет. Согласно содержанию письма И.Арндта, найденному в архиве теософа Кристофа Гирша, Иоганн Валентин Андреа признавался в том, что написал "Fama Fraternitatis" вместе с тридцатью другими лицами. В другом письме Андреа своему другу Комению (Яну Амосу Коменскому) утверждается то же самое. Однако подлинность этих писем остаётся проблематичной (12).

Тобиас Гесс

Среди членов Тюбингенского Кружка Тобиас Гесс (1558-1614) представляется наиболее способным осуществить синтез различных элементов, составляющих Манифесты. Являясь членом университета Тюбингена, врачом парацельсовского направления, каббалистом, философом, поклонником Симона Студиона, Юлиуса Спербера и Иоахима Флорского, он, по-видимому, играл основную роль в составлении "Fama" и "Confessio". В 1605 его обвиняют в занятиях "наометрией" и преследуют за распространение идей миллениаризма в работах, где он выступает также за всеобщую реформу. В "Fama" высказывается его мысль: "Заблуждением является утверждать, что то, что истинно в философии, не истинно в теологии". Его также обвиняли в основании тайного общества. Даже если обвинители и не называют имени этого общества, вполне вероятно, что речь идёт об Ордене Розы и Креста, первый Манифест которого распространялся в то время в рукописной форме.

Тобиас Гесс был связан с учеником Парацельса Освальдом Кроулиусом. Благодаря своим талантам врача, Тобиас Гесс излечил Валентина Андреа от тяжёлой лихорадки, который очень высоко ценил его. Гесс умер в 1614 г., накануне издания Манифестов, и именно Иоганн Валентин Андреа произнёс над ним надгробную речь. Её текст был впоследствии напечатан и, как замечает Ролан Эдиггоффер, в нём выделены курсивом только два слова: "Тобиас Гесс" и "Fama", чтобы подчеркнуть существующую между ними связь. Следует упомянуть также один удивительный факт: в 1616 г. Иоганн Валентин Андреа анонимно издаёт "Thesa gladii spiritus (Ларец славы духа)", указывая в предисловии, что это книга Тобиаса Гесса. Но двадцать восемь страниц этой книги заимствованы из "Confessio"! Позже в своей автобиографии он признается, что все тексты "Thesa" принадлежат ему. Нужно ли из этого вывести, что он является автором части или всего текста "Confessio Fraternitatis"?

Иоганн Валентин Андреа

В 1699 г. в своей "Истории Церкви и еретиков" Г.Арнольд называет автором розенкрейцерских Манифестов Иоганна Валентина Андреа. Эта гипотеза долгое время оставалась главенствующей. Следует сказать, что Андреа является чрезвычайно интересной личностью. Более подробно мы расскажем о нём, когда будем рассматривать третий Манифест - "Химическую свадьбу Кристиана Розенкрейца". Однако Иоганн Валентин Андреа отрицал свою связь с розенкрейцерами и в одной из своих книг, "Menippus" (1617) он осуждает Братство Розы и Креста, которое называет "ludibrium", то есть насмешкой, шуткой. Однако, как указывает Франсес Йейтс, эти слова не имеют в устах

Андреа уничижительного смысла, который придавал большое значение моральному влиянию сказок и театра (13). Об этом интересе говорят и его работы (14). Добавим, что всю свою жизнь он стремился организовывать общества или объединения, во многом соответствующие проекту, изложенному в Манифестах. Представляется, что главной причиной его официальной позиции в отношении Манифестов была защита его карьеры как священника. Волей случая издание "Fama Fraternalitatis" совпало по времени с моментом получения им, хотя и с большими трудностями, должности дьякона и женитьбы на Елизавете Грюнингер, дочери пастора и племяннице лютеранского прелата.

Существует множество версий по поводу возможного авторства Манифестов, но ни одна из них не представляется полностью удовлетворительной. Но даже если "автор" Манифестов остаётся неизвестным, вполне вероятно, что именно Тобиас Гесс и Иоганн Валентин Андреа играли основную роль в создании этих текстов.

Посвященческое предание

Вернёмся к теперь к Кристиану Розенкрейцу, который представлен в Манифестах основателем розенкрейцерства. Был ли он реальной или вымышленной личностью? Сразу следует сказать, что в этих текстах не рассказывается биография определённого человека, они представляют собой посвященческое предание, имеющее несколько аспектов. В общем плане можно сказать, что через путешествие Кристиана Розенкрейца и его этапы - в арабских странах, затем в Испании - можно определить пути, которыми следовали различные эзотерические науки, продвигаясь с Востока на Запад. Эти науки по-разному развивались в Европе, но расцвет их состоялся благодаря Парацельсу. После его смерти таким личностям как Валентин Вейгель и др. удалось исправить их недостатки и обогатить их рейнско-фламандской мистикой. Розенкрейцерство предлагает обратиться к этому наследию и включить его в свод знаний времени, которое, как они считали, находится на рубеже новой эры.

Многое указывает на то, что Манифесты являются символическими повествованиями. Например, все значительные даты жизни Кристиана Розенкрейца являются датами важных исторических событий. 1378, год его рождения, является годом великого раскола на Западе, противопоставившего Авиньон и Рим. Год его смерти, 1484, является годом рождения того, кто попытается реформировать христианство - Мартина Лютера. Даже если сегодня считают, что Лютер родился в 1483, то его мать сама колебалась между 1483 и 1484 г., сам же Лютер называл 1484 г. Существует астрологическая традиция, основанная на работах Пауля фон Миддлебурга и Иоганна Лихтенбергера, которые увидели в соединении Юпитера и Сатурна в 1484 г. в созвездии Скорпиона знак этого рождения. Примечательно также то, что в 1484 г. в усыпальницу К.Р. якобы помещают манускрипты с работами Парацельса. Однако он к тому времени ещё ничего не написал, поскольку родится только в 1493 г. Добавим, что тема открытия могилы является распространённым символом в Традиции. Мы ещё вернёмся к этому вопросу немного позже.

От символа до находки один шаг, и некоторые авторы без колебаний сделали его. Многие историки подчёркивали, что авторы Манифестов просто адаптировали биографии реальных людей для создания личности Кристиана Розенкрейца (15). Поль Арнольд показал, что многие мистики странно походят на Кристиана Розенкрейца (16). Во-первых, это Иоахим Флорский, который после своего путешествия на Восток предпринял основание некоего Братства. Затем Рудольф Мерсвин (1307-1382), основатель "Божьих Друзей"; может быть, и Геерт Гроот (1340-1384), создатель общества "Братьев Общей Жизни". Последняя группа предшествовала началу "Devotio Moderna (Современное Благодетельство)" - духовного движения, опирающегося на внутренний духовный опыт. Самое ценное создание этого движения - книга "Подражание Христу", которая оказала очень большое влияние на розенкрейцерскую среду (17). Замечание Поля Арнольда заслуживает интереса, так как даже если и существуют значительные различия между названными людьми и Кристианом Розенкрейцем, то параллель остаётся впечатляющей. Кроме того, и многие идеи этих мистиков находят своё выражение в Манифестах.

Возможно посмотреть на вещи и под другим углом зрения. Действительно, Манифесты могут быть прочитаны как рассказ о некоем духовном опыте. Конечно, они вписываются в конкретный исторический контекст, но, как и всякое посвященческое предание, они связаны с метаисторией, выходящей за рамки обычной хронологии. Здесь мы оставляем область истории и переходим на другой уровень. Это станет предметом нашей следующей статьи, которая приведёт нас на

"Изумрудную Землю", дорогую сердцу Анри Корбена. Эта тема станет переходной к рассмотрению третьего розенкрейцерского Манифеста "Химическая свадьба Кристиана Розенкрейца".

Часть V. ИЗУМРУДНАЯ ЗЕМЛЯ

Как мы уже говорили, со строго исторической точки зрения временем появления розенкрейцерства считается XVII век. Но следует ли из этого делать вывод, что его не было ранее? Седир писал: "Розенкрейцерство получило своё имя только в Европе и только в XVII веке. Нельзя назвать имена, которые оно носило в других местах ни до того, ни после". Он добавляет: "Что же касается сущности розенкрейцерства, то она существует с тех пор, как люди живут в этом мире, потому что она есть нематериальная функция души Земли". Понимая недостаточность своих исследований, он считал, что истоки розенкрейцерства следует искать не на пергаментях, - потому что опора розенкрейцерства находится не на Земле, - а в мире невидимом (1).

Исследование происхождения посвященческих Орденов, основанное только на объективных и хронологических аспектах вопроса, может легко увести в сторону историцизма, то есть к исключительно позитивистскому и ограниченному видению их генезиса. И разве не упустило бы тогда это исследование основное: его отношение к священному? Как указывает Мирча Элиаде, "история религий - от первобытных до самых разработанных - состоит из собрания иерофаний, из проявлений священной реальности" (2). То же можно сказать и о посвященческих Орденах. Их история неразрывно связана с опытами переживания Божественного (3), вот почему мы должны теперь обратиться к этому аспекту. Как и Кристиан Розенкрейц, посетивший арабский мир, мы сделаем остановку на земле ислама.

Духовная преемственность

Рене Генон попытался определить посвящение как передачу духовного влияния, источник которого является надчеловеческим. (Он не уточняет, однако, происхождения последнего, помещая его в незапамятные времена.) Он говорит о двух путях этой передачи: один - вертикальный - опускается непосредственно из невидимого мира к человечеству, другой - горизонтальный - это передача священного наследия от одних посвящённых другим. Большинство исследователей истории посвященческих Орденов удовлетворяются упоминанием о горизонтальной преемственности, потому что, действительно, первая остаётся для историка неуловимой. Однако, поступая таким образом, они часто сводят вопрос о преемственности посвящения на административный уровень вручения свидетельств и дипломов. Другие исследователи, как Анри Корбен, ставят на особое место передачу посвящения по вертикали и считают мистический опыт и духовную преемственность основным критерием достоверности традиции.

Мир Образный

В конце нашей предыдущей статьи мы говорили о схожести биографий некоторых основателей духовных течений с жизнеописанием Кристиана Розенкрейца. Анри Корбен рассказывает о тех же личностях, добавляя к ним другие, но делает выводы более интересные, чем Поль Арнольд. Он видит в этом факте явление "первичных образов", свидетельствующих об одном и том же духовном опыте. Он говорит о принципе общего источника преемственности, но не земного, а небесного, берущего начало в "Мире Образном". А. Корбен пытался объяснить смысл этого понятия в своих многочисленных трудах, в частности, посвящённых великому философу и мистика исламского Ирана Шихабоддину Сахраварди (1155-1191). Гермес, Платон и Заратуштра являются основными фигурами, питающими размышления этого платоника шиитского ислама.

Сахраварди представляет Мир Образный (алам аль-мисаль) как пространство, расположенное между чисто духовными и материальными сферами (4). Определяемый в теософском аспекте как Малакут (мир души и душ), он играет роль посредника между миром форм и миром чистых идей. Он является также "Восьмым Климатом", "Землёй Изумрудных Городов" или Хуркалией.

Сахраварди говорит о нём как о мире, который встречает на своём пути в мистических опытах паломник духа. Чтобы описать восхождение души к этому уровню сознания, иранская символика говорит о подъёме на гору Каф. Это космическая гора, вершина которой является самым возвышенным центром души человека. На этой вершине находится изумрудная скала, которая окрашивает небесный свод в зелёный цвет. Там пребывает Святой Дух, Ангел человечества. Для суфиев изумруд является символом космической души. Довольно удивительно встретить сходное понятие у христианских каббалистов. Так, Иоханн Писторий в своём труде "De Artis cabbalisticae" (1587) говорит о "зелёной линии" последнего неба, когда упоминает о мировой душе. Эта концепция встречается также в "Cabala denudata" (1677) Кнорра фон Розенрота (5).

Достоверное воображение

Мир Образный выполняет функцию, связанную с внутренним опытом. По понятиям Сахраварди, человек получает доступ к этому измерению с помощью особого свойства души - активного воображения. Парацельс также говорил об этой способности *imaginatio vera*, достоверного воображения, которое, как он предостерегал, не следует смешивать с фантазией, "домашней сумасшедшей". Как показал Карл Юнг, достоверное воображение является основным ключом для понимания Великого Делания. "Rosarium" (XIV в.) указывает, что алхимическое делание должно свершаться с помощью достоверного воображения, а Мартин Руланд в своём "Алхимическом словаре" (1612) пишет, что "воображение - это звезда в человеке, тело небесное или наднебесное" (6). Якоб Бёме также говорит о Мире Образном как Священном Элементе, Душе Мира, где пребывает София - представление, которое напоминает Спенту Армаити - Софию маздеизма.

Мир Образный нас интересует особенно потому, что, как показал А. Корбен, это вневременное измерение, где "происходят" события, о которых рассказывают мифы и эпопеи. Это "место", где появляются видения пророков и мистиков, где предводители человечества узнают о своей миссии. Это также "место" мистических посвящений и "духовной преемственности, достоверность которой не относится к области документов и архивов" (7), - как говорил К. Юнг. Мир Образный - это место соединения мира материального и мира духовного, он считается "землёй видений", "землёй воскресения", потому что там посвящаемый обретает своё славное тело ("Человек Света", о котором говорил Зосима, александрийский алхимик II века), которое делает возможным свадьбу души, встречу с Совершенной Природой. Сахраварди считал, что те, кому удаётся такой духовный опыт, становятся учениками Гермеса.

Посвященческие предания

Паломники духа, достигшие этого плана сознания души, часто повествовали о пережитом в символических рассказах. Эти повествования лежат в основе духовных движений, рождающихся в их русле, и имеют свои характеристики. Во-первых, как указывает А. Корбен, это не мифы в общем смысле этого слова; они повествуют о событиях, реальность, время и место которых принадлежат не истории непосвящённых, а Миру Образному, миру души. Они повествуют об иероистории, то есть истории священной. И важно понимать не их буквальный смысл, но "смысл внутренний", как говорил Сведенборг, значение которого может открыть только герменевтика. Затем, они обладают свойством трансформации, потому что являются носителями света, приходящего в сердце читателя, готового принять их глубину. Именно в этом смысле они являются посвященческими преданиями. Одним из самых известных таких текстов является текст, в котором повествуется об открытии усыпальницы Гермеса Трисмегиста.

Совершенная Природа

Некоторые исследователи отмечали, что Кристиан Розенкрейц появился в то время, когда исчез Гермес Трисмегист, наследие которого было поставлено под сомнение Казобоном (1614). Антуан Февр полагает, что с появлением "Fama Fraternitatis" мы становимся свидетелями нового основания западного эзотеризма. В этой связи интересно отметить, что рассказ об открытии могилы Кристиана Розенкрейца очень напоминает описание открытия усыпальницы Гермеса. По мнению Анри Корбена, рассказ, в котором Балинус, то есть Аполлоний Тианский повествует о своём открытии тела Гермеса, является типификацией встречи человека со своей душой, своей "Совершенной Природой" (8). Гермес держит в руке "Изумрудную Скрижаль" и книгу, содержащую тайны Творения. Эти элементы напоминают о том, что человек, познавший самого себя через

самоуглубление, узнает тайны Бога и мироздания.

Представляется, что рассказ Балинуса заимствован из "Пикатрикса" (9), в котором Сократ говорит о Совершенной Природе. Последний, ссылаясь на свидетельство Гермеса, указывает, что она является духовной сущностью философа, внутренним проводником, открывающим засовы мудрости. В другой части "Пикатрикса" находится молитва, представленная как часть астральной литургии сабеистов из Харрана. В ней упоминается Гермес и уточняется, что арабы называют его Отаред, персы - Тир, на ромаикском Харус и индийцы - Будда (10). Добавим, что эта встреча человека со своей Совершенной Природой также приводится в прологе к "Герметическому Своду" - "Поймандре".

Мудрый Старец

Усыпальница является местом перехода в мир иной, и некоторые тексты отождествляют её с переходом в Мир Образный; она символизирует место превращения тела в дух, место воскресения. Для Карла Густава Юнга она представляет также спуск в глубины бессознательного. Тела двух учителей - Кристиана Розенкрейца и Гермеса Трисмегиста, открытые в их усыпальницах, - это тела двух старцев. Юнг анализирует присутствие этого символа в мифах, сказках и снах как выражение архетипа "Мудрого Старца". Он считает, что когда индивид достигает определённой стадии своего поиска, бессознательное в его внутренней жизни видоизменяется. Оно появляется с этого момента в новой символической форме, представляя Я - самый глубинный центр его души. Для женщины он представится в виде жрицы, волшебницы, для мужчины - в виде мудрого старца, посвятившего. Юнг видит в Гермесе также и архетип алхимического процесса, посвящения. Он отождествляет Гермеса-Меркурия с бессознательным и делает его элементом первостепенной важности для процесса интеграции, то есть открытия центра сущности: Себя.

Друзья Бога

В конце последнего тома своего основного труда "В иранском исламе" Анри Корбен задерживается на сходстве биографий или текстов основателей некоторых духовных движений. Он находит общие темы, например, понятие о Друзьях Бога, зелёный цвет, мысль о цикличности - это многозначительные повторения одного и того же духовного опыта (11). Часто встречаются также упоминания о путешествии на Восток, об открытии могилы, о планах создания духовного движения вне рамок официальной религии, о некоем светском или даже духовном рыцарстве.

Один из моментов, отличающих ислам шиитов от ислама суннитов, состоит в идее цикличности Божественного Откровения. Для шиитов цикл пророков начался в тот момент, когда Адам был изгнан из Рая и когда его сын Сет получил от него священный дар (Гавриил вручает ему также зелёный шерстяной плащ). Этот период завершает Мухаммед - Печать пророков. Начинается новый период, потому что Глагол продолжает двигаться в Творении: это цикл валаят, который должен привести к открытию тайны пророчества. Передающие это пророчество представляются рыцарями и называются "Друзьями Бога". Это люди, достигшие высокого уровня духовности, совершенные существа, настоящие представители Бога. Они нужны для того, чтобы замедлить нарушение равновесия Творения, потерявшего свою связь с Божественным.

Один из самых видных представителей иранского суфизма Рузбехан Бакли Шираз (1128-1209) говорил о них: "Это глаза, которыми Бог ещё смотрит на мир". Тема дружбы с Богом встречается и в Евангелиях. Иоанн приводит слова Христа: "Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его: но я называю вас друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего".

Зелёный Остров

Выражение "Друзья Бога" встречается и на Западе. Так называлась группа, которую основал Рудольф Мерсвин после встречи с таинственным путешественником - "Другом Бога Верхней Страны". Эта маленькая община, которую посещал Ян Таулер, обосновалась в Страсбурге, в месте, носящем название Зелёный Остров. Название его заставляет вспомнить тайное прибежище "Сокрытого Имама", который, как считают шииты, вернётся перед концом света; место его укрытия также называется Зелёным Островом. Рудольф Мерсвин считал, что время

монастырей прошло и что нужно создавать другой тип общины, Орден нового характера, который не будет состоять из монахов. Отметим, что, когда он умер в 1382 году, в его могилу были положены восковые дощечки, на которых были записаны его труды (12).

Другие личности, такие как Таулер, Эккарт и объединившиеся вокруг Сузо, также назывались Друзьями Бога. Ученики Сузо намеревались образовать "Братство Вечной Мудрости". Иоганн Валентин Андреа использовал выражение "Друзья Бога" в своей книге "Theca gladii spiritus (Ларец славы духа)" (1616), в которую включены многие отрывки из "Confessio Fraternitatis". По мысли названных нами лиц, понятие Друзья Бога обозначает Избранных, Проводников человечества - тех, кто пережил опыт просветления.

Фраварти

В исламе понятие Друг Бога подтверждает тему Духовного Рыцарства. Братство исмаилитов да'ават, с которым Тамплиеры установили отношения, имело все признаки рыцарского Ордена. В исламе шиитов встречается даже мысль о рыцарстве, общем для трёх религий Книги. А. Корбен считает, что идея о таком "Духовном Рыцарстве" исходит из религии доисламского Ирана, зороастризма. Эта идея восходит к началу Творения, когда неким существам, называемым Фраварти, была поручена миссия восстановления гармонии мира. Это понятие, которое за неимением места мы не будем подробно представлять, связано с первичной природой человека, его Совершенной Природой, его измерением Человека Света, которого он добивается посредством мистического опыта.

Пережившие такой опыт, эти просветлённые - это те, кто встретился с Илией, посвятителем. Согласно традиции суфиев Йемена, Хизр-Илия является посвятителем увейс - учеников, получающих посвящение через духовный опыт, без посредства земного учителя (например: Увейс аль-Корани, Ибн Араби, Халладж.). Нужно сказать, что Хизр (или Хирд, или аль-Хадир, известный в Индии под именем Хаваджа Хидр) часто отождествляется с Гермесом Трисмегистом или Сетом. Традиция гласит, что он пребывает там, где соединяются небесный и земной океаны. Считается, что его плащ окрасился в зелёный цвет после того, как он искупался в источнике жизни. Этот Хизр обозначает не что иное как Совершенную Природу, Ангела знания, то есть самую светлую природу человека, его Внутреннего Учителя. Этот опыт причисляет переживающих его к когорте Духовного Рыцарства.

Духовное Рыцарство

Следы такого Духовного Рыцарства мы встречаем среди многих названных нами личностей. Примерно в то же время, когда Иоаким Флорский (XII в.) делает попытки основать монашеский Орден в духе раннего христианства, в Германии Вольфрам фон Эхенбах развивает идею о рыцарстве, общем для христианства и ислама. Его "Парциваль", на основе которого Вагнер создал своего "Парцифалья", имеет в своей основе арабский текст, который был найден в Толедо Киотом Провансальцем. Эта версия легенды о Граале имеет иранское происхождение (13). Удивительно отметить, что Грааль "Парциваля" - это драгоценный камень, на который опускается голубка Святого Духа. Традиция гласит, что это тот изумруд, из которого была вырезана чаша Грааля.

Изучение жизнеописаний различных Друзей Бога, названных нами, заставляет думать, что они все пережили сходный мистический опыт, связывающий их с общим духовным наследием. Эта мысль очень занимала Анри Корбена, и именно ею он заканчивает свой главный труд "В иранском исламе" (14). Он считает, что один и тот же вектор, берущий начало в незапамятном прошлом, в исламе шиитов дал рождение идее об общем для всей авраамовой традиции рыцарстве, и на западе под его импульсом расцвела идея об экуменическом рыцарстве, объединяющем рыцарей христианства и ислама (15). Разве не виден здесь план, общий для хранителей восточного и западного эзотеризма? Не это ли "самая ценная тайна всех западных традиций?" (16). Это Духовное Рыцарство, имея эсхатологические ориентиры, связывает в единую последовательность Пророков, Избранных, Проводников, Посвящённых, которые от начала Творения трудились ради наступления Зари, возвращающей миру Свет.

Времена мира

Многие традиции говорят о том, что Божественное Откровение, которое окончательно просветит

человека относительно целей Бога, займёт во времени несколько тысяч лет. Эта мысль встречается в иудаизме, христианстве и исламе. Иудаизм гласит, что мир просуществует только шесть тысяч лет, по истечении которых придёт Илия, чтобы очистить мир к приходу Мессии. Об этом возвращении говорится также в Евангелиях (Мк IX, 12 и Мф XIV, 11). Данное пророчество звучит также в XII веке из уст Иоакима Флорского, который распределяет циклы Откровения между тремя составляющими Троицы. После эры Отца, а затем Сына, неизбежно наступает третий период Откровения - эра Святого Духа, когда и придёт Илия. В это время на смену Церкви Петра придёт Церковь Иоанна. Эти идеи о циклах и появлении новой Церкви окажут большое влияние на мистические движения, проповедующие внутреннюю религию. Среди этих движений и отдельных личностей Анри Корбен называет иоахимитов XII и XIII веков, Арнольда де Вильнёв, Кола ди Риенци, розенкрейцеров, Якоба Бёме и философов нового времени: Шеллинга, Франца фон Баадера, Николая Бердяева и т.д. (17) Подчеркнём, что эти идеи оказали также большое влияние на христианских каббалистов Ренессанса, на Парацельса, "Наомерию" Симона Студиона, Манифесты розенкрейцеров и на Мартинеса де Паскуалли.

Святой Дух

Как показал Анри Корбен, идея о цикличности Откровения играет важную роль и в исламе. Он, впрочем, подчёркивал наличие сходства между теорией трёх мировых эр монаха из Калабрии и теорией гексамерона в шиитском исламе (18). Принцип гексамерона был назван иранским философом по имени Назир-е Хосрав за век до того, как сформулировал свою теорию Иоаким Флорский. Корбен проводит параллель между шестью днями Творения и появлением шести великих религий (сабеизм, брахманизм, зороастризм, иудаизм, христианство и ислам). Каждый из этих этапов отмечен пришествием пророка, который приносит новый свет для понимания Божественного. Но эти шесть дней являют собой только "ночь религии", и только на седьмой день откроется духовный и эзотерический смысл всех откровений. В исламе эта тема развивается во многих текстах, например, в "Мудрости Пророков" Ибн Араби (XI в.), который видит в пророках типизацию ступеней иерархии человеческого существа и Мудрости, или в "Розарии тайны" Махмуда Шабестари (XIV в.), который находит в этом символизацию мистических состояний человека. Со своей стороны Семнани (XIV в.) связывает пророков с семью тонкими центрами человека.

В XII веке теософы-шииты отдают особое предпочтение Евангелию и Апокалипсису св. Иоанна; так они становятся иоаннитами. Они отождествляют пришествие двенадцатого Имама с Параклетом - Святым Духом, о котором говорил св. Иоанн. В XVII веке, времени расцвета розенкрейцерства, школа шиитов Испахана проповедует, что Сокрытый Имам (двенадцатый) - это Саошиан, то есть Спаситель, который, согласно учению зороастризма, должен прийти в конце XII тысячелетия, чтобы восстановить Творение в его первичном Свете.

Иероистория

Николай Бердяев, как и Анри Корбен, писал, что циклы откровения, о которых мы упоминали и о которых говорят христиане и мусульмане, не должны пониматься как хронологические этапы. Они относятся не к истории, а к тому, что они называют "иероисторией" - священной историей, события которой не следуют в линейном порядке. Место их свершения - мир души, мир иерофаний. Таки образом, они считают, что эти периоды являются стадиями внутреннего развития человека, а не историческими периодами. Относящиеся к ним исторические факты являются лишь проявлением событий священной истории, предназначенных для нашего научения и духовного становления. Поэтому в то время, как одни люди находятся на первом уровне откровения, другие, пережившие опыт Восьмого Климата, Мира Образного, живут уже во времени Духа, потому что они стали Друзьями Бога через свой внутренний опыт.

И именно к такому развитию ведут настоящие посвященческие Ордена. Мистические опыты их основателей легли в основу появления различных групп, которые являются, тем не менее, ветвями одного дерева, связанными со стволом одного и того же духовного рыцарства. Жан-Батист Виллермоз говорил в этой связи о "Высоком Священном Ордене", уходящем корнями в начало мира (19). Современное розенкрейцерство говорит о невидимом Ордене - Великом Белом Братстве, чьим проявлением на видимом уровне является Орден Розы и Креста. И именно в этом отношении нужно искать его истоки.

Конечно, это происхождение нельзя доказать документами, и легко понять, что эта идея отталкивает историков рационалистов. Но она меньше оттолкнёт тех, кто, как, например, Мирча Элиаде, призывает к новому взгляду на происхождение духовных движений - эзотерических и посвященческих. В этом отношении исследования Анри Корбена представляются очень ценными, и именно по этой причине мы так часто ссылались на него в данной статье. Его рассуждения позволяют думать, что жизнеописание Кристиана Розенкрейца может читаться как провидческое повествование, подобное описанию нахождения Изумрудной Скрижали. Это жизнеописание представляет собой духовный опыт, встречу с Совершенной Природой, открывающей секреты Творения. Это не биография реально существовавшего человека, а история "персонажа", связанная с Миром Образным - миром, который А.Корбен считает возможным источником родства посвященческих традиций. Так, "Fama Fraternitatis" становится в один ряд с посвященческими преданиями, которые от начала времён побуждают людей присоединяться к Братству, которое трудится в тишине над возрождением Света Мира.

Поэтому можно лучше понять Михаэля Майера, когда он представлял розенкрейцерство вышедшим из египетских и брахманических духовных учений, из Элевсинских и Самофракийских мистерий, наследовавшим магам Персии, пифагорейцам и арабам. Мы можем почувствовать, где происхождение посвященческого движения выходит за рамки собственно истории и где оно вписывается в иероисторию, которая записывается не в документах, а в мире души. Не говорил ли Ньютон в своих алхимических трудах, что истины воплощены в мифах, баснях и пророчествах?

Часть V. ИЗУМРУДНАЯ ЗЕМЛЯ

Как мы уже говорили, со строго исторической точки зрения временем появления розенкрейцерства считается XVII век. Но следует ли из этого делать вывод, что его не было ранее? Седир писал: "Розенкрейцерство получило своё имя только в Европе и только в XVII веке. Нельзя назвать имена, которые оно носило в других местах ни до того, ни после". Он добавляет: "Что же касается сущности розенкрейцерства, то она существует с тех пор, как люди живут в этом мире, потому что она есть нематериальная функция души Земли". Понимая недостаточность своих исследований, он считал, что истоки розенкрейцерства следует искать не на пергаментах, - потому что опора розенкрейцерства находится не на Земле, - а в мире невидимом (1).

Исследование происхождения посвященческих Орденов, основанное только на объективных и хронологических аспектах вопроса, может легко увести в сторону историцизма, то есть к исключительно позитивистскому и ограниченному видению их генезиса. И разве не упустило бы тогда это исследование основное: его отношение к священному? Как указывает Мирча Элиаде, "история религий - от первобытных до самых разработанных - состоит из собрания иерофаней, из проявлений священной реальности" (2). То же можно сказать и о посвященческих Орденах. Их история неразрывно связана с опытами переживания Божественного (3), вот почему мы должны теперь обратиться к этому аспекту. Как и Кристиан Розенкрейц, посетивший арабский мир, мы сделаем остановку на земле ислама.

Духовная преемственность

Рене Генон попытался определить посвящение как передачу духовного влияния, источник которого является надчеловеческим. (Он не уточняет, однако, происхождения последнего, помещая его в незапамятные времена.) Он говорит о двух путях этой передачи: один - вертикальный - опускается непосредственно из невидимого мира к человечеству, другой -

горизонтальный - это передача священного наследия от одних посвящённых другим. Большинство исследователей истории посвященческих Орденов удовлетворяются упоминанием о горизонтальной преемственности, потому что, действительно, первая остаётся для историка неуловимой. Однако, поступая таким образом, они часто сводят вопрос о преемственности посвящения на административный уровень вручения свидетельств и дипломов. Другие исследователи, как Анри Корбен, ставят на особое место передачу посвящения по вертикали и считают мистический опыт и духовную преемственность основным критерием достоверности традиции.

Мир Образный

В конце нашей предыдущей статьи мы говорили о схожести биографий некоторых основателей духовных течений с жизнеописанием Кристиана Розенкрейца. Анри Корбен рассказывает о тех же личностях, добавляя к ним другие, но делает выводы более интересные, чем Поль Арнольд. Он видит в этом факте явление "первичных образов", свидетельствующих об одном и том же духовном опыте. Он говорит о принципе общего источника преемственности, но не земного, а небесного, берущего начало в "Мире Образном". А. Корбен пытался объяснить смысл этого понятия в своих многочисленных трудах, в частности, посвящённых великому философу и мистiku исламского Ирана Шихабоддину Сахраварди (1155-1191). Гермес, Платон и Заратуштра являются основными фигурами, питающими размышления этого платоника шиитского ислама.

Сахраварди представляет Мир Образный (алам аль-мисаль) как пространство, расположенное между чисто духовными и материальными сферами (4). Определяемый в теософском аспекте как Малакут (мир души и душ), он играет роль посредника между миром форм и миром чистых идей. Он является также "Восьмым Климатом", "Землёй Изумрудных Городов" или Хуркалией. Сахраварди говорит о нём как о мире, который встречает на своём пути в мистических опытах паломник духа. Чтобы описать восхождение души к этому уровню сознания, иранская символика говорит о подъёме на гору Каф. Это космическая гора, вершина которой является самым возвышенным центром души человека. На этой вершине находится изумрудная скала, которая окрашивает небесный свод в зелёный цвет. Там пребывает Святой Дух, Ангел человечества. Для суфиев изумруд является символом космической души. Довольно удивительно встретить сходное понятие у христианских каббалистов. Так, Иоханн Писторий в своём труде "De Artis cabbalisticae" (1587) говорит о "зелёной линии" последнего неба, когда упоминает о мировой душе. Эта концепция встречается также в "Cabala denudata" (1677) Кнорра фон Розенрота (5).

Достоверное воображение

Мир Образный выполняет функцию, связанную с внутренним опытом. По понятиям Сахраварди, человек получает доступ к этому измерению с помощью особого свойства души - активного воображения. Парацельс также говорил об этой способности *imaginatio vera*, достоверного воображения, которое, как он предостерегал, не следует смешивать с фантазией, "домашней сумасшедшей". Как показал Карл Юнг, достоверное воображение является основным ключом для понимания Великого Делания. "Rosarium" (XIV в.) указывает, что алхимическое делание должно свершаться с помощью достоверного воображения, а Мартин Руланд в своём "Алхимическом словаре" (1612) пишет, что "воображение - это звезда в человеке, тело небесное или наднебесное" (6). Якоб Бёме также говорит о Мире Образном как Священном Элементе, Душе Мира, где пребывает София - представление, которое напоминает Спенту Армаити - Софию маздеизма.

Мир Образный нас интересует особенно потому, что, как показал А. Корбен, это вневременное измерение, где "происходят" события, о которых рассказывают мифы и эпопеи. Это "место", где появляются видения пророков и мистиков, где предводители человечества узнают о своей миссии. Это также "место" мистических посвящений и "духовной преемственности, достоверность которой не относится к области документов и архивов" (7), - как говорил К. Юнг. Мир Образный - это место соединения мира материального и мира духовного, он считается "землёй видений", "землёй воскресения", потому что там посвящаемый обретает своё славное тело ("Человек Света", о котором говорил Зосима, александрийский алхимик II века), которое делает возможным свадьбу души, встречу с Совершенной Природой. Сахраварди считал, что те, кому удаётся такой духовный опыт, становятся учениками Гермеса.

Посвященческие предания

Паломники духа, достигшие этого плана сознания души, часто повествовали о пережитом в символических рассказах. Эти повествования лежат в основе духовных движений, рождающихся в их русле, и имеют свои характеристики. Во-первых, как указывает А. Корбен, это не мифы в общем смысле этого слова; они повествуют о событиях, реальность, время и место которых принадлежат не истории непосвящённых, а Миру Образному, миру души. Они повествуют об иероистории, то есть истории священной. И важно понимать не их буквальный смысл, но "смысл внутренний", как говорил Сведенборг, значение которого может открыть только герменевтика. Затем, они обладают свойством трансформации, потому что являются носителями света, приходящего в сердце читателя, готового принять их глубину. Именно в этом смысле они являются посвященческими преданиями. Одним из самых известных таких текстов является текст, в котором повествуется об открытии усыпальницы Гермеса Трисмегиста.

Совершенная Природа

Некоторые исследователи отмечали, что Кристиан Розенкрейц появился в то время, когда исчез Гермес Трисмегист, наследие которого было поставлено под сомнение Казобомом (1614). Антуан Февр полагает, что с появлением "Fama Fraternitatis" мы становимся свидетелями нового основания западного эзотеризма. В этой связи интересно отметить, что рассказ об открытии могилы Кристиана Розенкрейца очень напоминает описание открытия усыпальницы Гермеса. По мнению Анри Корбена, рассказ, в котором Балинус, то есть Аполлоний Тианский повествует о своём открытии тела Гермеса, является типификацией встречи человека со своей душой, своей "Совершенной Природой" (8). Гермес держит в руке "Изумрудную Скрижаль" и книгу, содержащую тайны Творения. Эти элементы напоминают о том, что человек, познавший самого себя через самоуглубление, узнает тайны Бога и мироздания.

Представляется, что рассказ Балинуса заимствован из "Пикатрикса" (9), в котором Сократ говорит о Совершенной Природе. Последний, ссылаясь на свидетельство Гермеса, указывает, что она является духовной сущностью философа, внутренним проводником, открывающим засовы мудрости. В другой части "Пикатрикса" находится молитва, представленная как часть астральной литургии сабеистов из Харрана. В ней упоминается Гермес и уточняется, что арабы называют его Отаред, персы - Тир, на ромаикском Харус и индийцы - Будда (10). Добавим, что эта встреча человека со своей Совершенной Природой также приводится в прологе к "Герметическому Своду" - "Поймандре".

Мудрый Старец

Усыпальница является местом перехода в мир иной, и некоторые тексты отождествляют её с переходом в Мир Образный; она символизирует место превращения тела в дух, место воскресения. Для Карла Густава Юнга она представляет также спуск в глубины бессознательного. Тела двух учителей - Кристиана Розенкрейца и Гермеса Трисмегиста, открытые в их усыпальницах, - это тела двух старцев. Юнг анализирует присутствие этого символа в мифах, сказках и снах как выражение архетипа "Мудрого Старца". Он считает, что когда индивид достигает определённой стадии своего поиска, бессознательное в его внутренней жизни видоизменяется. Оно появляется с этого момента в новой символической форме, представляя Я - самый глубинный центр его души. Для женщины он представится в виде жрицы, волшебницы, для мужчины - в виде мудрого старца, посвятителя. Юнг видит в Гермесе также и архетип алхимического процесса, посвящения. Он отождествляет Гермеса-Меркурия с бессознательным и делает его элементом первостепенной важности для процесса интеграции, то есть открытия центра сущности: Себя.

Друзья Бога

В конце последнего тома своего основного труда "В иранском исламе" Анри Корбен задерживается на сходстве биографий или текстов основателей некоторых духовных движений. Он находит общие темы, например, понятие о Друзьях Бога, зелёный цвет, мысль о цикличности - это многозначительные повторения одного и того же духовного опыта (11). Часто встречаются также упоминания о путешествии на Восток, об открытии могилы, о планах создания духовного движения вне рамок официальной религии, о некоем светском или даже духовном рыцарстве.

Один из моментов, отличающих ислам шиитов от ислама суннитов, состоит в идее цикличности Божественного Откровения. Для шиитов цикл пророков начался в тот момент, когда Адам был изгнан из Рая и когда его сын Сет получил от него священный дар (Гавриил вручает ему также зелёный шерстяной плащ). Этот период завершает Мухаммед - Печать пророков. Начинается новый период, потому что Глагол продолжает двигаться в Творении: это цикл валайат, который должен привести к открытию тайны пророчества. Передающие это пророчество представляются рыцарями и называются "Друзьями Бога". Это люди, достигшие высокого уровня духовности, совершенные существа, настоящие представители Бога. Они нужны для того, чтобы замедлить нарушение равновесия Творения, потерявшего свою связь с Божественным.

Один из самых видных представителей иранского суфизма Рузбехан Бакли Шираз (1128-1209) говорил о них: "Это глаза, которыми Бог ещё смотрит на мир". Тема дружбы с Богом встречается и в Евангелиях. Иоанн приводит слова Христа: "Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его: но я называю вас друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего".

Зелёный Остров

Выражение "Друзья Бога" встречается и на Западе. Так называлась группа, которую основал Рудольф Мерсвин после встречи с таинственным путешественником - "Другом Бога Верхней Страны". Эта маленькая община, которую посещал Ян Таулер, обосновалась в Страсбурге, в месте, носящем название Зелёный Остров. Название его заставляет вспомнить тайное прибежище "Сокрытого Имама", который, как считают шииты, вернётся перед концом света; место его укрытия также называется Зелёным Островом. Рудольф Мерсвин считал, что время монастырей прошло и что нужно создавать другой тип общины, Орден нового характера, который не будет состоять из монахов. Отметим, что, когда он умер в 1382 году, в его могилу были положены восковые дощечки, на которых были записаны его труды (12).

Другие личности, такие как Таулер, Эккарт и объединившиеся вокруг Сузо, также назывались Друзьями Бога. Ученики Сузо намеревались образовать "Братство Вечной Мудрости". Иоганн Валентин Андреа использовал выражение "Друзья Бога" в своей книге "Theca gladii spiritus (Ларец славы духа)" (1616), в которую включены многие отрывки из "Confessio Fraternitatis". По мысли названных нами лиц, понятие Друзья Бога обозначает Избранных, Проводников человечества - тех, кто пережил опыт просветления.

Фраварти

В исламе понятие Друг Бога подтверждает тему Духовного Рыцарства. Братство исмаилитов да'ават, с которым Тамплиеры установили отношения, имело все признаки рыцарского Ордена. В исламе шиитов встречается даже мысль о рыцарстве, общем для трёх религий Книги. А. Корбен считает, что идея о таком "Духовном Рыцарстве" исходит из религии доисламского Ирана, зороастризма. Эта идея восходит к началу Творения, когда неким существам, называемым Фраварти, была поручена миссия восстановления гармонии мира. Это понятие, которое за неимением места мы не будем подробно представлять, связано с первичной природой человека, его Совершенной Природой, его измерением Человека Света, которого он добивается посредством мистического опыта.

Пережившие такой опыт, эти просветлённые - это те, кто встретился с Илией, посвятителем. Согласно традиции суфиев Йемена, Хизр-Илия является посвятителем увейс - учеников, получающих посвящение через духовный опыт, без посредства земного учителя (например: Увейс аль-Корани, Ибн Араби, Халладж:). Нужно сказать, что Хизр (или Хирд, или аль-Хадир, известный в Индии под именем Хаваджа Хидр) часто отождествляется с Гермесом Трисмегистом или Сетом. Традиция гласит, что он пребывает там, где соединяются небесный и земной океаны. Считается, что его плащ окрасился в зелёный цвет после того, как он искупался в источнике жизни. Этот Хизр обозначает не что иное как Совершенную Природу, Ангела знания, то есть самую светлую природу человека, его Внутреннего Учителя. Этот опыт причисляет переживающих его к когорте Духовного Рыцарства.

Духовное Рыцарство

Следы такого Духовного Рыцарства мы встречаем среди многих названных нами личностей. Примерно в то же время, когда Иоаким Флорский (XII в.) делает попытки основать монашеский Орден в духе раннего христианства, в Германии Вольфрам фон Эхенбах развивает идею о рыцарстве, общем для христианства и ислама. Его "Парциваль", на основе которого Вагнер создал своего "Парцифалья", имеет в своей основе арабский текст, который был найден в Толедо Киотом Провансальцем. Эта версия легенды о Граале имеет иранское происхождение (13). Удивительно отметить, что Грааль "Парциваля" - это драгоценный камень, на который опускается голубка Святого Духа. Традиция гласит, что это тот изумруд, из которого была вырезана чаша Грааля.

Изучение жизнеописаний различных Друзей Бога, названных нами, заставляет думать, что они все пережили сходный мистический опыт, связывающий их с общим духовным наследием. Эта мысль очень занимала Анри Корбена, и именно ею он заканчивает свой главный труд "В иранском исламе" (14). Он считает, что один и тот же вектор, берущий начало в незапамятном прошлом, в исламе шиитов дал рождение идее об общем для всей авраамовой традиции рыцарстве, и на западе под его импульсом расцвела идея об экуменическом рыцарстве, объединяющем рыцарей христианства и ислама (15). Разве не виден здесь план, общий для хранителей восточного и западного эзотеризма? Не это ли "самая ценная тайна всех западных традиций?" (16). Это Духовное Рыцарство, имея эсхатологические ориентиры, связывает в единую последовательность Пророков, Избранных, Проводников, Посвящённых, которые от начала Творения трудились ради наступления Зари, возвращающей миру Свет.

Времена мира

Многие традиции говорят о том, что Божественное Откровение, которое окончательно просветит человека относительно целей Бога, займёт во времени несколько тысяч лет. Эта мысль встречается в иудаизме, христианстве и исламе. Иудаизм гласит, что мир просуществует только шесть тысяч лет, по истечении которых придёт Илия, чтобы очистить мир к приходу Мессии. Об этом возвращении говорится также в Евангелиях (Мк IX, 12 и Мф XIV, 11). Данное пророчество звучит также в XII веке из уст Иоакима Флорского, который распределяет циклы Откровения между тремя составляющими Троицы. После эры Отца, а затем Сына, неизбежно наступает третий период Откровения - эра Святого Духа, когда и придёт Илия. В это время на смену Церкви Петра придёт Церковь Иоанна. Эти идеи о циклах и появлении новой Церкви окажут большое влияние на мистические движения, проповедующие внутреннюю религию. Среди этих движений и отдельных личностей Анри Корбен называет иоакимитов XII и XIII веков, Арнольда де Вильнёв, Кола ди Риенци, розенкрейцеров, Якоба Бёме и философов нового времени: Шеллинга, Франца фон Баадера, Николая Бердяева и т.д. (17) Подчеркнём, что эти идеи оказали также большое влияние на христианских каббалистов Ренессанса, на Парацельса, "Наометрию" Симона Студиона, Манифесты розенкрейцеров и на Мартинеса де Паскуалли.

Святой Дух

Как показал Анри Корбен, идея о цикличности Откровения играет важную роль и в исламе. Он, впрочем, подчёркивал наличие сходства между теорией трёх мировых эр монаха из Калабрии и теорией гексамерона в шиитском исламе (18). Принцип гексамерона был назван иранским философом по имени Назир-е Хосрав за век до того, как сформулировал свою теорию Иоаким Флорский. Корбен проводит параллель между шестью днями Творения и появлением шести великих религий (сабеизм, брахманизм, зороастризм, иудаизм, христианство и ислам). Каждый из этих этапов отмечен пришествием пророка, который приносит новый свет для понимания Божественного. Но эти шесть дней являют собой только "ночь религии", и только на седьмой день откроется духовный и эзотерический смысл всех откровений. В исламе эта тема развивается во многих текстах, например, в "Мудрости Пророков" Ибн Араби (XI в.), который видит в пророках типизацию ступеней иерархии человеческого существа и Мудрости, или в "Розарии тайны" Махмуда Шабестари (XIV в.), который находит в этом символизацию мистических состояний человека. Со своей стороны Семнани (XIV в.) связывает пророков с семью тонкими центрами человека.

В XII веке теософы-шииты отдают особое предпочтение Евангелию и Апокалипсису св. Иоанна; так они становятся иоаннитами. Они отождествляют пришествие двенадцатого Имама с Параклетом - Святым Духом, о котором говорил св. Иоанн. В XVII веке, времени расцвета

розенкрейцерства, школа шиитов Испахана проповедует, что Сокрытый Имам (двенадцатый) - это Саошиан, то есть Спаситель, который, согласно учению зороастризма, должен прийти в конце XII тысячелетия, чтобы восстановить Творение в его первичном Свете.

Иероистория

Николай Бердяев, как и Анри Корбен, писал, что циклы откровения, о которых мы упоминали и о которых говорят христиане и мусульмане, не должны пониматься как хронологические этапы. Они относятся не к истории, а к тому, что они называют "иероисторией" - священной историей, события которой не следуют в линейном порядке. Место их свершения - мир души, мир иерофаний. Таки образом, они считают, что эти периоды являются стадиями внутреннего развития человека, а не историческими периодами. Относящиеся к ним исторические факты являются лишь проявлением событий священной истории, предназначенных для нашего научения и духовного становления. Поэтому в то время, как одни люди находятся на первом уровне откровения, другие, пережившие опыт Восьмого Климата, Мира Образного, живут уже во времени Духа, потому что они стали Друзьями Бога через свой внутренний опыт.

И именно к такому развитию ведут настоящие посвященческие Ордена. Мистические опыты их основателей легли в основу появления различных групп, которые являются, тем не менее, ветвями одного дерева, связанными со стволом одного и того же духовного рыцарства. Жан-Батист Виллермоз говорил в этой связи о "Высоком Священном Ордене", уходящем корнями в начало мира (19). Современное розенкрейцерство говорит о невидимом Ордене - Великом Белом Братстве, чьим проявлением на видимом уровне является Орден Розы и Креста. И именно в этом отношении нужно искать его истоки.

Конечно, это происхождение нельзя доказать документами, и легко понять, что эта идея отталкивает историков рационалистов. Но она меньше оттолкнёт тех, кто, как, например, Мирча Элиаде, призывает к новому взгляду на происхождение духовных движений - эзотерических и посвященческих. В этом отношении исследования Анри Корбена представляются очень ценными, и именно по этой причине мы так часто ссылались на него в данной статье. Его рассуждения позволяют думать, что жизнеописание Кристиана Розенкрейца может читаться как провидческое повествование, подобное описанию нахождения Изумрудной Скрижали. Это жизнеописание представляет собой духовный опыт, встречу с Совершенной Природой, открывающей секреты Творения. Это не биография реально существовавшего человека, а история "персонажа", связанная с Миром Образным - миром, который А.Корбен считает возможным источником родства посвященческих традиций. Так, "Fama Fraternitatis" становится в один ряд с посвященческими преданиями, которые от начала времён побуждают людей присоединяться к Братству, которое трудится в тишине над возрождением Света Мира.

Поэтому можно лучше понять Михаэля Майера, когда он представлял розенкрейцерство вышедшим из египетских и брахманических духовных учений, из Элевсинских и Самофракийских мистерий, наследовавшим магам Персии, пифагорейцам и арабам. Мы можем почувствовать, где происхождение посвященческого движения выходит за рамки собственно истории и где оно вписывается в иероисторию, которая записывается не в документах, а в мире души. Не говорил ли Ньютон в своих алхимических трудах, что истины воплощены в мифах, баснях и пророчествах?

Часть VI. Химическая свадьба

Алхимия в XVI веке

В 1616 г. была опубликована книга "Химическая свадьба Кристиана Розенкрейца", которую считают Третьим розенкрейцерским Манифестом. Её напечатал в Страсбурге Лазарь Цетцнер, издавший также "Химический Театр" и множество трактатов по алхимии. "Химическая Свадьба" значительно отличается от двух первых Манифестов. Во-первых, хотя эта книга и была опубликована анонимно, известно, что её автором был Иоганн Валентин Андреэ. Во-вторых, она

своеобразна по форме: это алхимический роман-автобиография.

Наука той эпохи переживала весьма бурное развитие. Насколько можно судить по многочисленным публикациям того времени, научный прогресс отнюдь не пошёл во вред жизнеспособности алхимии. Алхимия вносила свою лепту в исследовательскую мысль, и по этому поводу Франк Грайнер заметил, что "современный мир возник не только на почве успехов механики, но зародился, среди прочего, и в ретортах делателей золота и добывателей квинтэссенции" (1). В XVII в. алхимия расширяет свои горизонты. Она стремится стать обобщающей наукой, включая и область практической медицины, а её духовная направленность возрастает. Она также пытается включиться в общий процесс осмысления истории Творения, трагической космогонии, повлекшей за собой не только Грехопадение человека, но и Грехопадение Природы. Таким образом, алхимик по отношению к человеку выступает в роли врача, содействуя его обновлению, духовному возрождению; но в равной же мере он выступает и как врач Природы. Как указывал Св.Павел, Тварный мир в страдании влачит своё земное существование, ожидая освобождения от человека (2). Герхард Дорн, ученик Парацельса - один из типичных представителей этой тенденции развития (3). В её же русле, столь богатом публикациями, лежит и "Химическая свадьба Кристиана Розенкрейца".

Иоганн Валентин Андреэ

Автор данного Манифеста, Иоганн Валентин Андреэ (1586-1654), был отпрыском известного семейства богословов. Его дед, Якоб Андреэ, был одним из составителей "Формулы Согласия" - выдающегося памятника в истории протестантизма. Признавая его заслуги, наместник Отто Хайнрих даровал ему право иметь собственный герб. В рисунке герба Якоб соединил крест Св.Андрея, ассоциируемый с его собственной фамилией, и четыре розы, символ его преклонения перед Лютером, в гербе которого имелась роза. Герб Лютера можно описать так: в центре композиции - чёрный крест, символ скорби, напоминающий об искупительности веры в распятого Христа. Крест расположен посреди красного сердца, символизирующего жизнь. В свою очередь сердце покоится на белой розе, олицетворяющей собой радость и мир. Композиция заключена в золотое кольцо - символ вечной жизни. Возможно, на рисунок герба повлияли сочинения Св.Бернара, глубоко почитаемого Лютером. В самом деле, в своих проповедях, посвящённых "Песни Песней", Св.Бернар, говоря о брачном союзе души с Богом, нередко обращался к образу креста в его соединении с цветком.

С самого детства Иоганн Валентин Андреэ испытывал влечение к алхимии. Его отец, пастор из Тюбингена, имел алхимическую лабораторию, а двоюродный брат, Кристоф Веллинг, также увлекался этой наукой. Как и отец, Иоганн изучал богословие. Теолог Иоганн Арндт считал его своим духовным сыном и оказал на него большое влияние. И.Арндт принадлежал к тому же течению, что и Валентин Вайгель, и пытавшемуся осуществить синтез рено-фламандской мистики, алхимического учения эпохи Ренессанса и алхимии Парацельса. Иоганн Валентин был также другом Тобиаса Хесса - богослова, посвятившего себя медицине по Парацельсу и наометрии. Сам он также отдал должное этой науке "измерения храма" когда в Тюбингене помогал своему наставнику и покровителю Маттиасу Хафенрефферу рисовать иллюстрации к трактату о Храме Иезекииля. Особенный интерес Иоганна Валентина Андреэ вызвала посредническая роль символов в духовном опыте.

Автор "Химической свадьбы" считал театр особым средством, побуждающим его современников к размышлению, и некоторые из его сочинений находились под заметным влиянием комедия дель арте. Это относилось, в частности, к "Турбо" - пьесе, где впервые на немецкой сцене появился такой персонаж, как Арлекин. В этой пьесе, вышедшей из печати в тот же год, что и "Химическая свадьба", речь идёт об алхимии. Это выдающееся сочинение послужило образцом для Гёте при написании им "Фауста". Однако, несмотря на обширные познания автора в области герметической науки, об алхимиках в пьесе говорится в достаточно ироническом тоне. По сути дела, и в богословии, и в науке автора интересовали полезные знания, а не бесплодные домыслы. Вместе со своим другом Яном Коменским он также стал одним из реформаторов педагогики XVII в. В 1614 г. он был назначен викарным епископом Вайхингена. Позднее он стал суперинтендантом в Кальве, затем проповедником и советником Консистории Штутгарта. Сменив несколько должностей, он завершил свой жизненный путь в качестве аббата Адельберга, где и умер в 1654 г (4).

Иоганн Валентин Андреэ оставил после себя богатое творческое наследие (5). Впервые он взял в

руки перо ещё в семнадцатилетнем возрасте, в 1602-1603 гг. Именно тогда появились на свет две комедии об Эсфири и Гиацинте, а также первая версия "Химической свадьбы". Носил ли уже тогда главный герой этого романа имя Кристиана Розенкрейца или же это имя возникло при его публикации 1616 года? На этот вопрос трудно ответить, ибо рукопись первоначальной версии романа утрачена. Можно констатировать, однако, что в тексте нет и следа символов розы и креста. Известно также, что Иоганн Валентин Андреэ переработал своё сочинение для издания 1616 г. Примечательно, что в тот самый год, когда была издана "Химическая свадьба", он опубликовал у того же издателя сочинение под названием "Thesa gladii spiritus" ("Ножны славы Духа"). В этой книге воспроизведены двадцать восемь отрывков из "Confessio Fraternitatis". Однако вместо Кристиана Розенкрейца там фигурирует некий Кристиан Космоксен, и автор, по-видимому, разделяет не все те идеи, что содержатся в наиболее ранних розенкрейцерских текстах. Уместно напомнить, что в год публикации "Fama Fraternitatis" Иоганн Валентин Андреэ предлагал создать некое "Христианское общество", обнаруживающее ряд черт сходства с проектом, сформулированным в Манифестах. На протяжении всей своей жизни он неустанно создавал научные общества - такие, как "Тюбингенский кружок (или Сообщество)" - либо же общественные организации - например, "Фонд красильщиков", существующий и поныне.

История

Третий розенкрейцерский Манифест значительно отличается от двух первых. Вот вкратце его содержание. Кристиан Розенкрейц, старик 81 года, рассказывает в нём свою историю. Это рассказ о семи днях, проведённых им на королевском бракосочетании. В 1459 г., по зову крылатой вестницы, он покидает свою уединённую обитель на склоне горы, чтобы присутствовать на свадьбе. Дорога приводит его на вершину некой высокой горы, затем герой проходит несколько поясов укреплений. Там его, наряду с прочими приглашёнными, подвергают испытанию взвешиванием и признают достаточно добродетельным для того, чтобы быть допущенным на свадьбу. Избранные гости получают Золотое Руно (6) и их представляют королевской семье.

Предполагавший присутствовать на свадьбе Кристиан Розенкрейц описывает в итоге обезглавливание королевской семьи. Затем гробы грузят на корабли, уплывающие к далёкому острову. Доставленные к цели гробы помещают в непонятную семиэтажную постройку - Башню Олимпа.

Далее рассказывается о странном восхождении гостей по семи этажам башни. На каждом его этапе под руководством женщины и старика они участвуют в неких алхимических манипуляциях. Осуществляется своеобразная перегонка королевских останков, в результате чего образуется жидкость, из которой вскоре рождается белое яйцо. Из яйца вылупляется птица, которую откармливают, чтобы впоследствии обезглавить и обратить в пепел. Из него гости вылепляют две крохотные фигурки. Этих гомункулов откармливают до тех пор, пока они не дорастают до размеров взрослого человека. В ходе последней манипуляции им сообщается пламя жизни. Оба гомункула есть не кто иные, как король и королева, вновь пробудившиеся к жизни. Немного спустя они принимают гостей в члены Ордена Золотого Камня, и все возвращаются во дворец. Однако, в первый день своего пребывания во дворце Кристиан Розенкрейц совершает бестактный поступок. Он проникает в мавзолей, где покоится спящая Венера. За этот проступок его приговаривают стать сторожем замка. По-видимому, приговор не был приведён в исполнение, ибо рассказ внезапно завершается возвращением Кристиана Розенкрейца в его обитель. Автор даёт понять, что отшельнику восьмидесяти одного года от роду остаётся прожить на свете всего несколько лет. Последнее утверждение вступает в противоречие с "Fama Fraternitatis", где указано, что Кристиан Розенкрейц дожил до почтенного возраста в сто шесть лет. Впрочем, другие элементы рассказа свидетельствуют, что Кристиан Розенкрейц "Химической свадьбы" заметно отличается от того, что описан в первых Манифестах.

Опера в силе барокко

Как отметил Бернар Горсикс, сочинение Иоганна Валентина Андреэ несёт на себе отпечаток культуры XVII века, культуры барокко, где центральное место занимали аллегория, выдумка и символ. По его мнению, роман Иоганна Валентина Андреэ - выдающееся явление в истории литературы. В самом деле, это сочинение - наиболее яркое свидетельство возникновения стиля барокко в XVII в. Роскошен замок, где разворачиваются события, а его сады выдают присущее этой эпохе пристрастие к паркам, оборудованным фонтанами и всяческими механизмами (7). В

сюжете они служат декорацией для многих сцен - в особенности, для одной из наиболее волнующих - сцены суда, когда гости поочередно восходят на весы, измеряющие их добродетель (8). Автор делает нас свидетелями странного шествия девственниц под покрывалами, и того, как шаловливый Купидон со своими стрелами пытается нарушить его порядок. В повествовании мы встречаемся в мифическими животными: единорогами, львами, фениксами:

Костюмы персонажей роскошны, и по ходу сюжета некоторые из них меняют свой цвет с чёрного на белый и красный, в соответствии с текущей стадией алхимической трансмутации. Повествование изобилует сценами празднеств и пиров, где прислуживают невидимые лакеи. Звучит музыкальное сопровождение в исполнении порой невидимых музыкантов. Трубы и литавры сопровождают смену декораций и появлению на сцене новых персонажей. Текст уснащён стихами, и общее развитие действия прерывается театральной пьесой. Этот алхимический трактат не лишён юмора, появляющегося порой в самые неожиданные моменты - например, в эпизоде суда (3-й день), послужившем поводом для нескольких крепких шуток. В тот момент, когда трансмутация практически завершена (6-й день), персонаж, руководящий всей процедурой, устраивает маскарад, призванный убедить гостей, что они не будут присутствовать на финальной стадии алхимического делания. По завершении фарса, автор "хохочет до упаду". В повествовании фигурируют также таинственные письма и зашифрованная загадка, которую попытается разгадать Лейбниц. Как можно убедиться, содержание этого сочинения весьма разнообразно, а стиль его резко отличается от стиля "Fama Fraternalitatis" и "Confessio Fraternalitatis".

Внутренняя алхимия

Спустя год после опубликования "Химической свадьбы" (1617) алхимик Ратихиус Бротоффер публикует сочинение "Elucidarius Major:" , где делает попытку установить соответствие между семью днями "Свадьбы" и этапами алхимического делания. Автор признаёт, однако, что текст Иоганна Валентина Андреэ весьма тёмн. Позднее другие авторы - такие, как Рихард Кинаст (1926) или Вилль-Эрих Пёйкерт (1928) - пытались проникнуть в тайный смысл этого текста . В самое недавнее время данное сочинение самым добросовестным образом изучали Бернар Горсикс, Серж Ютен и в особенности Роланд Эдигхоффер (9). "Свадьба" не обнаруживает никакого сходства с обычными алхимическими сочинениями. Это не дидактический трактат, и цель его не сводится к описанию лабораторных манипуляций. Заметим попутно, что речь там идёт не о добывании Философского Камня, но о создании пары гомункулов. Из семи дней, описанных там, лишь начиная с четвёртого на первый план выходит алхимическая символика.

Пауль Арнольд попытался показать, что "Химическая Свадьба" - всего лишь переработка песни X поэмы Эдмунда Спенсера "Королева фей" (1594), где действует рыцарь Ред-Кросс (Красный Крест). Однако, его утверждения малоубедительны. Со своей стороны, Роланд Эдигхоффер показал, что сочинение Иоганна Валентина Андреэ обнаруживает поразительное сходство с книгой Герхарда Дорна "Clavis totius philosophi? chimistic?" (10). Этот ученик Парацельса опубликовал своё сочинение в 1567 г., а затем включил его в состав тома I книги "Theatrum chemicum", изданной Лазарем Цетцнером в 1602 г. Там Герхард Дорн указывает, что процедура очищения, применяемая алхимиком в отношении материи, может быть распространена и на самого человека. В его книге выведены три персонажа, олицетворяющие три различных сущности человека: тело, душу и дух. Оказавшись на перекрёстке, они начинают спорить, какой дорогой можно дойти до трёх замков, расположенных на горе. Первый из них - хрустальный, второй - серебряный, третий - алмазный. После ряда перипетий, очистившись в Фонтане Любви, герои достигают семи этапов, обозначающих процесс внутреннего обновления человека. Примечательно, что в основных своих чертах этот сюжет совпадает с сюжетом "Свадьбы".

Духовная свадьба

В надписи на своей книге Иоганн Валентин Андреэ указывает, что "арканы обесцениваются, если с них снимается покров тайны; профанация лишает их благодати". В самом деле, таинства посвящения утрачивают своё значение, если не проходят сквозь фильтр интеллекта. Возможно ли в этих условиях пытаться анализировать интересующее нас сочинение без ущерба для его достоинств? Разумеется, мы не утверждаем, что можем раскрыть все арканы этого текста, но, по нашему мнению, стоило бы подчеркнуть три важнейшие темы инициационного романа Иоганна Валентина Андреэ: тему свадьбы, тему горы откровения и, наконец, тему семи стадий алхимического делания.

Священный брак - иерогамия - занимает важное место в античных мистериях. В христианстве - например, у св.Бернара (1090-1153) - эта тема развивается на основе комментариев к "Песни песней". В своём "Трактате о любви к Богу" автор описывает странствие души к высшим сферам, конечным этапом которого является духовная свадьба. Значительное развитие эта символика получила у рено-фламандских мистиков, в частности, у бегинок и у Яна ван Рюйсбрука, автора сочинения "Украшение духовной свадьбы" (1335). У многих авторов, в том числе у Валентина Вайгеля, тема духовной свадьбы связана с темой обновления и рождения заново. В последнем случае алхимическая символика сливается у автором с символикой христианской.

В целом королевская свадьба занимает важное место в алхимии и К.Г.Юнг показал, что подобный сюжет - весьма удобное средство описания различных фаз процесса индивидуации. Брак короля и королевы есть аллегория союза двух полярностей человеческого бытия - animus и anima - ведущего к раскрытию своего Я. О своих изысканиях К.Г.Юнг рассказал во многих книгах, наиболее показательной из которых является "Психология и алхимия" (1944). Однако, по его собственному мнению, наиболее глубоко этот вопрос был им изучен в сочинении "Mysterium conjunctionis, или Исследования о разделении и воссоединении психических противоположностей в алхимии"(1954). В нём основополагающим элементом рассуждений для Юнга стала "Химическая свадьба Кристиана Розенкрейца". Вопреки заголовку, книга Иоганна Валентина Андреэ повествует не о бракосочетании. По меньшей мере, сама брачная церемония не описывается в романе, действие которого сосредоточено вокруг воскрешения короля и королевы. Подобно св.Бернару и другим мистикам прошлого, Иоганн Валентин Андреэ в своей книге понимает под бракосочетанием возрождение человека заново.

Замок души

Местом бракосочетания является гора. Согласно традиционной символике, там, где земля встречается с небом, обитают боги, и именно там человеку даётся откровение. Как это удачно показала Мари-Мадлен Дави в книге "Гора и её символика" (11), взбираться на гору означает отправиться на поиски самого себя и предпринять восхождение к абсолюту. В приглашении, посланном Кристиану Розенкрейцу, значится, что он должен достичь вершины горы, увенчанной тремя храмами. Однако далее в романе указывается, что речь идёт о замках.

Кристиан Розенкрейц минует два портала и прибывает в замок, где идут приготовления к великой трансмутации. Но Великое Делание совершается в третьем месте - в башне, расположенной на острове. Здесь вновь возникает тема замка души, о котором говорили ещё Майстер Экхардт (1260-1328) и св. Тереза Авильская (1515-1582). Последние нередко представляли себе искания души как завоевание замка. В алхимических сочинениях оба этих мотива совмещены, и в них описывается замок на горе. Ранее мы видели, что Герхард Дорн говорил о трёх замках на высокой горе. Гора, замок, храм или башня - все эти элементы в нашей истории символизируют идею странствия и восхождения.

Однако, храм или замок, расположенный на высокой горе, может также иметь эсхатологическое значение, служа прообразом грядущего Храма, о котором идёт речь в видении Иезекииля. После разрушения Храма и всего Иерусалима, евреи оказались в вавилонском плену. Именно тогда пророка и посетил видение грядущего Храма. Он выстраивает параллель между изгнанием евреев и изгнанием человека из Рая. Разрушение Храма вызвало отдаление Бога от его Творения, когда Бог стал единственным "местом", где человек мог отправлять культ. Тем не менее, Иезекииль заявил об основании нового - третьего - Храма, которое совпадёт по времени с восстановлением Творения. Пророк описывает храм расположенным на "высокой горе". Он заявляет, что прообраз этого Храма существует в надземном мире. Видение Иезекииля оказало большое влияние на эссеистов и легло в основу всей апокалиптической литературы (12). Вспомним о значении видения Храма Иезекииля в "Наометрии" Симеона Студита, и известно, что и у Иоганна Валентина Андреэ также была возможность поработать над этим вопросом вместе с Маттиасом Хафенреффером (см.выше). Впрочем, как показал Роланд Эдигхоффер, "Свадьба" изобилует эсхатологическими мотивами. Любопытно, что в скором времени та же идея эсхатологического Храма обнаруживается и у Роберта Флудда. Для этого последнего гора, на которой воздвигнут Храм - не что иное, как гора посвящения.

Семь этапов

В "Химической свадьбе" число семь играет основополагающую роль. Действие разворачивается на протяжении семи дней, там идёт речь о семи девственницах, семи мерах веса, семи кораблях, а конечная трансмутация осуществляется в алхимической печи, воздвигнутой в семиэтажной башне. Нередко - хотя и не обязательно всегда - алхимики делят процесс получения Философского Камня на семь фаз. Герхард Дорн говорит о семи ступенях делания. Это величина отнюдь не только алхимического порядка. Как показал профессор Иоан П.Кулиано, теория, согласно которой процесс возвышения души делится на семь этапов, существует во многих традициях (13). Его изыскания показали, что по греческому преданию, встречающемуся также у Данте, Марсилио Фичино и Пико де ла Мирандола, это восхождение к экстазу проходит сквозь семь планетных сфер. Он обращает внимание также на ещё одну форму восхождения, представленную в традиции, восходящей к Вавилону, и переходящей затем в еврейскую и иудео-христианскую апокалиптическую литературу, а также в ислам. Не упоминая семи планет, эта теория также повествует о семи этапах на пути к духовному экстазу. Указанный элемент наличествует также в герметической традиции. В первом трактате "Corpus Hermeticum", Поимандрес, подойдя к вопросу о космогонии и Грехопадении человека, говорит о семи этапах восхождения души ввысь, сквозь остовы сфер.

Семь дней свадьбы

1-й день, Подготовка к отъезду: Небесное приглашение - Пленники Башни - Отъезд Кристиана Розенкрейца на свадьбу.

2-й день, Путешествие к замку: Перекрёсток четырёх дорог - Приезд в замок и прохождение трёх поясов укреплений - Ужин в замке - Сон.

3-й день, Суд: Суд над недостойными гостями - Вручение Золотого руна избранным - Исполнение приговора - Посещение замка - Церемония подвешивания гирь.

4-й день, Кровавая свадьба: Фонтан Гермеса - Вручение второго Золотого руна - Представление шести особам королевской крови - Театральное представление - Казнь королевской семьи - Погрузка гробов на семь кораблей.

5-й день, Морское путешествие: Мавзолей Венеры - Лже-погребение особ королевской крови - Морское путешествие - Прибытие на остров - Семизэтажная башня - Лаборатория.

6-й день, Семь фаз воскрешения: Бросание жребия - Церемония вокруг фонтана и котла - Подвешенный глобус - Белое яйцо - Рождение птицы - Обезглавливание и сожжение птицы - Круглая печь - Изготовление двух фигурок из пепла - Пламя жизни - Пробуждение королевской пары.

7-й день, Возвращение Кристиана Розенкрейца: Рыцари Золотого Камня - Возвращение на корабле - Наказание, наложенное на Кристиана Розенкрейца - Его возвращение домой после помилования.

Он живописует те семь зон, сквозь которые после распада материального тела должна пройти душа, чтобы очиститься от своих недостатков и заблуждений, прежде чем вознестись к Отцу (14). Примечательно, что трактат X, где дано обобщённое изложение герметического учения, также обращается к вопросу о восхождении к Богу, называя его "восхождением на Олимп". И разве не удивительно, что башня, где осуществляются семь алхимических фаз, называется как раз "Башней Олимпа"?

Принцип семиричности встречается и в христианской традиции - в частности, у св.Бернара, которого Иоганн Валентин Андреэ весьма ценил. Сон, увиденный им в течение первого дня "Свадьбы", заимствует тематику из проповеди св.Бернара в пятое воскресенье по Пятидесятнице. В этом сне Кристиан Розенкрейц вместе ещё с несколькими людьми заперт в башне. Равным же образом, орудия, вручённые гостям на свадьбе и с помощью которых последние могут перебираться с одного этажа Башни Олимпа на другой (6-й день) - верёвка, лестница и крылья - позаимствованы из символики св.Бернара. Аналогия с семью этапами внутренней жизни

встречается также у двоих авторов, восхваляемых Иоганном Валентином Андреэ. Первый из них, Стефан Преториус, пастор из Зальцведеля, говорит о "justificatio, santificatio, contemplatio, applicatio, devotio, continentia, beneficentia" ("оправдании, освящении, созерцании, прилежании, благочестии, целомудрии, благодетельности"). Второй - Филипп Николаи (1556-1608), проповедник "нового благочестия", который, говоря о мистической свадьбе, описывает семь этапов возрождения души ("Зерцало радостей вечной жизни", 1599).

Рыцарь Золотого Камня

По завершении седьмого дня "Свадьбы" Кристиана Розенкрейца посвящают в "Рыцари Золотого Камня". Этот титул дарует ему власть над невежеством, нищетой и болезнью. Каждый рыцарь принимает присягу, обещая посвятить Орден Богу и его служанке - Природе. В самом деле, как указывает Иоганн Валентин Андреэ, "Искусство служит Природе", и алхимик равным образом участвует и в восстановлении самого себя, и в восстановлении Природы. В своей книге записей он начертал следующее: "Высшее знание в том, чтобы ничего не знать". Эта фраза отсылает нас к концепции "Учёного незнания", которую проповедовал Николай Кузанский (1401-1464). Последний, следом за Проклом, Дионисием Ареопагитом и Экхартом, восстаёт против рационалистической логики. Вопреки распространённому мнению, "учёное незнание" состоит не в отказе от познания, но в признании того факта, что мир в своей бесконечности не может быть всесторонне познан. Николай Кузанский превозносит гнозис, познание-озарение, которое одно способно подняться над миром видимостей, чтобы понять совпадение противоположностей.

/Пламя жизни, вырывающееся из черепа. Титульная страница немецкого издания "Свадьбы" 1781 года/

Резюмируя сказанное, отметим, что "Химическая свадьба Кристиана Розенкрейца" - это инициационное повествование, рассказ об исканиях человека на пути к свадьбе его души. Это восхождение души вписывается в процесс, соединяющий воедино и человека, и Природу. Читая эту книгу, поражаешься смысловой насыщенности текста, свидетельствующей об эрудиции автора. В самом деле, комментарий во всем реалиям из области мифологии, литературы, богословия, и эзотерики, встречающихся там, мог бы стать предметом специального издания. В данной же статье мы лишь в общих чертах представили вам это удивительное сочинение. Нашей целью было не давать истолкование его многочисленных смыслов, но пробудить в каждом из вас желание прочесть или перечитать этот основополагающий памятник розенкрейцерской традиции, принадлежащий и истории европейской литературы в целом.

Часть VII. Роза цветущая

Появление розенкрейцерских Манифестов вызвало в Европе очень широкий отклик. Они были вскоре многократно переизданы, и вслед за ними появились многочисленные публикации, на страницах которых сталкивались хулители и сторонники Манифестов. В период с 1614 по 1620 г. можно насчитать более двухсот книг, в которых эти Манифесты критикуются или поддерживаются, а если продлить этот период до XVIII века, то их число возрастает до девятисот. Этот всплеск интереса позволяет осознать значимость появления розенкрейцерства в XVII веке. Среди обилия изданий мы остановимся только на тех, авторы которых, на наш взгляд, лучше других выражают свои позиции.

Одним из первых начал полемику немецкий врач Андреас Либавиус. Хотя он и был сторонником Парацельса, вместе с тем он отказался от магических аспектов теорий Парацельса и хотел быть научным алхимиком. В 1615 и 1616 годах он публикует несколько трудов, в которых называет розенкрейцеров еретиками и осуждает их обращение к магии, которую считает дьявольским занятием. Роберт Фладд (1575 - 1637), английский медик, отвечает ему в 1616 г. трудом, озаглавленном "Краткая апология, отмывающая и очищающая, подобно волнам Истины, Братство Розы и Креста, запятнанное подозрениями и оскорблениями"(1). Он показывает, что

розенкрейцерская магия - "магия природная", в том смысле как её определял Марсилиус Фичино (2): искусство, совершенно чистое и законное. Роберт Фладд пользуется этой работой, чтобы публично просить о его приёме в Братство розенкрейцеров.

Юлий Спербер, советник князя Христиана Анхальтского, в своей работе "О Братстве, Богом просветлённом, славном Ордене Р.К." (3) встаёт на защиту Розы и Креста (1615). Автор утверждает, что этот Орден образован не сегодня, потому что он обладает тайным знанием, хранителем которого в своё время был Адам. Он подчёркивает, что это знание передавалось от поколения к поколению халдеями, египтянами, затем было перенесено в западный мир св. Иоанном и св. Бернаром. Он называет также имена Вильгельма Постеля, Пико делла Мирандолы, Иоханна Рейхлина и Генриха Корнелия Агриппы, которые этим знанием владели. Среди прочих Мишель Потье в 1617 году в своём "Новом химическом трактате" (4) также высказывается в поддержку Ордена Розы и Креста.

Михаэль Майер

Михаэль Майер (1569 - 1622), известный немецкий алхимик и личный врач Рудольфа II, был также одним из самых пламенных защитников розенкрейцерства. В 1617 г. в своей работе "Молчание после криков" (5) он отвечает на критику тех, кто выразил желание вступить в Орден Розы и Креста и не получил никакого ответа на свою просьбу. Он говорит, что причина этого в том, что они не были сочтены достойными быть принятыми в него. Он добавляет, что он сам не достоин такой чести. С точки зрения Михаэля Майера Братство розенкрейцеров действительно существует, и оно не является мистификацией. Он видит в этом Ордене сообщество мудрецов, которые жили во все времена во всех народах. Он представляет розенкрейцеров хранителями древней Традиции, истоки которой идут от египтян и брахманов, от Элевсинских и Самофракийских мистерий, от магов Персии, пифагорейцев и арабов.

В этом отношении Фридрих Грик идёт дальше. Он публикует под псевдонимом Иренэуса Агностуса "Щит Истины:" (6), трактат, воздающий хвалу розенкрейцерам и одновременно критикующий их (1618). Он возводит происхождение Ордена к Адаму и приводит довольно пёстрый список сорока семи его Императоров, среди которых мы встречаем Сета, Филона, Аль Манора, Жака де Воражина - до Императора 1618 года Хьюго де Альверда. В том же году Иосиф Стеллат выражает свою поддержку "досточтимому обществу розенкрейцеров" своей книгой "Небесный Пегас или краткое введение в истинную мудрость, которую прежде египтяне и персы называли Магией и которая получает сегодня от почтенного Братства Р.К. законное имя Пансофии" (7). Этот "адепт тайной философии" внимательно читает Манифесты. Однако вскоре он нападает на Орден Розы и Креста в публикациях, которые вызовут обильные отклики среди защитников Братства. Под псевдонимом Ф.Г. Менапиуса он издаёт в 1618 г. "Центон о Братьях Розы и Креста по Вергилию", "Центон о Братьях Розы и Креста по Овидию" (8) и "Менапиус о розенкрейцерстве, или Рассуждения всего общества:" (9) в 1619 г. Эти книги вызывают бурную полемику: существует ли Орден Розы и Креста в действительности или это просто выдумка?

Многие авторы выступают в защиту Ордена. Флорентинус де Валенсия (Даниэль Моглин) издаёт книгу "Иисус с нами! Роза цветущая:" (10); это "Ответ на клевету Менапиуса об обществе розенкрейцеров". Михаэль Майер старается доказать существование Ордена, публикуя в 1618 г. "Золотая Фемида, или Законы и Предписания достославного Братства Р.К." (11). В этой книге он завуалированно описывает место собраний розенкрейцеров. По мнению Ф. Йейтс, это описание напоминает замок Хайдельберга - к этому месту мы ещё вернёмся (12).

Генрих Нейгауз в 1618 г. в своей работе "Благое и весьма полезное предупреждение о розенкрейцерах. Существуют ли они? Кто они?" (13) пишет, что Братьев невозможно встретить в Европе, потому что они покинули её и обосновались на Востоке. В многочисленных публикациях этой поры каждый автор, как представляется, извлекает из розенкрейцерства то, что его интересует. Иоганн Валентин Андреэ в "Turris Babel" (1619) пишет в этой связи о смятении, которое было вызвано появлением розенкрейцерских Манифестов.

Роберт Фладд

В годы появления розенкрейцерства самыми страстными защитниками Братства Розы и Креста были Михаэль Майер и особенно Роберт Фладд. Однако ни один из них не говорит о своей

принадлежности к Ордену. Обладая универсальными познаниями, Роберт Фладд очень хорошо знал "Corpus Hermeticum", работы Марсилио Фичино и таких христианских каббалистов как Иоханн Рейхлин и Франсуа Жорж де Вениз. Как медик и алхимик он интересуется работами Парацельса. Вероятно, со времени своих выступлений в пользу розенкрейцерства Роберт Фладд входит в контакт с розенкрейцерской средой в Германии, если это не случилось ещё во время пребывания Михаэля Майера в Англии между 1611 и 1613 гг. В любом случае, начиная с 1617 года, в Германии у Иоханна Теодора де Бри, который оплачивает издание, начинают печататься книги этого английского врача. Труды, выходящие у этого издателя, обосновавшегося в Оппенгейме, отличаются высоким качеством гравюр, выполненных Маттеусом Мерианом. В этом отношении книги Роберта Фладда являются настоящими шедеврами; их титульные страницы украшены великолепными гравюрами, резюмирующими их содержание.

В своих книгах Роберт Фладд стремится показать гармонию макрокосма (мира) и микрокосма (человека). Обладая обширными знаниями, он занимается гармоническими соответствиями, существующими между планетами, ангелами, частями тела человека, музыкой : Он пытается осуществить синтез всех знаний, и его "Теолого-философский трактат ." (14) свидетельствует, что он содержит, кроме прочего, фрагменты древней Мудрости, пережившей грехопадение Адама. Эта книга, кстати, посвящена Братьям Розы и Креста (1617). В 1617 г. Роберт Фладд начинает публиковать свою "Метафизическую, физическую и техническую историю одного и другого миров, то есть большого и малого ." (15). Этой настоящей энциклопедией, охватывающей все области знания, он надеется открыть Вселенскую Мудрость, которая будет руководством для всеобщего обновления, о котором говорится в розенкрейцерских Манифестах. Он стремится показать, как Творение было рождено Душой Мира, из которой исходят математические модели, определяющие гармонию Творения. Его доказательство основано на книге "De Harmonica Mundi" Франсуа Жоржа де Вениза и на переводе и комментариях к "Тимею" Платона, изданных Марсилио Фичино. Он также обращается к элементам, которые Фичино заимствовал из "Комментария ко Сну Сципиона" Макроба относительно чисел и Души Мира.

Его трактовка Души Мира вовлекает его в полемику (16) с астрономом Иоганном Кеплером и французским философом, математиком и физиком Пьером Гассенди (1592 - 1655). Аббат Марен Мерсенн (1588 - 1648), французский философ и учёный, борец с герметической философией Ренессанса, также не останется в стороне. Этот друг Рене Декарта упрекает Роберта Фладда за то, что он располагает на одном уровне Иисуса Христа, ангелов и Душу Мира. Масштаб реакции на труды английского врача свидетельствует о том, что его творчество было широко известно в Европе и было предметом самых значимых дебатов эпохи.

Иоганн Кеплер

Иоганн Кеплер (1571 - 1630), бывший студент Тюбингенского университета, часто общался с Валентином Андреэ. С 1600 по 1612 гг. он был членом "Магического Двора" Рудольфа II, где работал в качестве помощника великого астронома Тихо Браге. Находясь под большим влиянием неоплатонизма и пифагорейства Ренессанса, в своём труде "Mysterium cosmographicum" (1596) он поначалу обращался к концепции Души Мира. Однако при переиздании книги в 1606 г. он заменил её понятием "Силы". С его точки зрения движением планет управляет Сила, а не Душа Мира. Кеплер создаёт труд, соперничающий с "Метафизической историей ." Роберта Фладда. В работе "Гармония мира" (1619) он пишет, что опирается на математику, а не на герметизм, как Роберт Фладд. Впрочем, он обвиняет последнего и в том, что тот смешивает их.

Роберт Фладд немедленно отвечает работой "Veritatis proscenium" (1621), подчёркивая, что его теории наследуют теориям Франсуа Жоржа де Вениза и розенкрейцеров. За этим следует ответ Кеплера - "Апология" (1621), на которую Роберт Фладд в 1622 г. отзывается трудом "Monochordum mundi symphoniacum" (17). Вскоре работы Исаака Ньютона подтвердят теории Кеплера, однако, несмотря на то, что термин "Сила" пришёл на смену понятию "Души Мира", происхождение этой Силы остаётся неразгаданной тайной!

Фридрих V

Эволюция розенкрейцерства примет решающий оборот с восхождением на престол Фридриха Пфальцского. Чтобы лучше представить это, следует кратко напомнить историю Богемии той поры. Эта немецкая провинция была присоединена к короне Габсбургов Фердинандом I (1503 -

1564). Его сменил на троне его сын Максимилиан II (1527 - 1576). Хотя наследник был католиком, он не преследовал протестантов и казался открытым для восприятия эзотеризма. Джон Ди посвятил ему свою "Иероглифическую Монаду" (1564). После его смерти императором стал его сын Рудольф II. Этот представитель династии Габсбургов отделился от своего племянника Филиппа II, короля Испании, ревностного католика, чей религиозный фанатизм Рудольф II не одобрял. Обладая утончённым умом, Рудольф II страстно увлекался науками, искусством и герметизмом. Он содержал большой двор, при котором одновременно находились Тихо Браге, Иоганн Кеплер и Михаэль Майер. Все маги Европы встречались здесь, сюда же приезжали Джордано Бруно и Джон Ди. В правление этого монарха была написана "Fama Fraternitatis", текст которой поначалу распространялся в Германии в рукописной форме.

После смерти Рудольфа II трон перешёл к его брату Матиасу II, уже немощному старику. "Магический Двор" Рудольфа переезжает к нескольким протестантским князьям, разделяющим эту же страсть. Часть его обосновывается в Хайдельберге при дворе Фридриха V, пфальцграфа и зятя английского короля; другая часть у Христиана Анхальтского, советника Фридриха, князя, личным врачом которого был Освальд Кролл, один из известных учеников Парацельса (18). Наконец, некоторые, среди которых был и Михаэль Майер, едут ко двору Мориса в Гессе-Кассель. Последний, как представляется, играл важную роль в распространении розенкрейцерских идей. Действительно, издатель двух первых розенкрейцерских Манифестов Вильгельм Вессель не мог напечатать ничего, что не получило бы предварительного одобрения ландграфа Гессе-Касселя. В правление Матиаса II вновь разгораются конфликты между католиками и протестантами, потому что новому монарху не свойственна веротерпимость его предшественника. Именно в это время была напечатана "Fama Fraternitatis" (1614), а затем составлен и издан второй Манифест "Confessio Fraternitatis". Пессимизм этого нового текста показателен для эпохи, в которой предчувствуется неизбежность катастрофы.

Пражская дефенестрация

Постепенно Матиас II начинает смещать протестантов с ответственных государственных постов. Затем в 1618 году он закрывает один из пражских храмов. Это событие взрывает ситуацию. Народ, привыкший к свободе вероисповедания, отказывается от повиновения, и 23 мая протестанты выбрасывают из окна трёх представителей императора. Это и есть "пражская дефенестрация", инцидент, обозначивший начало Тридцатилетней войны (1618 -1648), которая опустошит Германию. Смерть Матиаса II в марте следующего 1619 года ещё более усугубит положение. Его племянник Фердинанд Штирский, король Богемии с 1617 г., займёт трон императора. Воспитанный иезуитами, он положит конец религиозной терпимости, установленной Рудольфом II, и начнёт принимать меры для запрета протестантизма.

Народ Богемии отказывается подчиняться власти Фердинанда и избирает Фридриха V главой Протестантской унии с тем, чтобы сместить первого. Фридрих V получил поддержку протестантов Франции и Англии. После смерти Генриха IV в 1610 г. многие считали его человеком, способным примирить католиков и протестантов. В изображении льва, украшавшем его герб, некоторые видели знак эры благоденствия, предсказанной в "Пророчестве Северного Льва" (19). Как пишет Франсес Йейтс, дворец Фридриха был тогда центром зарождавшегося розенкрейцерства. В 1613 г. Фридрих женился на дочери английского короля Якова I. Это было очень важным событием, скрепляющим союз протестантов Европы. Свадьба, сначала отпразднованная в Англии, была продолжена пышными церемониями в замке Хайдельберга. Вполне возможно, что описание некоторых сцен "Химической свадьбы Христиана Розенкрейца" (20) Иоганном Валетином Андреэ было вдохновлено этими церемониями. Замок Хайдельберга, будучи шедевром в культурном аспекте, был украшен садами, с многочисленными гротами, "говорящими статуями" и хитроумными машинами, созданными Соломоном Каусом (21). Этот замок считался в своё время восьмым чудом света.

Белая Гора

Фридрих V знал, что, приняв корону, ему придётся противостоять власти Габсбургов. Повинуясь судьбе, он согласился. Коронация была проведена в ноябре 1619 г. в Пражском соборе. Увы, он станет "королём на одну зиму", - вся власть Габсбургов, стремящихся вернуть свои владения, обрушится на него. Его союзники, короли Франции и Англии, из опасения конфликта с Испанией предпочтут не вмешиваться. 8 ноября недалеко от Праги произошло печальное сражение у Белой

Горы. Отряды Фридриха под руководством князя Анхальтского терпят от католиков сокрушительное поражение, и Фердинанд возвращает себе трон. Фридрих и Елизавета бегут в Голландию, в Гаагу. Вслед за этим сражением случаются не менее скорбные события. Пьер Шону назовёт этот конфликт "небывалой катастрофой", а П. Мольс увидит в нём "крупнейший демографический катаклизм за всю историю Германии". Итог этих события потрясает: Пфальц теряет семьдесят процентов своего населения, Вюртемберг - восемьдесят два процента, а Богемия - сорок четыре процента. К этому нужно добавить исход более двадцати тысяч человек. В общем в результате этой войны Центральная Европа утрачивает шестьдесят процентов своего населения (22). Неудивительно, что в таком контексте розенкрейцерский проект закончился неудачей.

После разгрома Фридриха Габсбурги выпускают сатирические гравюры, в которых его личность связывается с розенкрейцерством. Их победа, нашедшая своё продолжение в Тридентском соборе, на котором были осуждены протестантизм и герметизм, явилась победой католицизма над розенкрейцерством. На одной из таких гравюр представлен орёл Фердинанда, сидящий на вершине колонны, у основания которой лежит лев (Фридрих). На подписи к этой гравюре розенкрейцерский девиз, которым заканчивается "Fama Fraternitatis", - "Под сенью крыл Твоих, Иегова" - спародирован во фразе: "Под сенью крыл моих Богемия процветать будет". Таким образом, идеал братства, предложенный розенкрейцерами, натолкнулся на религиозную нетерпимость, а Тридцатилетняя война помешала созданию настоящего Ордена. Розенкрейцерский проект не осуществился в это время, но его идеал оставался востребованным в Европе, в частности в Англии и во Франции. Именно в это смутное время Рене Декарт (1596 - 1650) предпринимает попытки найти розенкрейцеров. Как мы увидим далее, его возвращение во Францию совпадёт во времени с появлением таинственных плакатов, извещающих о пребывании в Париже розенкрейцеров. В Англии розенкрейцерский проект найдёт неожиданное развитие в связи с личностью Фрэнсиса Бэкона (23).

Часть VIII. Философы и розенкрейцерство

(1 часть)

Начало Тридцатилетней войны, обозначенное сражением у Белой Горы (1620), положило конец расцвету розенкрейцерства в Германии. Однако розенкрейцерские тексты продолжали своё хождение по Европе, и многие философы не остались равнодушными к их голосу. Среди таких философов часто упоминается Рене Декарт. Некоторые историки эзотеризма хотели сделать его розенкрейцером в самом полном смысле этого слова. Одним из наиболее ответственных за эту точку зрения является епископ Авранша Даниэль Юэ. В 1692 году под псевдонимом "Г. из А." он опубликовал "Новые Мемуары к истории картезианства" - сатиру, претендующую на то, что она открывает некие тайны жизни Декарта. Из неё можно узнать, что Декарт привёз розенкрейцерство во Францию и что он является одним из Инспекторов Ордена. Даниэль Юэ добавляет также, что философ не умер в 1650 году, а, будучи уверенным, что проживёт пятьсот лет, скрылся у лапландцев, откуда он и руководит Орденом. Эта книга, полная несуразиц, лежит в основе части розенкрейцерской легенды Декарта. Ближе к нашему времени Шарль Адам в издании Полного собрания сочинений Декарта также называет философа розенкрейцером (1937).

Рене Декарт

Рене Декарт (1596-1650) заинтересовался розенкрейцерством ещё до начала Тридцатилетней войны. В 1617 г. он поступает на службу в армию, и военная карьера приводит его в Голландию и Германию. Во время этих путешествий он знакомится с Йоханом Фаульхабертом, блестящим математиком, который интересовался астрологией, каббалой и алхимией. В 1615 году этот

математик одним из первых опубликовал книгу, посвящённую розенкрейцерам: "Арифметическая тайна, или Открытие, каббалистическое и философское, новое, восхитительное и возвышенное, по которому числа вычисляются рационально и методически. Смиренно и искренне посвящённое Достоправным и знаменитым Братьям Розы и Креста" (1).

Рене Декарт сближается также с Исааком Беекманом, врачом, философом и математиком. Их переписка свидетельствует о том, что Декарт интересовался оккультными науками, в частности Корнелиусом Агриппой и Раймоном Луллием (апрель 1616). Вероятно, через них он знакомится с розенкрейцерскими Манифестами. Его биограф А. Байе, пишет, что Декарт тогда много слышал о необычайных знаниях, хранимых братством учёных, обосновавшемся в Германии под именем Братьев Розы и Креста. "Он почувствовал, как внутри него зародилось чувство соперничества к этим розенкрейцерам, которое затрагивало его тем более, что эта новость пришла к нему в самое трудное для него время, когда он находился перед вопросом выбора средств для нахождения Истины" (2). Заинтригованный, он решает отправиться на их поиски. В марте 1619 года он едет в Богемию, куда прибывает в августе. Он присутствует на коронации Фердинанда II во Франкфурте (3). Некоторые историки полагают, что он воспользовался поездкой, чтобы посетить замок Хайдельберга. Впрочем, в некоторых местах его "Трактата о Человеке" и "Experimenta" упоминаются механизмы, похожие на те, которые создал Соломон Каус для садов этого замка. Это место пользовалось такой славой, что всякий учёный муж считал своим долгом его посетить, что и сделал, по-видимому, наш философ. Кроме этого, как подчёркивает Франсес Йейтс, интерес, который испытывал Рене Декарт ко двору Хайдельберга в конце своей жизни, заставляет думать, что он знал о его прошлой славе и побуждает нас задаться вопросом о его реальных отношениях с этим центром розенкрейцерства (4).

Три сновидения

В этот период Рене Декарт находится в самом разгаре своих поисков знания. Он только что решил две из трёх математических задач, которые ни один учёный со времён Античности не мог решить: удвоение куба и трисекция угла. В марте 1619 года он заявляет своему другу Беекману, что занят созданием "совсем новой науки (:), универсального метода, выходящего за пределы математики" и позволяющего решать самые разные задачи. Он чувствует в себе восторженное ликование духа, он счастлив, что нашёл основу некой восхитительной науки. Он проводит день 9 ноября в раздумьях о предмете своего поиска. Ночью, которую он провёл недалеко от Ульма, ему приснятся три сна, которые сотрясут его жизнь. В первом сне он видит, как сильный ветер приносит его в таинственное собрание, где он встречает человека, вручающего ему дыню. Он просыпается и, опасаясь, как бы этот сон не был послан злым духом, молится. Едва он засыпает, как видит второй сон, а за ним третий. В этих снах он видит словарь и поэтический сборник, в котором философия соединяется со знанием. Читая этот сборник, он наталкивается на фразу: "По какой дороге пойду я в своей жизни?".

Разгадка этих трёх сновидений породила многочисленные комментарии. Как заметили многие авторы, события, пережитые им в этих снах, подходят на некоторые эпизоды, описанные в "Химической Свадьбе Христиана Розенкрейца" (5). Декарт осознаёт, что пережил очень значимый опыт и тотчас старается его проанализировать. Он находит эти сны столь важными, что описывает их в сборнике, названном им "Олимпика". Этот опыт приносит ему подтверждение того, что он находится на правильном пути и что математика является основным ключом для познания тайн Творения. С точки зрения сотрудницы К.Г.Юнга Марии-Луизы фон Франц озарение, пережитое Декартом, может рассматриваться как вторжение коллективного бессознательного, которое привело его к интуитивному пониманию архетипов, выраженных в числах (6). Декарт сам скажет, что это "самое главное событие моей жизни", и до своей смерти будет хранить при себе этот текст. Четыре года спустя, 1623 году, он возвращается в Париж. И тогда его имя окажется связанным с розенкрейцерством.

Афиши в Париже

В этот самый год на стенах Парижа появляется афиша, объявляющая о "видимом и невидимом" присутствии розенкрейцеров в этом городе. Жерар Ноде в своём "Осведомлении Франции об истинной истории Братьев Розы и Креста" (1623) приводит этот текст, гласящий: "Мы, депутаты Главной Коллегии Розы и Креста, милостью Всевышнего, к Которому обращены сердца всех Праведных, видимым и невидимым образом присутствуем в этом городе. Мы извещаем людей и

без помощи книг или записей учим умению говорить на языках тех стран, где мы решили обосноваться, дабы спасти себе подобных от смертельно опасных заблуждений". За этой афишей вскоре последовала другая, в которой говорилось: "Тот, кто хочет узнать нас из праздного любопытства, никогда нас не узнает; но тому, кто искренне стремится войти в ряды нашего Братства, мы, ведающие мысли, докажем истинность своих обещаний; и мы не раскроем места нашего пребывания в этом городе, ибо мысли, соединённые с подлинной волей читающего эти строки, позволят ему узнать нас, а нам - его" (7).

Эти афиши вызовут огромный отклик. Жерар Ноде говорит об "урагане, пронёсшимся над всей Францией, при известии о прибытии из Германии таинственного братства". Вскоре появляются памфлеты, направленные против розенкрейцеров. Считается, что Орден направил в мир тридцать шесть депутатов, шесть из которых находятся в Париже, и что общаться с ними можно только посредством мысли. Их иронически называют "Невидимками". Жерар Ноде умножает свои нападки в книгах с красноречивыми названиями как, например, "Ужасные договоры, заключённые между дьяволом и так называемыми Невидимками" (1623). Позже, впрочем, он станет более уступчив в отношении эзотеризма, публикуя "Апологию всех великих людей, ложно подозреваемых в занятиях магией" (8).

Появление афиш совпадает во времени с возвращением Декарта, и это пробуждает воображение некоторых парижан. По столице распространяется слух, что Рене Декарт вступил в братство, и даже, может быть, что происхождение таинственных афиш связано с ним. Чтобы положить конец этим слухам, философ вызывает к себе своих друзей, чтобы показать им, что он не "невидимка" и не имеет ничего общего со всей этой историей. Он рассказывает, что, действительно, он искал розенкрейцеров в Германии, но не встретил их. Говорил ли он правду или хотел защитить себя? Как бы то ни было, ситуация такова, что даже если он и встречался с розенкрейцерами, что представляется возможным, то он ничего бы об этом не рассказал.

Действительно, в ту пору Франция была отнюдь не гостеприимна к розенкрейцерам. Франсес Йейтс говорит по этому поводу о "страхе перед розенкрейцерами", который царил тогда в этой стране (9). Церковь видит в них заговор протестантов и называет Орден дьявольским сообществом. В год появления афиш друг Рене Декарта аббат Мерсенн (1588-1648), философ и учёный, жёстко выступает против розенкрейцерства. Он публикует "Questiones celeberrimae in genesim:", где отрицает герметическую философию и каббалу Ренессанса, как и их различных представителей. Особенно пристрастен он к английскому розенкрейцеру Роберту Фладду. Но на деле Марсенн испытывает страх перед тем, чего не знает, и его понимание эзотеризма карикатурно. Он воображает, что Францию наводнили невидимые колдуны, которые повсюду распространяют порочные учения.

Один из близких друзей Марсенна, философ и математик Гассенди, также атакует Роберта Фладда. В это же время Франсуа Гарасс публикует "Занятое учение остроумных людей нашего времени" (1623), в котором осуждает "секту розенкрейцеров и её секретаря Михаэля Майера". А теологический факультет Парижского университета вскоре официально запретит "Amphitheatrum Sapientiae Aeternae" Генриха Кунрата (в 1625 г.).

Полиб Космополит

Софи Жама в своём исследовании, посвящённом снам Декарта, возвращается к этому эпизоду жизни философа (10). В связи с ним она обращается к тексту, написанному Декартом в молодые годы, который никогда не был опубликован: "Математическое сокровище Полиба Космополита". Рене Декарт предлагает в нём путь решения всех математических трудностей и указывает, что эта работа посвящается "учёным всего мира и, прежде всего, FRC (Братьям Розы и Креста), очень известным в Г. (Германии)" (11). Софи Жама считает, что, как и мыслители XVII века, которые ответили на призыв Манифестов своими книгами, Рене Декарт имел, без сомнения, такой же план. Однако драматические события, которые последовали за битвой у Белой Горы, фанатизм, царивший во Франции, охваченной контрреформацией, заставили его отказаться от своего плана. Добавим, что повод для написания этого текста подобен тому, который подвиг его друга Йохана Фаульхаберта написать свою книгу "Арифметическая тайна ..." и посвятить её розенкрейцерам.

Если Рене Декарт и не встречался с розенкрейцерами, то можно задаться вопросом о том, разделял ли он розенкрейцерские идеи. Сопоставляя основные идеи розенкрейцерских

Манифестов с "Olympica" и другими текстами Декарта, Софи Жама показала в своей книге, что идеи розенкрейцерства были не второстепенным эпизодом в жизни философа, а оплодотворили его философскую мысль. Она идёт до предположения, что даже если Декарт не встречался с розенкрейцерами в Германии, то он мог встретить их в опыте, пережитом им в своих трёх сновидениях.

Голландия

Декарту не нравится царящее во Франции волнение и в 1628 году он переезжает в Нидерланды, где обосновывается недалеко от Лейдена, чтобы спокойно работать и продолжать свои исследования. Некоторые исторические факты свидетельствуют, что розенкрейцерство быстро распространилось в этой стране (12). Как мы видели в предыдущей главе, Фридрих V, нашёл в ней прибежище после битвы у Белой Горы (1620). В 1615 году "Fama Fraternitatis" была переведена на голландский язык: "Fama Fraternitatis Oft Ontderckinge van de Broederschap des loflijcken Ordens des Roosen-Cruyces (Gedruckt na de Copye van Jan Berner, Franckfort, Anno 1615)". В этот перевод включено письмо, в котором Андреас Хобервешель фон Хобернфельд просит о приёме его в Орден Розы и Креста. Этот человек, родившийся в Праге, последовал за Фридрихом V в изгнание в Гаагу. О присутствии розенкрейцеров в Голландии нам также известно из письма художника из Антверпена Пауля Рубенса, адресованного Никола-Клоду Фабри де Переск. В письме, датированном 10 августа 1623 г., он пишет, что розенкрейцеры действуют в Амстердаме уже в течение нескольких лет. Однако эта информация, равно как и сведения Орвиуса, указывающего, что Орден владеет дворцом в Гааге, недостаточно конкретна, чтобы судить о действительном развитии розенкрейцерства в Голландии (13).

Как бы то ни было, переписка за январь 1624 года между членами городского суда Гаарлема свидетельствует о существовании розенкрейцерского кружка в этом городе. Богословы Лейдена жалуются на присутствие некоего Ордена, посягающего на целостность церкви. По их мнению, он может стать причиной политических и религиозных волнений (14). В июне следующего года члены суда открывают следствие. Хоф ван Холланд просит теологов Лейдена проанализировать "Fama Fraternitatis" и "Confessio Fraternitatis". В результате этого изучения появляется рапорт, названный "Judicium Facultatis Theologicae in Academia Leydensi de secta Fraternitatis Rosae Crucis", и этот текст заставит суд начать преследовать розенкрейцеров.

Художник, занимающийся алхимией, Йоханнес Симонс Торрентиус (или Ван дер Беек) быстро объявляется главой голландских розенкрейцеров (15). Его арестовывают вместе с его другом Кристианом Коппенсом 30 августа 1627 г. В течение процесса, который длится пять лет, художника подвергают тяжёлым допросам. Несмотря на пытки, он отрицает свою принадлежность к розенкрейцерам. Тем не менее, его приговаривают к сожжению на костре, которое вскоре заменяют на двадцатилетнее заключение. К счастью для него, его заточение продлится всего несколько лет. Благодаря помощи его друзей художников и вмешательству короля Англии Карла I, его освобождают в 1630 году, и он уезжает в жить в Лондон (16). В этом же году Петрус Мормиус издаёт в Лейдене свой труд "Весьма тайные арканы всей природы, разоблачённой коллегией розария" (17), в котором говорится о создании розенкрейцерского движения, основанного французом по имени Фредерик Роз, рождённым в Дофине (к этому вопросу мы ещё вернёмся).

Искушение алхимией

Католическая церковь в это время ведёт настоящую охоту на ведьм. В 1610 году после бесконечно долгого процесса над Джордано Бруно, его сжигают на костре в Риме. Вскоре начинаются преследования Галилея. Когда Рене Декарт узнаёт о приговоре Галилею, вынесенном в 1633 году, он думает о том, чтобы сжечь свой "Мир", трактат по космологии, в котором упоминается о гелиоцентризме. Следует быть осторожным. Поэтому в своём "Рассуждении о методе", законченном в 1637 году, Декарт предпочитает осудить "плохие учения" алхимиков, астрологов и магов (18). В письме, написанном в июле 1640 года его другу Мерсенну (19), он критикует алхимию и её эзотерический язык. Он ставит под сомнение принцип трёх элементов: серы, соли и ртути. Однако его письма говорят о том, что он интересуется алхимией и знает её принципы. Его интерес к этой науке не угасает, как представляется, на протяжении нескольких лет. В этом отношении Жан-Франсуа Майар подчёркивает один редко упоминаемый факт. Он пишет, что, действительно, Рене Декарт сам занимался алхимией в лаборатории своего друга Корнелиса ван Хогеланда в 1640 году (20). Он говорит об искушении, которому не смог воспротивиться рассудок и которое не

принесло плодов. Действительно, внимание автора "Метода" в это время было поглощено другими науками, такими как математика, геометрия, метеорология, медицина или оптика.

Нужно, тем не менее, сказать, что, несмотря на свой интерес к алхимии, Декарт отдаляется от эзотеризма своего времени. Он отказывается от применения аналогий, теории соответствий и принципа символизма. По его убеждению, только ясные и чёткие идеи, когда все концепции могут быть полностью подвергнуты анализу, способны привести к "настоящему знанию". Только математические истины, прирождённо свойственные человеку, могут позволить ему понять мир. Декарт считает также, что если человек способен осознать понятия совершенства и бесконечности, то это означает, что Бог оставил в человеке свою печать.

Кроме того, Декарт отрицает конечные цели, потому что отвергает любую попытку понимания смысла Творения и человека. Он "основывает свою физику на метафизике", потому что считает, что математические истины, врождённо пребывающие в нашей душе, позволяют объяснить мир природы физикой, а человеку стать "повелителем и хозяином природы". Декарт лишает натуральный мир его оккультных свойств и определяет его как набор геометрических объёмов, сочетающихся по образцу механизмов, соответственно своим измеряемым формам, и рассчитанных благодаря непреложности математических истин. Конечно, такая механистическая концепция Творения отличается от концепции Парацельса, который видел в Природе ключ ко всему сущему и реальность, с которой человек способен вступать в диалог. Но при этом, нужно сказать, что подход Декарта позволил вывести целую эпоху из глубокого обскурантизма, чтобы привести её к бесспорно современному научному знанию, освобождённому от опасных предрассудков и причудливых суеверий.

Вместе с тем, можно заметить, что некоторые аспекты идей Декарта совпадают с розенкрейцерскими идеями. Его отрицание бесплодных умопостроений и стремление к "знаниям, весьма полезным в жизни" заставляют вспомнить основные положения "Fama Fraternitatis" и "Confessio Fraternitatis". Серж Ютен пишет: "Что касается "методического сомнения", значения, придаваемого эксперименту, необходимости борьбы с суевериями, то эти позиции прекрасно вписываются в общие перспективы розенкрейцерства" (21). Следует отметить также, что в некоторых моментах, касающихся, в частности дополнительной роли интуиции и дедукции или функции шишковидной железы, мысли Декарта весьма близки теориям современного розенкрейцерства. Если Рене Декарт и не был розенкрейцером в полном смысле этого слова, тем не менее, его можно считать розенкрейцером в той мере, в какой в определённый момент своей жизни он был заинтересован розенкрейцерством. Этот интерес должен быть принят во внимание в контексте процесса его созревания как учёного, поскольку он подвёл его к созданию своей собственной философской системы.

Любопытно, что в конце жизни Рене Декарт стремился сблизиться с принцессой Елизаветой, дочерью несчастного короля Фридриха V, покровителя розенкрейцерства. Она стала одной из его учениц. Философ посвятил ей свои труды "Principia" (1644) и "Трактат о страстях души". После Вестфальского договора, положившего конец Тридцатилетней войне, принцесса вернула свои земли в Богемии и пригласила Декарта обосноваться недалеко от неё. К несчастью, этому плану не суждено было осуществиться, так как философ скончался в феврале 1650 года, когда находился с визитом при шведском дворе, куда приехал по приглашению королевы Кристины.

Часть VIII. Философы и розенкрейцерство

(2 часть)

В Англии розенкрейцерский проект получает особое развитие. Однако, в отличие от остальной части Европы, герметизм оставался здесь на довольно скромном положении (1). Конечно, труды Джона Доджета (XVII век) несут на себе отпечаток влияния "Герметического свода", и в царствование Генриха VIII христианский каббалист Франциск Жорж де Вениз пользуется большой известностью. Именно ему король поручает отыскать в священных текстах аргументы в пользу его развода с Катериной Арагонской. Она же обращается за советом к Генриху Корнелию Агриппе. Но, несмотря на восхищение Томаса Мора (1478-1535) работами Пико делла Мирандолы, только при Елизавете I (1533-1568) герметизм Ренессанса увеличивает своё влияние. Филипп Сидней (1554-1586), дипломат, писатель и друг Джордано Бруно, сэр Вальтер Ралейт (1554-1618), сановник, писатель и фаворит Елизаветы, Томас Хэриот и Джон Ди являются в этом контексте главными действующими лицами. Последний, находясь под влиянием трудов Генриха Корнелия Агриппы, представляется, действительно, главой елизаветинского Ренессанса. Он обладает большой эзотерической библиотекой, которую любит посещать королева.

Королева фей

В царствование Елизаветы I оккультная философия вызывает споры, находящие своё отражение в литературе. Так, замечательная поэма Эдмунда Спенсера (1552-1599) Королева фей и его Четыре Гимна очевидно окрашены неоплатонизмом Ренессанса и христианской каббалой. У движения есть и свои противники, такие как Кристофер Марлоу, который в своей пьесе Трагическая история доктора Фауста (1594) подвергает герметизм осуждению. Её главный персонаж представлен учеником Агриппы, практикующим дьявольскую магию. Эта пьеса имеет огромный успех, как и другая, названная Мальтийский еврей (1592), в которой автор, критикуя иудеев, нападает на христианскую каббалу. Бен Джонсон обличает герметизм в пьесе Алхимик (1610) (2). А Вильям Шекспир занимает противоположную позицию, отвечая на Мальтийского еврея своим Венецианским купцом, пьесой, в которой просматривается влияние труда Франсуа Жоржа де Вениза О Гармонии Мира. Подобное можно сказать и о некоторых других текстах Вильяма Шекспира, например, Как вам будет угодно и Буря, на которые оказала влияние работа Агриппы Об оккультной Философии. Пьеса Буря была представлена на праздновании бракосочетания дочери Якова I, преемника королевы, и Фридриха Пфальцского. Франсес А.Йейтс, видный исследователь истории английского розенкрейцерства, видит в этом произведении настоящий розенкрейцерский Манифест.

Фрэнсис Бэкон

Обращаясь к началам розенкрейцерства, часто можно встретить имя канцлера Англии и философа Фрэнсиса Бэкона (1561 - 1626). Многие авторы занимались вопросом его связей с Розой и Крестом. Джон Хейдон, автор нескольких работ, посвящённых розенкрейцерству, первым обратился к этой теме, однако нельзя не сказать, что его теории часто излишне смелы. Его книга "Священный путеводитель, указывающий путь к чудесному миру" (1662) (3) содержит рассказ "Путешествие в страну розенкрейцеров", который является переработкой "Новой Атлантиды" Фрэнсиса Бэкона. Он вносит в него элементы "Fama Fraternalitatis" и превращает "Соломонов дом" Фрэнсиса Бэкона в "Храм Розы и Креста". Два века спустя в книге "Новый градус Розы и Креста" (1860) Жан-Мари Рагон, используя идеи Фрэнсиса Бэкона, описывает "общество Розы и Креста или Северных Браминов" (4). Целое течение в литературных исследованиях пыталось доказать, что Фрэнсис Бэкон является автором пьес Вильяма Шекспира (5). Далее всех в этом направлении ушёл, вероятно, В.Ф.К. Вигстон в своей книге "Бэкон, Шекспир и розенкрейцеры" (1888). Его идеи подхватят Генри Потт в книге "Фрэнсис Бэкон и его тайное общество" (1892) и многие другие авторы. Однако последние, делая интересные находки, часто обращаются к авантюрным умопостроениям.

Теософы

Среда Теософского Общества очень отзывчива на эти гипотезы, которые она в свою очередь развивает и популяризирует. Так, в книге "Учителя" (1912) (6) Анни Безант утверждает, что Фрэнсис Бэкон являлся одним из воплощений Христиана Розенкрейца, членом цепи посвящённых, к которым принадлежал граф Сен-Жермен, и которая начинается в княжеском доме Ракоци. Одна из её сотрудниц Мария Руссак публикует в журнале Пролив серию статей, где снова звучат эти идеи. Те же элементы встречаются в труде "Розенкрейцеры" (1913), изданном Правом человека,

объединением масонских лож, близких Теософскому Обществу, где Г.Кларк и Кэтрин Беттс утверждают, что Фрэнсис Бэкон является автором розенкрейцерских Манифестов (7). Автором, более других способствовавшим распространению теорий относительно роли Фрэнсиса Бэкона в розенкрейцерстве, является бельгийский теософ и сенатор Франц Витtemanс. Его книга "История розенкрейцеров" (1919) представляет собой собрание интересных фактов и весьма спорных утверждений. Он использует те же тезисы, к которым обращались В.Ф.К. Вигстон, Потт, Шекман, Э.Удни и теософы.

Поль Арнольд как и Франсес А.Йейтс умерили категоричность идей В.Ф.К. Вигстона и заняли более реалистичные позиции. Действительно, открытия исследователей розенкрейцерства, сделанные в течение последних десятилетий, позволили лучше понять его генезис, и идея о том, что Фрэнсис Бэкон является автором "Fama Fraternitatis" и "Confessio Fraternitatis" вышла из употребления. Это, однако, не мешает отнести английского философа к розенкрейцерскому движению XVII века. Некоторым образом он был одним из тех, кому лучше других удалось представить обществу розенкрейцерский идеал. И, несомненно, именно поэтому многие видят в нём одну из самых значительных личностей розенкрейцерства XVII века.

В "Розенкрейцерском Просвещении" Франсес Йейтс, впрочем, показывает, что даже если Фрэнсис Бэкон в некоторых моментах и отходит от герметизма XVII века, в частности в своём отношении к учению Парацельса и в отрицании концепции человека как микрокосма, тем не менее, он остаётся под сильным влиянием розенкрейцерства (8). Настоящий продолжатель движения, он даёт ему новое выражение через проект реформы наук, которая приведёт вскоре к основанию Королевского Общества, то есть британской Академии наук.

Novum Organum

Проект Фрэнсиса Бэкона имел в своём основании, несомненно, идеи его отца, Николаса Бэкона. Генрих VIII после своего разрыва с Римом поручил последнему разработать университетскую реформу. Фрэнсис Бэкон после попыток повлиять на королеву Елизавету пытается увлечь своей реформой наук Якова I. В начале своей книги "О достоинстве и преумножении наук" (1605) Бэкон обращается к королю со следующими словами: "Подобно Гермесу Триждывеличайшему Вас отличает тройная слава: власть короля, просветление священника и наука философа". Проект, предлагаемый им, является проектом возрождения наук. Бэкон хочет, чтобы они не были предметом бесполезных спекуляций, но стали орудием, способным принести человечеству прогресс, лежащий в основе его процветания и счастья. В своей книге он предлагает создать братство, объединяющее учёных всех стран, сообщество, в котором каждый сможет обмениваться идеями к самой большой всеобщей пользе. Эта мысль напоминает то, о чём гласит "Fama Fraternitatis" (9).

Пчела

Фрэнсис Бэкон хочет придать наукам официальный характер через утверждение программ коллективных исследований и мечтает о создании лабораторий, работающих на рациональных и методических основах. В целом, можно сказать, что проект Фрэнсиса Бэкона предвосхищает рождение будущих академий наук. Он хочет заменить старую априорную и дедуктивную логику новой логикой, экспериментальной и индуктивной. Чтобы сделать наглядным образ настоящего исследователя, он использует образы муравья, паука и пчелы. Первый собирает (эмпирическая философия), второй оплетает паутиной (рациональная философия), а третья, полетав по всем направлениям, вырабатывает мёд (равновесие между двумя философиями). "Роза даёт мёд пчёлам", - скажет также Роберт Фладд, используя подобную символику (10). Английский алхимик Томас Воган напоминает, что, согласно Вергилию, у пчёл есть частица божественного разума эманаций Эмпирея (*Antroposophia Theomagica*, 1650). Фундаментальный труд Бэкона "Новый научный метод" (1620) (11) нацелен на то, чтобы покончить со старой логикой Аристотеля. Следует подчеркнуть, что, несомненно, из осторожности и, учитывая своё положение, в своих трудах он уделяет мало места эзотеризму.

Однако Фрэнсису Бэкону не удастся реализовать свой реформаторский проект. Несмотря на то, что, благодаря его покровителю и фавориту королевы графу Эссексу в 1601 году Бэкон в первый раз впал в немилость, тем не менее, он завоёвывает доверие Якова I. Став в 1617 году лордом-хранителем Большой Печати, он занимает на следующий год одну из высших должностей в

королевстве, пост лорда-канцлера и становится бароном Веруламом. Его карьера прерывается в 1621 году, когда после своего назначения виконтом Сент-Альбан он падает жертвой новой интриги, которая окончательно отдаляет его от власти. В этот период он пишет "Новую Атлантиду" (12). Ему не удалось воплотить свои идеи на государственном уровне, и он возвращается к теме, которая в форме фантазии и утопии занимала его всю жизнь (13).

Новая Атлантида

В этой книге повествуется о неких путешественниках, которые отправляются из Перу в Китай и Японию. По воле неблагоприятных ветров их судно терпит бедствие. С окончанием запасов пищи они предчувствуют свой конец, но замечают неизвестный остров. Когда они уже готовятся высадиться на него, они получают от посланцев с острова пергамент, в котором предупреждаются об условиях, при которых им будет оказано гостеприимство. Если они хотят высадиться на этой земле, они должны согласиться на размещение в "Доме иноземцев". Документ скреплён печатью, представляющей крылья херувимов и крест - эмблема, заставляющая вспомнить завершающую формулу *Fama Fraternitatis*: "Под сенью крыл Твоих, Иегова". В этой стране, называемой Бенсалем, живёт загадочный народ, которому удалось соединить мудрость с наукой. Наука является одновременно целью и принципом социальной организации её жителей. Как представляется, им удалось осуществить "Великое Установление" Знания. Они обрели вновь состояние Адама до его падения - цель, поставленная Бэконом и розенкрейцерскими Манифестами. Путешественники размещаются в "Доме иноземцев". Вскоре посланник им объясняет, что эта страна находится под управлением "Соломонова дома", или "Коллегии шестидневного труда". Эта аллюзия может говорить о благословенном времени, когда розенкрейцеры зажгут "шестой канделябр", который, согласно *Confessio Fraternitatis*, предшествует концу времён. "Соломонов дом (:)" имеет своей целью познать Причины и тайное движение вещей и раздвинуть границы Империи Человека, дабы осуществить все возможные вещи" (14). Это сообщество священников-учёных располагает просторными лабораториями, в которых проводятся исследования в области науки, земледелия, скотоводства, медицины, искусств : Результаты этих исследований приносят пользу всем обитателям этого научного рая, в котором царят мир и благополучие.

Основу Новой Атлантиды составляет описание различных научных сокровищ и организации общества, живущего на острове Бенсалем. Этот довольно короткий текст остался незавершённым. Он будет опубликован только в 1627 году духовником Бэкона Вильямом Роули, год спустя после смерти автора. Хотя сочетание Роза и Крест в этой работе, как и в других текстах Фрэнсиса Бэкона, не упоминается, розенкрейцерское влияние в них многократно просматривается. Это сходство не ускользнуло от внимания Джона Хейдона, который попытался подчеркнуть эти связи в своих многочисленных работах. Фрэнсис Бэкон не мог не быть знакомым с *Fama Fraternitatis*, которая в то время уже имела хождение в рукописной форме. Напомним, что он был причастен к празднествам, которыми в 1613 году отмечалось бракосочетание дочери Якова I с Фридрихом Пфальцским, покровителем розенкрейцеров. Фрэнсис Бэкон был автором постановки *Masque of the Middle Temple and Lincoln' Inn*, которая была сыграна на следующий день после бракосочетания.

Королевское Общество

Несколько лет спустя после смерти Фрэнсиса Бэкона его проект реформы наук найдёт некоторое выражение в образовании Королевского Общества (1660). В 1645 году в разгар гражданской войны состоятся собрания, которые заложат основы Королевского Общества. Среди людей, образовавших это первое ядро, есть несколько беженцев, покинувших Пфальц после трагедии Белой Горы (15), таких как Теодор Хаак или как Джон Вилкинс, капеллан курфюрста Пфальца. Последний был прекрасно осведомлён об идеях, изложенных в розенкрейцерских Манифестах. Он процитировал "*Fama Fraternitatis*" и "*Confessio Fraternitatis*" в своей *Mathematicall Magick* (1648), книге, вдохновлённой трудами Роберта Фладда и Джона Ди. Совершенно удивительно, что Роберт Бойль, другой член этой группы, описывая эти собрания в своих письмах, применяет выражение "Невидимая Коллегия" - термин, который часто употреблялся в то время для названия розенкрейцеров! Интересно отметить, что Роберт Морэй, один из членов-основателей Королевского Общества, страстно увлечённый алхимией, покровительствует Томасу Вогану (1622 - 1666), потому что последний издаёт под псевдонимом Евгения Филалета английский перевод *Fama* и *Confessio*: *The Fame and Confessio*.

Эти мыслители хотят покончить с философским и религиозным наследием их предшественников. В 1660 году собрания этой группы приведут к основанию Королевского Общества. Как показала Франсес А. Йейтс, даже если в нём речь уже не идёт о всемирной реформе, благотворительности и образовании, а, в основном, о науке, это общество воспринимает часть розенкрейцерских идеалов, которыми вдохновлялся и сам Фрэнсис Бэкон. Томас Спрат в своей Истории Королевского Общества (1667) косвенно говорит об этом. На фронтисписе его книги изображён бюст короля Англии Карла II, рядом с которым находятся Вильям Брункер, первый президент общества и Фрэнсис Бэкон. Крыло, простёртое над философом, как бы напоминает розенкрейцерскую формулу: "Под сенью крыл Твоих, Иегова". (Художник, исполнивший эту гравюру, Джон Эвелин, был родом из Богемии.)

Коменский

Среди основателей Королевского Общества мы встречаем нескольких человек, которые в своё время были тесно связаны с розенкрейцерским движением в Богемии. Одним из наиболее близких этому движению является Ян Амос Коменский (1592-1670), известный также как Комений - чешский философ, педагог и писатель. В возрасте 21 года он покинул свою родную Моравию и продолжил образование в Хайдельберге. Он присутствует на коронации Фридриха V и Елизаветы. На протяжении всей своей жизни он будет поддерживать королевскую чету из Хайдельберга, и даже после трагедии Белой Горы (1620) он сохранит надежду на возвращение Фридриха V на трон. Во время этих драматических событий его дом был сожжён, он был вынужден бежать, и вскоре он теряет свою жену и детей. Будучи другом Иоханна Валентина Андреса, он с воодушевлением принимает проект реформы, изложенный в розенкрейцерских Манифестах. В своём труде "Лабиринт Мира и Рай Сердца" (1623), который является классикой чешской литературы (а согласно некоторым исследователям, и основополагающим текстом этой литературы), автор говорит о надеждах, которые он возлагал на розенкрейцерство. Эта книга является плодом идеалистических умонастроений человека, ожидания которого были разрушены с началом Тридцатилетней войны. В XII главе, озаглавленной "Паломник свидетельствует о розенкрейцерах", Коменский сокрыто говорит о трагедии, последовавшей за окончанием царствования Фридриха V в 1621 году - трагедии, которая повлекла за собой крушение проекта реформы, провозглашённой розенкрейцерством. Так, становится понятным, что в отличие от своего друга Иоханна Валентина Андреса (Христианополис) и Томазо Кампанеллы (Город Солнца), Коменский описывает город, в котором всё идёт плохо: науки, занятия людей; и, в конечном счёте, согласно автору, есть только одно место, где человек может найти мир и знание - это "рай своего сердца". И автор мечтает о том времени, когда все мечи и копыя будут перекованы на серпы и орала.

Пансофия

Это горькое время подводит Коменского к мысли о значении воспитания и образования. Весьма вероятно, что идеи вселенской реформы, изложенные в розенкрейцерских Манифестах, способствуют появлению планируемой им системы Пансофии или Всеобщего Знания, основанного на связи: макрокосм - микрокосм. Он пишет одно из самых важных своих произведений "Великая Дидактика или универсальное искусство обучения всех всему" (1627-1632) (16). Этот текст содержит часть философскую и мистическую, а также часть, в которой он говорит о приёмах и методах педагогики. Коменский не ограничивается рассуждениями о педагогике, его интересует и её конечная цель. Он включает свою теорию во всеобщую историю и видит в образовании выход, предлагаемый человечеству ради обретения той чистоты, которую оно утратило с Грехопадением Адама. Образование представляется лучшим средством приготовления себя к вечной жизни. Он хочет, чтобы каждый человек, независимо от своего происхождения, имел доступ к образованию. В конце труда помещён текст Иоханна Валентина Андреса "Увещание", призывающий каждого следовать методам, предложенным Коменским.

После нескольких лет вынужденного изгнания Коменский получает от своего друга Самюэля Хартлиба, бывшего студента Хайдельберга, приглашение приехать в Англию, чтобы участвовать в его проекте реформы образования и в организации филантропических обществ. Будучи почитателями Фрэнсиса Бэкона, они оба чувствуют себя ответственными за миссию по созданию "Новой Атлантиды". В Англии Коменский пишет "Путь Света" (1641) (17), в котором темы Манифестов звучат столь явно, что некоторые историки называют эту книгу "Fama Comenius". В

предисловии к изданию 1660 года в Амстердаме он говорит о членах Королевского Общества как об Illuminati (Просветлённых)!

Коллегия Света

Начиная с 1645 года, Коменский работает над трудом, ставшим венцом его творчества: "Всеобщие советы по реформе дел человеческих". Главная идея этого труда - необходимость реформы, содействующей установлению эры процветания и мира - подхватывает основную идею розенкрейцерских Манифестов. Работа состоит из семи частей - число, о символике которого здесь нет необходимости говорить. Каждая часть имеет название, префикс которого пан подчёркивает идею всеобщности: Панегерсия, Панаугия, Пансофия, Панпедия, Панглоттия, Панортозия, Паннытезия - науки, должны привести человечество к размышлению о его месте в Творении, к созерцанию Вселенского Света и к достижению Вселенской Мудрости, к принятию Всеобщего языка и образованию всех людей ... Он предлагает также новое мироустройство, в котором каждая страна будет управляться тремя структурами: Коллегией Света, Консistorией Здоровья и Международным Судом Мира - организациями, предвосхищающими такие крупные международные структуры как ООН или ЮНЕСКО, которые появятся только несколько столетий спустя. Ян Коменский умер, не закончив этого труда, большую часть которого он всё-таки успел записать (18).

Можно сказать, что через личность Коменского розенкрейцерство способствовало установлению нового взгляда на образование. Жюль Мишле называет его "Галилеем образования". Педагог Жан Пиаже, восхищавшийся им, считает его предтечей в области педагогики, психологии, дидактики и отношений между школой и обществом. Но в целом, Коменскому воздают должное и почитают его за его гуманизм. В декабре 1956 года ЮНЕСКО торжественно почтило его заслуги, и на генеральной конференции, организованной по этому случаю, Коменский был представлен одним из первых распространителей идей, которыми вдохновлялась эта организация при её основании (19).

Часть XI. Розенкрейцерство и франкмасонство

Как следствие Тридцатилетней войны, голос розенкрейцерства звучит тише. Его последователи в Германии скрываются внутри алхимического движения, которое получает в ту пору значительное развитие. В Англии розенкрейцеры растворяются в зарождающемся франкмасонстве. Они выходят на свет в середине XVIII века, заявляя о своём происхождении, более раннем в сравнении с масонством и христианством, и о преемственности, восходящей к египтянам.

Розенкрейцерство и франкмасоны

Франкмасонство появляется в Англии в XVIII веке на почве, возделанной розенкрейцерством. Некоторые авторы как, например, Дж.Г.Бахль в 1804 г. или Томас Квинси в 1824 г. называют франкмасонство эманацией розенкрейцерства. Ещё в 1638 г. о связях, существующих между двумя движениями, упоминается в "Музах", поэме Адамсона, изданной в Эдинбурге. В её тексте говорится: "Мы - Братья Розы и Креста; нам принадлежит слово Масон и мы обладаем двойным зрением". Несколько лет спустя, 10 октября 1676 года "Poor Robin's Intelligence" публикует заметку, в которой говорится, что "Древнее Братство Розы и Креста, адепты Герметизма и Компании Принятых Каменщиков устраивают совместный ужин". Об этой связи говорится также в "Daily

Journal" от 5 сентября 1730 г.: "За границей существует Общество, у которого английские франкмасоны (:) скопировали некоторые церемонии и стараются убедить мир в том, что они из него вышли и ему идентичны. Их называют розенкрейцерами".

Брат И.О.

С удивлением можно узнать, что два самых первых упоминания о масонских ритуалах касаются людей, находившихся в прямой или косвенной связи с розенкрейцерами. Первое относится к сэру Роберту Морэю. В нём сообщается, что 29 мая 1641 г. он был посвящён в масоны в ложе Часовня Марии в Эдинбурге. Интересно отметить, что Роберт Морэй, один из членов-основателей Королевского Общества, страстно увлечённый алхимией, являлся покровителем Томаса Вогана (1622-1666). А последний под псевдонимом Евгения Филалета являлся автором *Fama and Confessio* (1652), английского перевода *Fama Fraternitatis* и *Confessio Fraternitatis*.

Второе упоминание касается Элиаса Эшмола (1617-1692), который был принят в масонскую ложу 16 октября 1646 г. в Уоррингтоне. Шесть лет спустя он издаёт *Theatrum Chemicum Britannicum* (1652), в котором собрано большое количество алхимических трактатов. В первых строках этой книги Элиас Эшмол ссылается на *Fama Fraternitatis*. Он напоминает, что в первом Манифесте розенкрейцеров говорится о прибытии в Англию одного из четырёх соратников Христиана Розенкрейца, "Брата И.О.". Другие детали также показывают, что Элиас Эшмол испытывает особый интерес к розенкрейцерам. Действительно, в его архивах находится рукописная копия розенкрейцеровских Манифестов, а также текст письма с просьбой о принятии его в розенкрейцеры. Немного позже Никола де Бонвиль заявит, что франкмасонство заимствовало все аллегории, символы и пароли у розенкрейцеров (Масонство шведского обряда в сравнении с тремя профессиями и Тайной Тамплиеров XIV века, 1788). Конечно, было бы преувеличением говорить на этом основании, что франкмасонство происходит из розенкрейцера. Однако нужно констатировать, что первые франкмасоны вписываются в английское розенкрейцера XVIII века.

Конституция Андерсона

Франкмасонская деятельность началась в XVIII веке, и принято считать, что акт об основании этого общества относится к 1717 году. Именно в это время была основана Великая Ложа Лондона. Но более конкретно основание франкмасонства знаменуется публикацией Конституции Андерсона (1723) герцогом Вартоном, который на тот момент был Великим Магистром этой ложи. Авторами этого текста, представленного как результат переработки и правки масонских "старых архивов", были Джеймс Андерсон, Жан-Теофил Дезаглье и Джордж Пэйн. Архивы, о которых идёт речь (*Old Charges* или Старые обязанности) принадлежали старинным братствам каменотёсов - гильдиям, чьи самые древние тексты относятся к XIV веку (напр.: *Regius*, 1390 *Cooke*, 1410). Но здесь скорее можно говорить не о прямом наследовании старым гильдиям профессиональных (оперативных) каменщиков, а об умозрительном (спекулятивном) франкмасонстве, представляющем сообщество свободомыслящих людей. Оно возводит свою традицию к Адаму и претендует на наследование Свободных Искусств - знаний, записанных когда-то на двух колоннах, уцелевших после Потопа.

В конституции Андерсона, помимо легенды об истории франкмасонства, приводится устав Ордена, а также тексты песнопений, предназначенных для исполнения на собраниях в ложах. В целом можно сказать, что проект Конституции имеет скорее общественный, чем духовный характер. В эпоху разделений, порождённых Реформацией и Контрреформацией, она удовлетворяется тем, что призывает своих членов исповедовать "религию, с которой согласятся все люди, и которая состоит в том, чтобы быть добрыми, справедливыми, достойными и честными людьми, какими бы ни были названия или убеждения, которыми они отличаются друг от друга" (1).

Хирам и Розенкрейц

В XVIII веке франкмасонство не имеет той организации, которая известна за ним сегодня. Оно приобретает свою базовую структуру, состоящую из трёх степеней - Ученика, Подмастерья и Мастера (Голубое масонство, или *Craft Degrees* у англосаксов) - только несколько лет спустя. Вначале было только две степени: Ученика и Подмастерья. Третья степень - Мастера - появляется около 1730 г. Официальное упоминание об этой степени встречается только во втором издании Конституции Андерсона 1738 г., а характерный для франкмасонства символизм мифа о Хираме

был действительно принят в Англии в 1760 году (2). В некоторых аспектах, например, в символике, связанной с открытием усыпальницы Учителя, Хирам принимает черты Христиана Розенкрейца. Следует ли видеть в Хираме, как об этом пишет Антуан Февр, сына Христиана Розенкрейца? "Также будучи мифическим основателем, первый, вероятно, является Христианом, сведённым к относительной абстракции в галерее великих иерархических фигур Традиции" (3).

В своём начале франкмасонство не представляется действительно посвященческим обществом. Его церемонии называются, впрочем, "ритуалами принятия". Термин "посвящение" появляется в его текстах только около 1728-1730 гг, и он станет официальным только во Франции после 1826 года (4). Даже если ритуалы масонства придают таинственный вид его собраниям, ложи являются в целом местами, где занимаются филантропией и культивируют искусства. Только с течением времени масонство разовьёт посвященческую и эзотерическую составляющие (5).

Египетские тайны

В отличие от эпохи Ренессанса, в XVII веке тема Египта практически исчезает из обихода. Но, несмотря на это, остаётся несколько исключений, как, например, ученик Парацельса Герхард Дорн. Критически рассматривая эзотеризм своего времени, он указывал, что Первичное откровение, доверенное Адаму и доведённое до совершенства египтянами, было искажено теми, кто передал его нам, то есть греками. Иезуит Афанасий Кирхер (1610-1680), учёный, страстно увлекавшийся археологией, лингвистикой, алхимией и магнетизмом, являет собой другое исключение. На протяжении многих лет он старался открыть секрет египетских иероглифов. В своей книге Эдип Египетский (1652) он пишет, что эти таинственные знаки скрывают то, что осталось от знания, которое Бог открыл людям до Потопа. Он считает Египет колыбелью всех знаний. До того, как Шампольон откроет смысл иероглифов (1822), работы Кирхера о Египте будут считаться основополагающими. Одна работа свидетельствует о возрождении интереса к египетскому эзотеризму: Сет, история или жизнь, запечатлённая на памятниках и в описаниях древнего Египта (1731) аббата Террассона (1670-1751). В этом романе автор повествует о египетской древности, религии, организации, интересе к наукам, к числу которых следует отнести искусство трансмутации, секреты которого были ведомы Гермесу Трисмегисту. Книга делает нас свидетелями посвящения египетского принца в тайных храмах Мемфиса (7). Как указывает Буше де Ларишардьер, "он достигает такой степени достоверности в представлении мистерий Исиды, которые считались до сих пор непостижимыми, что можно подумать, что они были ему открыты одним из посвящённых или египетских жрецов". Эта книга вернёт моду на Египет, как об этом свидетельствует опера-балет Жана-Филиппа Рамо (8) Рождение Осириса (1751). Вскоре Вольфганг Амадей Моцарт создаст Волшебную флейту (1789) - оперу, в которой переплетаются масонское посвящение и египетская традиция.

Религия ноахитов

Книга аббата Террассона возбуждает воображение многих франкмасонов и способствует созданию новых степеней, которые вскоре появятся. И действительно, несколько лет спустя иерархия масонских степеней становится богаче. 26 сентября 1736 года шевалье Андре-Мишель Рамсей (1686-1747), ученик Фенелона и мадам Гийон произносит в парижской ложе Серебряный Луи речь, вследствие которой появляются "высокие степени" (Шотландский обряд или Side Degrees), то есть степени более высокие, чем степень Мастера (9). В своей речи Рамсей представляет масонство как возрождение "религии Ноя", религии первичной, всеобщей и недогматической. Он добавляет, что этот Священный Орден появился в Великобритании вследствие крестовых походов и распространился затем по всей Европе. Вскоре легенды относительно тамплиеров, рыцарства и Ветхого Завета привлекут внимание основателей высоких степеней (10). В эти преобразования будут также включены Египет и такие оккультные науки как алхимия, астрология, каббала и магия. Между 1740 и 1773 годом высокие степени будут множиться с некоторой архаичностью. И именно среди них Роза и Крест появятся как форма высокой степени. Она быстро получит престижную ауру и будет считаться завершающей ступенью *pes plus ultra* (непревзойдённой - лат.) франкмасонства (11).

Однако некоторые системы высоких степеней составят независимые Ордена. Так, во Франции появился Орден Рыцарей каменщиков Избранных Коэнов Мартинеса де Паскалли (1710?-1774), или в то же время в Германии Строгое соблюдение Тамплиеров барона Карла фон Гунда (1722-1776). И в это время розенкрейцерство вновь обретает свободу и образует автономный Орден.

Золотое Розенкрейцерство и Красная Роза

Новое появление розенкрейцерства происходило под сенью алхимии. С 1700 по 1750 год герметическое искусство получает широкое распространение. Многочисленные алхимические кружки образуются в Саксонии, Силезии, Пруссии, в Австрии и Баварии. Известно, что в Вене в то время насчитывалось несколько тысяч алхимиков (12). Многие из них называли себя розенкрейцерами, как, например, члены Алхимического Общества в Нюрнберге. Согласно свидетельствам некоторых авторов, Г.В.Лейбниц (1646-1716) был секретарём этого Общества.

В 1710 году, за семь лет до появления Конституции Андерсона, Sincerus Renatus (СамюзельРихтер), лютеранский пастор, склонный к пиетизму, которые заявлял о себе как об ученике Парацельса и Якоба Бёме, издаёт Настоящее и совершенное приготовление Философского Камня Братства Ордена Золотого Креста и Розы и Креста, называемого также Золотыми Розой и Крестом. Это алхимический трактат, включающий лабораторные практики и дополнение, в котором приводятся пятьдесят два правила Ордена Золотых Розы и Креста. В этом уставе указывается, что Орден не должен насчитывать более шестидесяти трёх Братьев и что он должен находиться под руководством пожизненно избранного Императора. В предисловии Sincerus Renatus подчёркивает, что этот текст составлен не им самим, а "Профессором Искусства", имя которого он не может назвать. Он сообщает, что у Ордена имеется два центра - один в Нюрнберге, другой в Анконе, а также что его члены несколько лет назад покинули Европу и уехали в Индию, где они могли жить более спокойно.

Этот трактат был вдохновлён книгой Юлиуса Спербера Эхо Братства досточтимого Ордена Р.К. (1615) и Золотым руном (1618) Михаэля Майера. В нём повторяются некоторые положения устава Ордена Неразлучных -алхимического Ордена, основанного в 1577 году. На самом деле Ордена, который описал Sincerus Renatus, как представляется, не существовало. Отметим к этому, что он использует название Золотые Роза и Крест, которое Петрус Мормий уже использовал в 1630 году в книге Тайные арканы всей природы, открытые розенкрейцерской коллегией. Последний является автором легенды о Фредерике Розе, который якобы жил в Дофине и в 1622 году основал тайное общество, состоявшее из трёх человек Золотые Роза и Крест. В любом случае сочетание "Золотые Роза и Крест" не исчезнет, и некоторые из положений его устава встречаются в правилах масоно-розенкрейцерской степени Князя Рыцаря Розы и Креста.

Золотое руно

В последующие годы появится ещё один розенкрейцерский Орден. В 1749 году Герман Фиктульд издаёт книгу *Aureum Vellus*, в которой говорит об Обществе Золотых Розы и Креста как наследнике Ордена Золотого Руна, основанного Филиппом Лебоном в 1492 году. Около 1757 года он создаёт масонский ритуал с алхимическим и пиетистским уклоном, состоящий из ряда розенкрейцерских степеней: *Societas Roseae et Aureae Crucis* или Братство Золотых Розы и Креста. Это общество множится в таких городах как Франкфурт-на-Майне, Марбург, Кассель, Вена и Прага. Оно, как кажется, угасает к 1764 году, но в действительности оно преобразуется, благодаря усилиям Шлейсса фона Ловенфельда и Иосифа Вильгельма Шрёдера. В конце концов в нём создаётся новый масоно-розенкрейцерский ритуал, который появляется между 1770 и 1777 годами в Баварии, Австрии, Богемии и Венгрии. Вначале этот ритуал принят масонской ложей Полумесяц и три ключа в Ратисбонне. В 1771 его принимает также венская ложа Надежда, из которой впоследствии образуется ложа Три меча. В этой ложе появится масоно-розенкрейцерский ритуал, отмеченный печатью алхимии и теургии.

Золотые Роза и Крест старой системы

Начиная с 1776 года, члены ложи Три меча Иоханн Рудольф фон Бишоффсвердер (17145-1803), прусский офицер, затем военный министр после смерти Фридриха Великого, и пастор Жан Кристоф Воллнер (1732-1800) основывают новый масоно-розенкрейцерский Орден: Орден Золотых Розы и Креста Старой Системы. Центром его деятельности становится берлинская ложа Три глобуса. Этот Орден принимает иерархию, включающую девять степеней: *Juniores*, *Theoretici*, *Practici*, *Philosophi*, *Minores*, *Majores*, *Adepti Exempti*, *Magistri* и *Magi*, символическое значение которых представлено в текстах Реформы, принятых на Конвенции Ордена в Праге в 1777 году.

Как указывает Рене Лефорестье, учение для Juniores состоит из ста десяти страниц книги Георга фон Веллинга *Opus mago-cabbalisticum et theosophicum* (1719). Алхимические операции, которым учат достигшим степени *Magistri*, заимствованы из двух книг Генриха Кунрата: *Confessio de Chao Physico-chemicorum catholico* (1596) и *Amphitheatrum sapientiae aeternae* (1609). Ритуалы и учение этого Ордена имеют очевидную ориентацию на алхимию (13).

В этом движении, где смешиваются алхимия, розенкрейцерство и франкмасонство, появляется знаменитая книга *Тайные фигуры розенкрейцеров XVI и XVII веков* (Альтона, 1785 и 1788) (14). Эта книга, составленная по преимуществу из чудесно иллюстрированных алхимических трактатов, часто представляется как самая важная после трёх Манифестов книга розенкрейцерства.

Эссеи и тамплиеры

Масонский Орден Золотые Роза и Крест старой системы (здесь мы подчёркиваем "масонский", чтобы отличить это движение от недавно созданных групп, которые употребляют это название, не имея связи с розенкрейцерами XVIII века) обладает качеством, отличающим его от розенкрейцерства XVII века: он претендует на происхождение от Ормуса, или Ормиссуса, египетского жреца, получившего крещение от святого Марка. Ормус, как утверждается, христианизировал египетские Мистерии, основал Орден Ормуса и сделал его символом золотой крест, покрытый красной эмалью. В 151 году эссеи якобы присоединились к нему, и Орден принял имя Хранителей Тайны Моисея, Соломона и Гермеса.

После IV века Орден никогда не имел более семи членов. В XII веке он принял в свои ряды тамплиеров, и когда христиане утратили Палестину в 1118 году, члены Ордена рассеялись по всему свету. Трое из них прибыли в Европу и основали Орден Строителей Востока. Раймон Луллий был принят в этот Орден, в который он сам вскоре посвятил Эдуарда I. Впоследствии только члены домов Йорков и Ланкастеров находились во главе этого Ордена; по этой причине к золотому кресту, символу Ордена, была добавлена роза, представленная на гербах обеих фамилий.

Посвящённые Братья Азии

Так появился масонский Орден Золотых Розы и Креста. Как бы то ни было относительно мифа о его преемственности, этот Орден, зародившийся в Германии в XVIII веке, развивался преимущественно в русле Строгого Тамплиерского Соблюдения, который был тогда самым значительным масонским ритуалом в Германии. Следует подчеркнуть, что если до сих пор розенкрейцерское движение существовало в форме небольших групп, ритуалы которых не были обнаружены до сего дня, то масонский Орден Золотых Розы и Креста Старой Системы оставил многочисленные документы, свидетельствующие о его деятельности. Он получил широкое распространение в Центральной Европе, и многие видные люди были его членами как, например, принц Фридрих Вильгельм или Николай Новиков в России. Орден был введён в период молчания его основателями в 1787 году после того, как дал жизнь Посвящённым Братьям Азии (1779), Великим Магистром которых был Карл фон Гессе-Кассель. Без сомнения, в этом окружении находился и загадочный граф Сен-Жермен. С 1778 года он обосновывается у Карла фон Гессе-Касселя, который становится его учеником и покровителем (15).

Степень Розы и Креста

Практически одновременно с тем, как основывается Орден Золотых Розы и Креста Старой Системы, во франкмасонстве появляется высокая степень Розенкрейцера. Её существование впервые отмечается в 1757 году под названием Рыцаря Розенкрейцера в ложе Дети Мудрости и Согласия. Как мы видели выше, эта степень очень быстро начинает считаться высшей степенью в масонстве. Она представляет седьмую и последнюю степень Французского Обряда 1786 года и семнадцатую степень Старого Шотландского Принятого Обряда. Между тем, она имеет свою особенность, которая вызовет многочисленные споры. Действительно, в то время как все масонские степени подчёркивают значение универсальной мудрости, эта степень является по своему содержанию специфически христианской. По этой причине некоторые франкмасоны попытаются освободить её от христианского звучания, предлагая философское толкование её символики (16). В своей *Пылающей Звезде* барон Тшуди видит в ней "возведённый в степень католицизм". В самом деле, её символика не отсылает к темам, присущим розенкрейцерству XVII

века. В ней не упоминается Христиан Розенкрейц, но выводятся на передний план Страсти на Голгофе, затем Воскресение Христа и проводятся агапы, на которых во время церемонии, сходной с Тайной вечерей, делятся хлеб и вино. Во время посвящения в эту степень посвящаемый видит блуждания, которые последовали за разрушением Иерусалимского Храма. Он ищет утраченное Слово, и его путешествие позволяет ему открыть три добродетели: Веру, Надежду и Любовь (как милосердие). Наконец, ему открывается тайный смысл аббревиатуры I.N.R.I.

Самые старые ритуалы степени Розы и Креста датируются 1760 (Страсбург) и 1761 годом (Лион), то есть всего на несколько лет позднее ритуалов Societas Roseae et Aureae Crucis во Франкфурте. Из переписки между масонами Меца и Лиона, относящейся к июню 1761 года, известно, что лионские масоны использовали у себя степень, о которой не знали их собратья в Меце: Рыцарь Орла, Пеликана, Рыцарь Святого Андрея или Каменщик Хередома - другие названия масонской степени Розы и Креста. В речи, сопровождающей другой вариант этой степени, говорится об истоках Ордена, и в этой связи как предки розенкрейцеров упоминаются сабеи, брахманы, маги, иерофанты и друиды. Розенкрейцеры представлены в ней наследниками цепи Посвящённых, звеньями которой являются египтяне, Заратуштра, Гермес Трисмегист, Моисей, Соломон, Пифагор, Платон и ессеи. Эта последовательность напоминает другую, приведённую Михаэлем Майером в *Silentium Post Clamores* (1617), и возвращает идею Первичной Традиции, столь дорогую для Герметизма Ренессанса. Эта мысль встречается также в тексте Уложение Рыцарей Каменщиков или четыре высших Ордена по уставу G : .O : . (1801).

Духовное Рыцарство

Элементы, которые встречаются в масонских и розенкрейцерских степенях, без сомнения, имеют своим источником рукопись, найденную в 1760 году в Страсбурге. В этом тексте, озаглавленном О масонстве среди христиан, несколько необычно говорится о происхождении франкмасонства. В нём масоны называются потомками Каноников Гроба Господня, которые, в свою очередь, являлись розенкрейцерами, хранителями тайн ессеев. Эти каноники передали затем своё тайное учение тамплиерам. С этими масоно-розенкрейцерскими степенями устанавливаются ссылки на Египет, ессеев и тамплиеров как на источники посвящения. Через них выражается стремление связать розенкрейцерство с мудрецами древних религий и ранним христианством, часто идеализируемым в лице ессеев и тамплиеров (18). Они снова ставят проблему истоков Традиции и связей между различными посвященческими движениями.

Конечно, то, как описываются эти истоки, не должно пониматься буквально, и Анри Корбен упрекает Рене Лефорестье за то, что тот рассматривал эти вещи только под таким углом. Не столь важно, существовал ли в реальности такой персонаж как Ормус. Для Анри Корбена эту преемственность следует искать вне исторической фактографии. Ессеи, Каноники Гроба Господня или тамплиеры должны, прежде всего, рассматриваться как символы, отсылающие к высшей реальности. Подчеркнём здесь забавную сторону явления, когда некоторые Ордена, заявляющие о себе как о наследниках тамплиеров, используют ритуалы и одежды, которых более не существует. Как писал Жозеф де Местр в своих Записках для герцога Брунсвика, посвящение существовало до тамплиеров и продолжило своё существование после них.

Анри Корбен видит в мифах, относящихся к названным Орденам, элементы, говорящие о духовной преемственности, которая осуществляется через посредничество Духовного Рыцарства. Это Братство Света трудится от начала Творения ради возвышения человечества к духовному Храму, то есть ради новой встречи человека с Божественным началом. Как он подчёркивает, "непрерывность этой традиции, не зависящей от имманентной исторической причинности, может выражаться только через символы. Передающие её возвышаются до уровня символических личностей" (19).

Преемственность движений, занятых этой работой, следует искать не в видимой истории, а в иероистории, то есть истории сакральной, и в этом смысле не будет заблуждением видеть преемственность между этими различными движениями, если только не понимать её буквально. Заметим, однако, что в эпоху, которую мы рассмотрели, розенкрейцерство часто представлялось как жемчужина этого Духовного Рыцарства.

Просвещение и Иллюминизм

XVIII век явился свидетелем появления множества посвященческих Орденов. Мы назвали только те из них, которые непосредственно относятся к розенкрейцерскому масонству. Добавим, однако, что розенкрейцерство продолжало тайно развиваться вне названных нами движений. Быстрый рост числа этих Орденов вызвал много смешений в мире эзотеризма. Уже внутри них противостоят друг другу позитивисты, сторонники Просвещения, и спиритуалисты, склонные к Иллюминизму. С наполеоновскими кампаниями возрастёт восхищение Египтом, и западный эзотеризм будет потрясён открытием, выводящим на новые пути - магнетизмом.